

Генри Моргентау

**ТРАГЕДИЯ
АРМЯНСКОГО
НАРОДА**

Henry Morgenthau

**AMBASSADOR
MORGENTHAU'S
STORY**

Генри Моргантау

**ТРАГЕДИЯ
АРМЯНСКОГО
НАРОДА**

ИСТОРИЯ ПОСЛА МОРГЕНТАУ

**Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦЕНТРОЛИГРАФ**

УДК 323.12
ББК 63.3(0)53
М79

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
И.А. Озерова*

Моргентау Г.
М79 Трагедия армянского народа. История посла Моргентау / Пер. с англ. А.Ю. Фроловой. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. — 319 с.

ISBN 978-5-227-02136-6

Книга Генри Моргентау, посла Соединенных Штатов Америки в Турции с 1913 по 1916 год, открывает шокирующую страницу истории. В ней описано уничтожение армянской нации в восточных областях Турецкой империи. Убийства, грабежи, пытки и депортация — это лишь немногое из того, что довелось пережить угнетенному народу. Моргентау представляет глубокий анализ ситуации, подкрепляя его сведениями из официальных источников. Кроме того, он описывает процесс становления профессиональной турецкой армии и правительственные интриги младотурков, а также знакомит читателя с пропагандистской немецкой политикой, которая втянула Турцию в Первую мировую войну.

УДК 323.12
ББК 63.3(0)53

© Перевод, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2010

ISBN 978-5-227-02136-6

ТРАГЕДИЯ АРМЯНСКОГО НАРОДА

ИСТОРИЯ ПОСЛА МОРГЕНТАУ

Посвящается Вудро Вильсону, представлявшему в Америке мировое просвещенное общественное мнение, которое объявило, что права малых народов должны уважаться и что преступления, подобные описанным в этой книге, больше никогда не должны омрачить страницы истории

ПРЕДИСЛОВИЕ

К этому времени американцы уже, наверное, убедились, что немцы целенаправленно планировали покорение всего мира и установление мирового господства. Тем не менее они не спешат открыто выдвигать обвинения, основываясь только на косвенных свидетельствах, и по этой причине все очевидцы этого величайшего преступления в современной истории не должны молчать.

Поэтому я отбросил прочь сомнения и решил рассказать своим соотечественникам о фактах, ставших мне известными, когда я представлял американский народ в Турции. Я приобрел эти знания, находясь на службе у американского народа, и они являются его собственностью в той же степени, что и моей.

Я очень сожалею, что был вынужден умолчать о деятельности американских миссий и образовательных учреждений в Турции, но чтобы отдать им должное, мне пришлось бы написать еще одну книгу. По этой же причине я ничего не рассказал о положении евреев в Турции.

Я бесконечно признателен моему другу Бертону Дж. Хендрику за бесценную помощь в подготовке этой книги.

Генри Моргентхау

Октябрь, 1918 г.

Глава 1

СВЕРХЧЕЛОВЕК ИЗ ГЕРМАНИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Когда я начал писать эти мемуары о времени моего посольства, немецким планам в отношении Турецкой империи и Ближнего Востока временно сопутствовал успех. Центральные державы раздробили Россию, превратив Балтийское и Черное моря в немецкие озера, и получили новый путь на восток — через Кавказ. На данный момент Германия господствовала над Сербией, Болгарией, Румынией и Турцией и считала практически осуществленным свое стремление к новой тевтонской империи. Сейчас мир знает, хотя в 1914 году не все еще осознавали тот факт, что Германия ускорила войну, чтобы уничтожить Сербию, захватить контроль над балканскими народами, превратив Турцию в вассальное государство и, таким образом, создать огромную восточную империю, которая была бы основой для неограниченного мирового господства. Означала ли немецкая агрессия на востоке, что эта обширная программа была успешно проведена?

Когда я представляю себе карту, демонстрирующую все военные и дипломатические успехи Германии, моя работа в Константинополе обретает иной смысл. Теперь события этих двадцати шести месяцев я вижу как часть связной истории. Несколько личностей, появившихся тогда на сцене, оказались актерами великолепно поставленной драмы. Сейчас я достаточно ясно понимаю, что Германия планировала

мировое государство и что страна, в которую я был направлен, как американский посол, была одним из краеугольных камней всей политической и военной структуры кайзера. Если бы Германия не получила полный контроль над Константинополем в первые дни войны, то вполне вероятно, что военные действия закончились бы через несколько месяцев после битвы на Марне. И именно перипетии судьбы привели меня в штаб-квартиру интриги в тот самый момент, когда цель кайзера — контроль над Турцией, которую он преследовал в течение четверти века, — была близка к окончательному успеху.

Для подчинения Турции и превращения ее армии и территории в инструмент Германии, император отправил в Константинополь посла, который идеально подходил для этой работы. Тот факт, что кайзер лично выбрал барона фон Вангенхайма на этот пост, показывает, что он безошибочно определил человеческие качества, необходимые в этой значительной дипломатической операции.

Кайзер давно понял, что Вангенхайм является человеком идеально подходящим на роль главного исполнителя в его восточной интриге. Он не раз вызывал его к себе в Корфу для проведения там отпуска. Мы можем быть уверены, что они, два конгениальных ума, не один день провели в обсуждении немецких притязаний на Ближнем Востоке. Когда я впервые его встретил, Вангенхайму было 54 года, он провел четверть века в дипломатическом корпусе, служил в очень разных местах, таких как Петроград, Копенгаген, Мадрид, Афины и Мексика. Он был поверенным в Константинополе, а спустя несколько лет вернулся туда послом. Он изучил и понимал все страны, в которых работал, включая Соединенные Штаты; его первая жена была американкой, и Вангенхайм, будучи послом в Мексике, близко изучал нашу страну и восхищался нашей энергией и прогрессом. Он обладал всеми необходимыми знаниями для дипломата; одинаково легко говорил на немецком, английском и французском языках, прекрасно знал Восток и имел обширные знакомства с известными людьми. В физическом плане он был одним из самых импо-

зантных людей, которых я когда-либо знал. Когда я мальчиком был в Германии, аллегорией Отчизны для немцев была красивая и сильная женщина — нечто подобное великолепной Валькирии. Но когда я думаю о современной Германии, то перед моим внутренним взором предстает огромная, дородная фигура Вангенхайма. Он был ростом метр восемьдесят восемь; имел массивную, коренастую фигуру, прямую и нестигаемую, плечи шириной с Гибралтар, лобастую и упрямо поднятую голову, пронизательные глаза. Все его тело постоянно пульсировало жизнью и энергией — я бы сказал, в этом была не та Германия, которую я знал, а Германия, чьи неограниченные амбиции превратили мир в место полное ужасов. Каждый поступок Вангенхайма, каждое его слово, как мне кажется, являли собой новое ужасное предзнаменование для народов. Каждый час его жизни был заполнен идеями пангерманизма, что и управляло всеми его действиями. Единственным религиозным инстинктом, который двигал им, было обожествление его императора. По мнению Вангенхайма, перед этим аристократическим и автократическим институтом немецкого общества, прусским по происхождению, нужно благоговеть и восхищаться. Лишь имея такую основу, Германия, как он верил, могла бы править миром. Крупный юнкер-землевладелец считал себя лучшим представителем человечества. «Я бы презирал себя, — сказал его ближайший коллега, и эта фраза в полной мере могла принадлежать Вангенхайму, — если бы родился в городе». Вангенхайм подразделял человечество на два класса: правящие и те, кем правят. Он осмеивал мысль, что представители первого класса могут выйти из второго. Я вспоминаю, с каким пылом и энтузиазмом он описывал кастовую систему в Германии, то, как император сделал имения непродаемыми, а также то, как он сумел добиться того, чтобы собственник, или будущий собственник, не мог жениться без императорского согласия. «Таким образом, — говорил Вангенхайм, — мы будем сохранять правящие классы чистыми, без какого-либо кровосмешения». Как и все представители его социального слоя, Вангенхайм почитал прусскую военную систему. Его поведение показывало, что он

сам служил в армии и, согласно истинно немецкой моде, рассматривал практически любую ситуацию в жизни с военной точки зрения. У меня есть любопытный пример, иллюстрирующий это. Однажды я спросил Вангенхайма, почему кайзер не посетил США. «Он очень хотел бы, — ответил мне тот, — но это было бы слишком опасно. Война может начаться, когда он будет в море, и враг схватит его». Я предположил, что это вряд ли произойдет, так как американское правительство прикажет сопровождать своего гостя военными кораблями и что ни одна страна не рискнет втягивать в войну Соединенные Штаты, как друга Германии, но Вангенхайм продолжал думать, что военная опасность делает подобный визит невозможным.

От него гораздо больше, чем от других представителей Германии, зависел успех тайного стремления кайзера к мировому господству. Этот немецкий дипломат приехал в Константинополь с единственной целью. В течение двадцати лет немецкое правительство старалось сблизиться с Турецкой империей. Все это время кайзер готовился к мировой войне, и в этой войне Турции была предначертана чуть ли не решающая роль. Если Турецкая империя не станет союзником Германии, то маловероятно, что Германии удастся добиться успеха в общеевропейском конфликте. Вступив в союз с Россией, Франция в случае войны с Германией получала на свою сторону 170 миллионов человек. В течение более чем двадцати лет Германия старалась разорвать этот союз, но без успеха. Был только один путь, с помощью которого Германия могла сделать бесполезным русско-французский союз: добиться дружбы с Турцией. Имея Турцию на своей стороне, Германия могла закрыть Дарданеллы — единственный путь, связующий Россию и ее западных союзников. Это простое действие должно было лишить царскую армию военного снаряжения; остановив экспорт зерна, самый крупный источник российского благосостояния, оно разрушало экономику России и, таким образом, отключало ее от партнерства в мировой войне. То есть миссия Вангенхайма заключалась в том, чтобы убедиться: в приближающемся большом противостоянии Турция присоединится к Германии.

Вангенхайм верил, что в случае успеха в выполнении этой задачи он получит награду, которая была его конечной целью в течение долгих лет: канцлерство в империи. Его мастерство в установлении дружеских отношений с турками дало ему большое преимущество перед его соперниками. Вангенхайм обладал той смесью силы, убедительности, гениальности и грубости, которые были необходимы для общения с представителями Турецкой империи. Я придаю особое значение его прусским качествам, но все же Вангенхайм был пруссаком не по рождению, а по воспитанию. Он родился в Тюрингии и, обладая энергией, честолюбием и властолюбием истинного уроженца Пруссии, был мягче характером, что присуще выходцам с юга Германии. Кроме того, он обладал одним замечательным качеством, не свойственным пруссакам, — тактом. Как правило, он умело скрывал свои менее приятные качества и демонстрировал лишь умение обвораживать. Он властвовал не только благодаря грубой силе, но и благодаря смеси силы и дружелюбия. Он не был хвастуном; его поведение было скорее располагающим, чем довлеющим; он добивался цели убеждением, а не «бронированным кулаком», но мы, хорошо с ним знакомые, понимали, что за всей его добротой скрывалось чудовищное, всепоглощающее тщеславие. Подчеркну еще раз: он производил впечатление не грубого человека, а, наоборот, человека жизнерадостного и с добрым нравом. И действительно, Вангенхайм обладал смесью различных качеств: веселым энтузиазмом студента, жадностью прусского чиновника и беззаботностью светского человека. Я все еще вспоминаю этого огромного человека, сидящего за фортепиано и импровизирующего на тему какого-нибудь классического произведения и вдруг без всякого перехода начинающего колотить по клавишам рояля, исполняя бравурные немецкие застольные песни или популярные мелодии. Я все еще вижу, как он садится на лошадь на поле для поло, как он прищипоривает великолепное животное, заставляя его развить, казалось, невозможно бешеную скорость, с целью удовлетворить свои амбиции спортсмена. И действительно, каки ли бы ни были его занятия,

серьезными или веселыми, Вангенхайм демонстрировал один и тот же неутомимый дух погони. Флиртовал ли он с гречанками в Пера, проводил ли время за карточным столом в Серкль д'Ориент или склонял турецких чиновников к выполнению действий в интересах Германии, для него жизнь всегда была игрой, которую нужно было провести более или менее безрассудно и в которой удача благоволила к тому, кто был смел, умел рисковать и мог поставить на карту все: пан или пропал. И эту величайшую из всех игр, ради которой стоит рисковать, как сказал Бернард в «Мировой империи или провале», Вангенхайм играл не медленно и размеренно, не так, будто то был его долг, нет. Он, используя немецкое выражение, был «огнем и пламенем», он сознавал, что являлся сильным человеком, избранным для выполнения большой задачи. Когда я пишу о Вангенхайме, то все еще чувствую, что нахожусь под впечатлением от силы этой личности, хотя прекрасно сознаю, что он, как и правительство, которому он столь преданно служил, был безжалостным, бесстыдным и жестоким. Он был согласен со всеми последствиями политики своего правительства, какими бы отвратительными они ни были. Он видел перед собой единственную цель и с характерными для немцев реализмом и логикой отмахивался от гуманности и благопристойности, которые могли помешать успеху. Он был полностью согласен с высказыванием Бисмарка, что ради кайзера и родины немец должен был готов пожертвовать не только своей жизнью, но также своей честью. Если Вангенхайм олицетворял Германию, то его коллега, Паллавичини, олицетворял Австрию. Одним из главных качеств Вангенхайма было грубое самомнение, а Паллавичини был тихим, добросердечным, прекрасно воспитанным джентльменом. Вангенхайм всегда смотрел в будущее, Паллавичини — в прошлое. Вангенхайм представлял собой смесь торгашеского духа и средневековой жажды соревнований, которые и составляют суть прусской внешней политики; Паллавичини же был дипломатом, словно пришедшим к нам из времен Меттерниха. «Германия хочет этого!» — говорил Вангенхайм, если нужно было решать какой-то важный во-

прос; «Я проконсультируюсь с министерством иностранных дел», — говорил в таком случае осторожный Паллавичини. У австрийца были маленькие вздернутые усики, его походка была жесткой и довольно неестественной, он походил на старомодного маркиза, некогда ковылявшего по сцене. Я могу сравнить Вангенхайма с представителем большой коммерческой компании, щедрой в тратах и беспринципной в методах, в то время как его австрийский коллега представлял организацию, гордящуюся своими прошлыми достижениями и довольную занимаемой позицией. Тот восторг, который Вангенхайм испытывал от пангерманских планов, Паллавичини находил в тонкостях и туманностях дипломатии. Австриец представлял свою страну в Турции в течение многих лет и был старшиной дипломатического корпуса. Этим званием он очень гордился. Он получал удовольствие в тщательном соблюдении всех тонкостей этикета и был настоящим экспертом в определении порядка рассаживания гостей на церемониальных обедах. Не было ни одной детали этикета, которую он бы не знал как свои пять пальцев. Однако, когда речь заходила о делах государства, он был всего лишь инструментом в руках Вангенхайма. И действительно, кажется, он с самого начала смирился с позицией дипломата, более или менее зависимого от воли более влиятельного друга. Таким образом, Паллавичини играл для своего немецкого коллеги точно такую же роль, как его император — для кайзера. В первые месяцы войны поведение этих мужчин полностью отражало успехи и поражения их стран. Когда немцы похвалялись следующими друг за другом победами, крупная и прямая фигура Вангенхайма, казалось, становилась еще больше и прямее, в то время как Паллавичини, когда австрийцы терпели от русских поражение за поражением, казалось, съеживался. Ситуация в Турции в эти критические месяцы выглядела так, будто бы была специально создана, чтобы дать возможность проявить себя человеку, обладающему гением Вангенхайма. В течение десяти лет Турецкая империя переживала процесс распада и теперь достигла состояния глубокой ветхости, что сделало ее легкой добычей

для немецкой дипломатии. Чтобы понять ситуацию, нужно помнить, что в Турции не было организованного правительства. Младотурки не были правительством, они были всего лишь безответственной партией, чем-то вроде секретного общества, которое путем интриг, устрашений и убийств захватило большую часть государственных учреждений. Описывая младотурок таким образом, я, возможно, рассеиваю определенные иллюзии. До приезда в Турцию, у меня были некоторые предположения по поводу ее государственного устройства. Помню, в 1908 году новости, касающиеся Турции, вызвали у меня, дипломата до мозга костей, очень сильную симпатию. Сообщалось, что группа молодых революционеров спустилась с гор Македонии, пришла в Константинополь, свергла кровавого султана Абдул-Хамида и установила конституционную систему правления. Турция, сообщали газеты, стала демократической, в ней появился парламент, ответственные министерства, избирательное право, равенство всех граждан перед законом, свобода слова и другие черты свободного государства. Я очень хорошо знал, что турки долгое время боролись за эти реформы, и то, что их цели стали реальностью, подтверждает, что, в конце концов, существует такая вещь, как человеческий прогресс. Длительный сумбур с бойнями и беспорядками в Турецкой империи, очевидно, закончился; «великий убийца» Абдул-Хамид был помещен в тюрьму в Салониках, а его брат, добрый Мехмед V, взошел на трон с прогрессивной демократической программой. Таковы были его обещания к 1913 году, но к тому времени, когда я приехал в Константинополь, многое изменилось. Австрия присоединила к себе две турецкие провинции — Боснию и Герцеговину; Италия вырвала Триполи; Турция пережила жуткую войну с Балканскими государствами и, за исключением Константинополя и небольшого района недалеко от прибрежной полосы, потеряла все свои европейские территории. Стремления к восстановлению Турции, которые вдохновляли революционеров, очевидно, потерпели неудачу, и я обнаружил, что четыре года так называемого демократического правления закончи-

лись гораздо большим, чем прежде, унижением нации, истощенной и расчлененной. И действительно, задолго до моего приезда попытки установить демократию в Турции провалились. Ни разу за всю историю демократических институтов неудача не была столь сокрушительной и столь сильно приводящей в уныние. Едва ли мне нужно детально объяснять причины этого провала. Давайте не будем резко критиковать младотурок, поскольку нет сомнений, что вначале они были искренни. В июле 1908 года во время речи на площади Свободы в Салониках Энвер-паша, которого всенародно считали молодым лидером мятежа против вековой тирании, красноречиво заявил: «Деспотия исчезла. Мы все братья. В Турции больше нет болгар, греков, сербов, румын, мусульман, евреев. Мы все находимся под одним и тем же голубым небом и гордимся тем, что являемся турками». Это утверждение являло собой идеальную модель государства для младотурок. Но это был идеал, не имеющий способов воплощения в жизнь. Народы, с которыми турки в течение долгих веков плохо обращались и представители которых часто становились жертвами кровавой резни, не могли за ночь превратиться в братьев. Ненависть, ревность и религиозные предрассудки прошлого все еще делали Турцию смесью воинствующих кланов. Кроме того, разрушительные войны и потеря больших территорий Турецкой империи разрушили престиж новой демократии. Было множество других причин для неудачи, но едва ли есть необходимость обсуждать их сейчас.

Хотя младотурки и исчезли как политическая регенеративная сила, но они все еще существовали как политическая машина. Их лидеры, Талаат, Энвер и Джемаль, давно перестали надеяться реформировать свое государство, зато у них появилась ненасытная жажда личной власти. Вместо живущей счастливо в демократическом государстве, наслаждающейся избирательным правом, строящей индустрию и сельское хозяйство, закладывающей основы образования, санитарии и общего прогресса почти 20-миллионной нации, я увидел Турцию состоящую из огромного количества немых, необра-

зованных и нищих рабов, во главе которых стоит небольшая слабая олигархия, готовая в любой момент использовать их во имя собственных интересов. И это были практически те же самые люди, которые несколько лет назад сделали Турцию конституционным государством. Трудно себе представить более озадачивающее падение от высшего идеализма к полному материализму. Талаат, Энвер и Джемаль были мнимыми лидерами, за их спиной существовал комитет, состоящий примерно из сорока человек. Этот комитет собирался тайно, манипулировал выборами и заполнял государственные учреждения собственными представителями. Комитет заседал в Константинополе и имел председателя, который и занимался целиком и полностью его делами. Этот чиновник правил партией и страной, как американский босс в самые трудные дни, так что вся организация являла собой типичный образец того, что мы называем «фактическим правительством». Подобный тип правления временами активно процветал в американских городах, по большей части по причине того, что горожане посвящали все свое время личным делам и поэтому пренебрегали делами общественными. Но в Турции народные массы были просто безграмотными и не могли понять значение демократии, а банкротство и распад империи оставили народ практически без правительства и сделали его легкой добычей шаек решительных авантюристов. «Единение и прогресс», во главе с Талаат-пашой, и была такой шайкой. Помимо сорока человек в Константинополе, во всех важных городах империи были организованы подкомитеты. Люди, которых комитет наделил властью, «подчинялись» и производили переданные им назначения. Никто не мог занимать какой бы то ни было пост, высокий или нет, без одобрения комитета.

Однако должен признаться, не совсем корректно сравнивать коррупцию в наших американских партиях с ситуацией, присущей турецкой партии Талаата, Энвера и Джемалья — «Единение и прогресс». Здесь мы встречаемся с отсутствующей в американской политике практикой убийства политических и общественных деятелей, а также с практикой су-

дебных убийств. От других фракций они получали власть путем актов насилия. Этот coup d'état¹ имел место 26 января 1913 года, чуть меньше чем за год до моего прибытия. В это время политическая группа, возглавляемая Камилем-пашой, великим визирем, и Назим-пашой, военным министром, контролировала правительство. Они представляли фракцию, известную как «либеральная партия», которую отличала, главным образом, враждебность по отношению к младотуркам. Эти люди воевали во время страшной Балканской войны, а в январе почувствовали, как их принуждают принять совет европейских держав и отдать Адрианополь Болгарии. В течение примерно шести месяцев младотурки ожидали возможности вернуть себе власть. Предложенная сдача Адрианополя, очевидно, дала им такую возможность. Адрианополь был важным для турок городом, так что вполне естественно, что турецкий народ рассматривал предполагаемую его сдачу как еще одну ступень на пути к национальной гибели. Талаат и Энвер на скорую руку собрали около двух сотен последователей и отправились в Порту (принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства канцелярии великого визиря и дивана), где заседало министерство. Назим, услышав шум, вышел в коридор. Он мужественно встретил толпу, во рту у него была сигарета, руки же он заложил в карманы.

— Мальчики, — с юмором сказал он, — что за шум? Разве вы не знаете, что это мешает нам обсуждать?

Едва он успел договорить, как упал замертво. Пуля прервала его жизнь.

Толпа, ведомая Талаатом и Энвером, направилась в зал заседания. Они вынудили Камилем, великого визиря, оставить пост, угрожая ему постигшей Назима судьбой. Так как убийства были средством, при помощи которого лидеры добивались верховной власти, то они и остались тем самым инструментом, на который вожаки опирались, чтобы поддержать свою власть. Джемаль в дополнение к своим прямым обя-

¹ Государственный переворот (фр.).

занностям стал также военным губернатором Константинополя. В этой должности он контролировал полицию, проявив все таланты Фуше, и так успешно исполнял свою работу, что любой человек, пожелавший устроить заговор против младотурок, обычно отправлялся для этого в Париж или Афины. В течение нескольких месяцев, предшествовавших моему приезду, в Турции господствовал террор. Младотурки разрушили режим Абдул-Хамида только для того, чтобы перенять любимые методы султана, заставлявшие молчать оппонентов. Турки внезапно обнаружили, что вместо одного Абдул-Хамида их у них несколько. Людей арестовывали и высылали в огромном количестве, обычным делом для политических преступников, то есть противников правящей партии, была виселица.

Слабость султана сильно облегчила комитету его работу. Мы должны помнить, что Мехмед V был не только султаном, но и халифом — не только временным правителем, но также и главой мусульманской церкви. Как религиозный лидер, он был объектом поклонения для миллионов преданных мусульман — этот факт, который мог бы дать сильному человеку на его месте возможность освободить Турцию от угнетателей. Я полагаю, что даже те, кто испытывает по отношению к султану самые теплые чувства, не смог бы описать его как энергичного и властного человека. Это чудо, что обстоятельства, в которых волею судьбы оказался Мехмед, полностью не уничтожили его. Он был братом Абдул-Хамида — «великого убийцы», по мнению Гладстона, — человека, который правил с помощью шпионажа и кровопролития и заботился о своих родственниках так же, как и об убитых армянах. Первым делом, взойдя на трон, Абдул-Хамид запер своего преемника во дворце и, окружив шпионами, ограничил его общение гаремом и несколькими лицами, постоянно запугивая угрозами убийства. Естественно, образование Мехмеда было ограничено; он говорил только по-турецки, а об окружающем мире узнавал лишь из случайно попадавших во дворец газет. Оставаясь молчаливым и незаметным, преемник чувствовал себя достаточно удобно и находился в относительной безопаснос-

ти, однако он знал, что при первых признаках мятежа ему будет грозить смерть. Каким бы суровым испытание это ни было, оно не уничтожило благожелательный и добрый нрав Мехмеда. У султана не было никаких характерных особенностей, которые позволяли предположить, что он является «ужасным турком». Он был просто тихим, добродушным, воспитанным пожилым человеком. Все любили его, и я не думаю, что где-то в глубине его души таилась неприязнь по отношению к людям. Он не мог управлять своей империей; лишь титул и сознание того, что он является прямым потомком великого Османа, добавляли ему чувство гордости. Однако абсолютно точно то, что он не мог противостоять планам людей, которые боролись за контроль над Турцией. После замены Абдул-Хамида, его хозяина, Талаатом, Энвером и Джемалем личная позиция султана не слишком улучшилась. «Единение и прогресс» управляла им так же, как и остальной Турцией, — путем устрашения. И действительно, партия преподала ему урок силы, когда султан однажды попытался заявить о своей независимости. Результат этой попытки не оставил сомнений в том, кто здесь хозяин. Группа «заговорщиков» и других преступников, тринадцать человек, были приговорены к повешению, среди них был и зять султана. Казнь могла состояться лишь в том случае, если султан подпишет смертный приговор. Он умолял, чтобы ему разрешили пощадить зятя, хотя и не возражал против казни других двенадцати человек. Номинальный правитель 20 миллионов человек, образно говоря, опустился на колени перед Талаатом, но никакие жалобы не подействовали на этого решительного человека. Для Талаата это был шанс доказать, кто здесь является правителем, они или султан. Спустя несколько дней жуткая фигура зятя султана, болтающаяся на виселице на виду у всего турецкого населения, ясно напомнила империи, что Талаат и комитет являются истинными хозяевами Турции. После столь драматичной проверки силы султан больше не пытался вмешиваться в дела государства. Он знал, что случилось с Абдул-Хамидом, и боялся, что его ждет гораздо более страшная судьба.

Таким образом, к тому моменту, когда я приехал в Константинополь, младотурки уже полностью контролировали султана. Часто о нем говорили как о «машине по изготовлению указов», то есть, в нашем понимании, как о человеке, не способном на самостоятельные решения. Его государственные обязанности состояли лишь из выполнения определенных церемоний, таких как встреча послов и подписание бумаг, которые Талаат и его товарищи клали перед ним. Это была кардинальная перемена в турецкой системе, так как в течение долгих веков в этой стране султан был бесспорным главой, воля которого была законом и который держал в своих руках всю суверенную власть. Но не только султан, но и парламент теперь подчинился комитету, который выбирал практически всех его членов, голосовавших так, как им приказывали их начальники. Комитет уже поставил своих людей на посты в особо важных учреждениях и теперь пытался захватить власть в некоторых других важных местах, по каким-то причинам все еще находившихся в чужих руках.

Глава 2

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА В ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ТО, КАКИМ ОБРАЗОМ ОНА ОКАЗАЛАСЬ ПОЛЕЗНОЙ НЕМЦАМ

Талаат, лидер этой шайки узурпаторов, в действительности обладал замечательными личностными качествами. Естественно, жизнь Талаата и его характер мне интересны, потому что за много лет я хорошо познакомился с политическим боссизмом в своей стране. Я видел в Талаате большое сходство с не вполне зрелыми, но все же способными горожанами, которые так часто в прошлом захватывали власть как на местах, так и в центре. Происхождение Талаата было темным, и в народе на этот счет ходило много слухов. Один источник утверждал, что Талаат был болгарским цыганом, в то время как

другой заявлял, что он помак — то есть человек, в жилах которого течет болгарская кровь, но чьи предки приняли ислам. Если исходить из последней гипотезы, которую я лично считаю верной, то истинный правитель Турецкой империи вообще не был турком. Я могу лично засвидетельствовать, что его совершенно не волновал ислам; как и большинство лидеров партии «Единение и прогресс», он презирал все религии. Однажды он сказал мне: «Мне глубоко ненавистны все священнослужители, равнины и хаджи». Хаджи для магометан — это ближайший эквивалент служителя культа. В американских городах политики — это часто люди, занимавшие более чем скромное общественное положение и, что неудивительно, развившие в себе прекрасные политические способности. Так и Талаат начал свой карьерный путь с должности почтальона, затем он стал телеграфистом в Адрианополе. Талаат очень гордился началом своей карьеры. Один или два раза я бывал у него в гостях. Несмотря на то что Талаат был одним из самых могущественных людей в Турецкой империи, его дом был скромным домом человека из народа. Он был дешево обставлен, вся обстановка напоминала мне недорогую квартиру в Нью-Йорке. Самой дорогой вещью в нем был телеграфный аппарат, при помощи которого он когда-то зарабатывал себе на жизнь. Однажды вечером Талаат сказал мне, что он, министр внутренних дел, получив в тот день зарплату и погасив все свои долги, остался всего лишь с сотней долларов в кармане. Он любил проводить часть своего свободного времени с членами комитета партии «Единение и прогресс». Не найдя в кабинете, его следовало искать в штабе партии, где он дни напролет просиживал за письменным столом, занимаясь партийными вопросами. Вопреки скромному началу карьеры, Талаат сумел развить в себе качества светского человека. Хотя его воспитание исключало умение пользоваться ножом и вилок — подобный инвентарь был абсолютно неизвестен в беднейших районах Турции, — Талаат мог присутствовать на дипломатических ужинах и представлять свою страну с достоинством и непринужденностью. Я всегда рассматривал это как признак врожденного ума. Ведь, фактически не имея об-

разования, он быстро выучил французский на уровне, позволяющем непринужденно вести беседу. В физическом плане он был более чем выдающейся фигурой. Его могучее телосложение, широкая спина и твердые мускулы как бы подчеркивали силу ума, сделавшую возможным его карьеру. Обсуждая дела, Талаат любил сидеть за своим письменным столом с расправленными плечами и высоко поднятой головой. Его руки, обхват которых в запястьях был раза в два больше, чем у обычного мужчины, спокойно лежали на столе. Мне всегда казалось, что оторвать эти руки от столешницы можно будет лишь при помощи лома, раз уж они там находились благодаря силе воли и непокорному характеру Талаата. Когда я думал о Талаате, в памяти не возникали ни громкий его смех, ни то, как он наслаждался хорошим рассказом, ни то, как он мерил комнату могучими шагами, ни его свирепость, решительность или беспощадность. Мне всегда казалось, что его жизнь и характер были сосредоточены в его гигантских руках.

В облике Талаата, как и большинства сильных мужчин, иногда проскальзывало что-то дикое, можно сказать, даже жестокое. Однажды я обнаружил его сидящим на обычном месте, широкие плечи были расправлены, глаза сверкали, руки покоились на столе. Видя его в таком настроении, я всегда ожидал неприятностей. Я обращался к нему с просьбами, а Талаат отвечал между затылками одним только «Нет!».

Я подошел к его столу.

— Я полагаю, что вся проблема заключается в этих руках, ваше превосходительство, — сказал я. — Не снимите ли вы их со стола?

Лицо Талаата сначала сморщилось, но потом он всплеснул руками, откинулся назад и расхохотался. Ему так понравилось мое обращение к нему, что он удовлетворил все мои просьбы.

В другой раз я зашел к нему, когда у него были два арабских принца. Талаат был серьезным, величественным и отказывал мне во всех просьбах. «Нет, я не стану этого делать» или «Нет, у меня нет ни малейшего намерения этого делать», — отвечал он. Я видел, что он старается произвести впечатление на своих гостей, показать им, что он стал таким «большим»

человеком, что, не колеблясь, отказывает послу. Поэтому я подошел ближе и тихо сказал ему:

— Я вижу, что вы стараетесь произвести впечатление на этих принцев. Если вам так необходимо становиться в позу, то сделайте это с австралийским послом — он ждет за дверью. Мои дела слишком важны, чтобы к ним несерьезно относиться.

Талаат рассмеялся.

— Приходите через час, — сказал он.

Когда я вернулся, оба арабских принца уже ушли, и у нас не возникло проблем с тем, чтобы решить дела удовлетворительным для меня образом.

— Кто-то должен управлять Турцией, почему не мы? — однажды сказал мне Талаат. Ситуация как раз была близка к этому. — Я был очень разочарован, — продолжил он, — тем, что турки не приняли демократические принципы. Я очень надеялся на обратное и много работал для этого — но они не были к этому готовы.

Он понимал, что правительством может овладеть первый же инициативный и умеющий работать человек, и был решительно настроен стать таким человеком. Из всех турецких политиков, которых я когда-либо встречал, Талаат, на мой взгляд, был единственным, имевшим замечательные врожденные способности. Он был очень силен и имел огромное влияние на людей, соображал он быстро и имел почти сверхъестественную проницательность, вследствие чего легко понимал человеческие мотивы. Гениальность и чувство юмора сделали его прекрасным управленцем. После убийства Назима он показал всю свою жесткость, принимая меры, имеющие целью получение власти в раздробленной стране. Он распространил свое влияние на правительство не за один прием, нет, он действовал исподволь, осторожно выясняя обстановку. Талаат понимал все слабые места своего положения. Ему нужно было принимать во внимание несколько факторов: зависть товарищей по революционному комитету, следовавшую за ним буквально по пятам, армию, иностранные правительства, влияние нескольких фракций, которые выду-

мали то, что впоследствии выдавалось за общественное мнение. Любой из этих факторов мог уничтожить его как политически, так и физически. Он понимал всю опасность той тропы, на которую ступил, и всегда предвидел свою насильственную смерть. «Не суждено мне умереть в постели», — сказал он мне. Став министром внутренних дел, Талаат получил власть над полицией и администрацией провинций, или вилайетов. Это дало ему огромную власть, которую он использовал для усиления позиции комитета. Он пытался получить поддержку всех влиятельных фракций исподволь, ставя их представителей на посты в кабинете. И хотя позже он оказался виновным в убийстве сотен тысяч армян, в данное время Талаат утверждал, что комитет стремится к объединению всех этносов империи. И именно по этой причине членами кабинета были араб-христианин, перешедший в ислам еврей, черкес, армянин и египтянин.

Позже он сделал так, что пост великого визиря, самый высокий пост в правительстве, стал в общих чертах соответствовать посту канцлера в Германии. Человек, которого он выбрал на эту должность, Саид Халим, был египетским принцем, родственником хедива Египта, человеком богатым и образованным. Он говорил по-английски и по-французски свободно, как на родном языке, и был бы украшением любого общества. Но в то же время он был человеком безгранично тщеславным и амбициозным. Самым большим его желанием было стать хедивом Египта. И именно это заставило его связать свою политическую карьеру с той шайкой, что правила в Турции. С самого начала он финансировал младотурок, и его вклад в это дело был наибольшим. В награду они дали ему самый высокий пост в империи, правда при молчаливом согласии на то, что он не станет пытаться действовать в соответствии со своими полномочиями, а будет лишь наслаждаться своим высоким положением.

Подготовка Германии к войне в течение многих лет включала в себя изучение внутренней обстановки в других странах. Необходимой составляющей императорской программы было получение максимальных преимуществ из по-

добного рода смут для осуществления планов проникновения и завоевания. Всем известно, что эмиссары Германии пытались осуществить во Франции, Италии и даже в Соединенных Штатах, и их успех в России сильно изменил ход войны. Несомненно, что существовавшая в 1913—1914 годах в Турции обстановка давала прекрасные возможности для подобного рода манипуляций. Однако у Германии в Турции было одно преимущество, не столь очевидное в других странах. Талаат и его товарищи нуждались в Германии почти так же сильно, как Германия — в Талаате. Талаат и его товарищи были новичками в деле управления государством. Их финансы были исчерпаны, армия и морской флот разбиты в пух и прах, враги постоянно пытались уничтожить их, а великие державы рассматривали их как жалких авантюристов, чья карьера должна была быть скоро завершена. Без мощной поддержки извне было лишь вопросом времени, как долго сможет просуществовать новый режим. Талаату и его комитету была необходима чужая сила, чтобы создать армию и морской флот, выделить средства для народа, помочь восстановить промышленность и защитить все это от агрессии окружающих Турцию держав. Они были невежественны в искусстве управления государством и поэтому нуждались в мудром советнике, который мог бы провести их через все капканы международных интриг. Где можно было найти такого защитника? Очевидно, лишь одна великая европейская держава могла подойти на эту роль. Какая же? Десять лет назад Турция, естественно, обратилась бы к Англии. Но сейчас Турция рассматривала Англию как государство, лишившее ее Египта и не защитившее от распада после Балканской войны. Теперь Великобритания вместе с Россией контролировала Персию и поэтому являлась постоянной угрозой для азиатских владений — по крайней мере, так считала Турция. Англия мало-помалу отзывала свой капитал из Турции, английские государственные деятели полагали, что задача выталкивания Турции из Европы почти выполнена и что вся ближневосточная политика Великобритании зависит от сохранения политической ситуации на Балканах, что

обеспечивалось Бухарестским мирным договором. Договором, который Турция отказывалась считать значимым и который собиралась расстроить. Кроме того, Турция боялась России в 1914 году так же, как во времена Петра I. Россия была историческим врагом, нацией, которая дала свободу Болгарии и Румынии, которая была самой активной в разделении Османской империи и которая считала себя единственной силой, способной владеть Константинополем. Я полагаю, что этот страх перед Россией был одним из факторов, толкнувших Турцию в объятия Германии. В течение более сотни лет Турция рассматривала Англию как самую надежную защиту от российской агрессии, теперь же Англия стала мнимым другом России. Более того, тогда было широко распространено разделяемое главами Турции мнение, что Англия очень хотела бы, чтобы Россия «унаследовала» Константинополь и Дарданеллы.

Хотя Россия в 1914 году не выказывала подобных намерений, по крайней мере открыто, сам факт ее давления на Турцию делал невозможным обращение Талаата и Энвера к ней за поддержкой. Италия захватила последнее турецкое владение в Африке — Триполи и удерживала Родос и некоторые другие турецкие острова. Кроме того, было известно, что она вынашивает агрессивные планы по отношению к полуострову Малая Азия. Франция была союзником России и Великобритании и постоянно расширяла свое влияние в Сирии, с которой связывала грандиозные планы «проникновения» посредством железных дорог, концессий и т. п. Личное равенство играло важную роль в последовавшей драме. Послы Антанты почти не скрывали своего презрения как к правящим в Турции политикам, так и к их методам. Сэр Луи Маллет, британский посол, был благородным и образованным английским джентльменом; Бомпар, французский посол, был очаровательным и благородным человеком. Оба были непригодны для участия в убийственных интригах, которые являла тогда турецкая политика. Гирс, российский посол, был гордым и высокомерным дипломатом — представителем старого аристократического режима. Он был чрез-

вычайно хитер, но с младотурками обращался презрительно, не скрывая собственнического интереса к их стране. И мне казалось, что он как бы уже занес меч над презируемым им правительством. Было абсолютно очевидно, что все три посла Антанты считали недогловечным режим Талаата и Энвера и не думали способствовать его укреплению. На их глазах за последние шесть лет в Турции поднимались и падали правительства, и не было причин сомневаться, что этот последний захват власти продлится дольше нескольких месяцев.

Но был в Турции один активный человек, который не колеблясь использовал средства, казавшиеся ему подходящими для достижения собственной цели. Вангенхайм отчетливо видел то, что его коллеги осознали очень слабо: эти люди постоянно укрепляли свое влияние в Турции и искали сильную державу, которая оценила бы их положение и помогла бы им удержаться. Чтобы уяснить ситуацию, давайте ненадолго обратимся к стране, находящейся к нам значительно ближе Турции. В 1913 году Викторiano Уэрта и его друзья-заговорщики захватили власть над Мексикой при помощи средств, не слишком отличающихся от тех, что дали Талаату и комитету верховную власть над Турцией. Точно так же, как Уэрта убил Мадеро, так и младотурки убрали со своего пути Назима: в обеих странах убийство стало постоянным политическим оружием. Уэрта контролировал мексиканский конгресс и учреждения, так же как Талаат — турецкий парламент и основные должности в государстве. Мексика при Уэрте была бедной страной, финансовая ситуация была более чем плачевной, промышленность и сельское хозяйство — истощены, точно в таком же положении находилась Турция при Талаате. Как Уэрта собирался сохранить свое положение и реабилитировать свою обезумевшую страну? Конечно же был лишь один путь — необходимость заручиться поддержкой какой-нибудь сильной иностранной державы. По этой причине он неоднократно пытался получить одобрение Соединенных Штатов, а когда мы отказались иметь дело с убийцей, Уэрта обратился к Германии. Давайте представим, чем же мог ответить кайзер. Он мог преобразовать финан-

совую систему Мексики, восстановить ее железные дороги, заново построить промышленность, модернизировать армию и, таким образом, получить власть над страной, которая стала бы тогда его номинальным владением.

Только одна вещь помешала Германии сделать это — доктрина Монро. Но в Турции доктрина Монро не действовала, и то, что я лишь посчитал возможным в Мексике, является точным описанием того, что случилось в Османской империи. Когда я оглядываюсь назад, то вся ситуация кажется ясной, простой и неизбежной. Германия до этого времени была практически единственной страной в Европе, которая не присвоила себе бывших турецких территорий. И этот факт дал ей вначале преимущество. Представительство Германии в Константинополе было гораздо более квалифицированным, чем послы какой-либо другой страны, так что могло разобраться в ситуации. И дело было не только в отсутствии сомнений, но и в лучшей осведомленности и мастерстве. Вангенхайм тогда был не единственным талантливым немцем в Турции. Особенно влиятельным представителем пангерманизма был Пауль Вайц, который в течение тридцати лет представлял газету «Франкфуртер цайтунг» в Турции. Вайц был ближе всех знаком с турками и турецкими делами; не было такого места, куда бы он не мог получить доступ. Подсказывая, советуя, информируя, он всегда был рядом с Вангенхаймом. Немецкий морской аташе, Хуман, сын известного немецкого археолога, родился в Смирне и провел здесь практически всю свою жизнь. Он не только говорил по-турецки, но мог также думать как турок, так что психология этого народа стала частью его менталитета. Более того, Энвер, один из двух турецких вождей, был с Хуманом в дружеских отношениях. Когда я думаю об этом опытном трио: Вангенхайм, Вайц и Хуман — и об очаровательных и честных джентльменах, которые ему противостояли, произошедшие события кажутся мне столь же неизбежными, как и естественные процессы в природе. К весне 1914 года Талаат и Энвер, представлявшие Центральный комитет партии «Единение и прогресс», практически доминировали в Турецкой империи. Вангенхайм, не забывая о

приближающейся войне, имел перед собой одну-единственную цель, достижение которой было необходимо: контроль над Талаатом и Энвером.

В начале января 1914 года Энвер стал военным министром, к тому времени ему было 32 года. Как и большинство турецких политиков, он происходил из скромной семьи. А его звание «героя революции» указывало на то, почему Талаат и комитет назначили его военным министром. У Энвера была репутация военного, хотя, насколько мне известно, он никогда не добивался больших военных успехов. Революция 1908 года, в которой он был одним из лидеров, унесла очень немного человеческих жизней; в 1912 году он командовал армией в Триполи против итальянцев — но в этой кампании конечно же не было ничего наполеоновского. Однажды сам Энвер рассказал мне, как во время 2-й Балканской войны, во время захвата Адрианополя, он во главе своих войск скакал всю ночь на коне, и, так как к моменту прибытия на место болгары оставили город, победа оказалась бескровной. Однако у Энвера была одна характерная особенность, способствующая успеху в столь бедствующей стране, как Турция, — это его смелость. Он быстро принимал решения, всегда был готов рисковать своим будущим и своей жизнью для успеха очередного дела. И действительно, с самого начала его карьера представляла ряд счастливо преодоленных кризисов. Его отличала жестокость, холодная решимость и практически полное отсутствие сострадания, но ни одно из этих качеств невозможно было заметить, глядя на его приятное лицо, маленькую, но крепкую фигуру и наблюдая за его приятными манерами. Также обычный наблюдатель не заметил бы страстных личных амбиций, которые управляли им. Все друзья обычно, обращаясь к нему, называли его Наполеончик — маленький Наполеон, — и это прозвище действительно соответствовало характеру Энвера. Помню, однажды вечером я был у него в гостях, с одной стороны висел портрет Наполеона, с другой — Фридриха Великого, а между ними восседал Энвер! Этот факт давал некоторое представление о его тщеславии. Эти два воина и государственных деятеля были великими героями, и, я

полагаю, Энвер считал, что у судьбы есть про запас сходная карьера и для него. Тот факт, что в 26 лет он сыграл одну из главных ролей в революции, в ходе которой был свергнут Абдул-Хамид, дал ему повод сравнить себя с Бонапартом. Несколько раз он говорил мне, что считает себя «рукой providения». Энвер верил, что он был избран Богом для восстановления славы Турции, и считал себя великим диктатором. И все же во внешности Энвера было нечто изящное и женственное. Он принадлежал к тому типу людей, которых в Америке иногда называют женским идолом, и женщины, описывая его, часто используют слово «модный». На лице его никогда не отражались эмоции, почему никогда нельзя было понять, что он чувствует или о чем думает. Он всегда был спокоен, тверд и хладнокровен. Путь, выбранный Энвером для получения верховной власти, показал, что ему не хватало пронизательности Наполеона, слишком уж рано он связал свои личные успехи с Германией. В течение долгих лет его симпатии были на стороне кайзера. Германия, немецкая армия и морской флот, немецкий язык и немецкая авторитарная система заворожали юного проповедника турецкой демократии. После падения Хамида Энвер отправился с военной миссией в Берлин. Кайзер тут же увидел в нем человека способного к претворению его планов на Востоке и всячески поощрял это. После этого Энвер, будучи военным атташе, провел долгое время в Берлине. Этот опыт значительно усилил его любовь к Германии. Человек, вернувшийся в Константинополь, был значительно больше немцем, чем турком. Он свободно говорил по-немецки и даже носил закрученные вверх усики. И действительно, он был целиком и полностью пленен пруссанизмом. Лишь только Энвер стал военным министром, Вангенхайм начал льстить и обхаживать молодого человека, играть на его тщеславии и, возможно, пообещал, что Германия полностью поддержит его в устремлениях. В личных разговорах Энвер не делал тайны из своего восхищения Германией.

Таким образом, то, что Энвер стал военным министром, в действительности было победой Германии. Он немедленно провел радикальную реорганизацию армии. Так, Энвер лич-

но сказал мне, что согласился принять пост только при условии, что ему дадут полную свободу действий, и теперь развил бурную деятельность. В армии еще было большое число офицеров, которые в свое время находились в отрядах убитого Назима и больше благоволили старому режиму, чем младотуркам. Энвер быстро уволил 268 из них и поставил на их место турок — членов «Единения и прогресса», а также множество немцев. Группа Энвера и Талаата всегда боялась революции, которая могла бы их свергнуть так же, как они сместили своих предшественников. Много раз они говорили мне, что их революционный успех показал им, как легко несколько решительных человек могут захватить власть над страной. По их собственным словам, они не предполагали, что небольшая группа недовольных в армии организует государственный переворот. Смелость поступка Энвера встревожила даже Талаата, но Энвер продемонстрировал решимость и отказался отменять это решение, несмотря на то что одним из уволенных офицеров был Чукри-паша, который оборонял Адрианополь во время Балканской войны. Энвер издал указ, касающийся турецких офицеров, в котором, в сущности, говорилось, что желающие продвижения по службе должны обращаться к нему и что ничего хорошего их ждать не будет, если они обратятся к кому-нибудь другому.

Таким образом, первые действия Энвера были началом пруссификации турецкой армии, но Талаат был не столь воодушевлен Германией, как его товарищ. Он не собирался играть по немецким правилам и работал лишь для комитета и для себя. Однако он не мог добиться успеха, не контролируя армию. Поэтому он сделал Энвера, который в течение многих лет был его ближайшим соратником в «Единении и прогрессе», военным министром. Все возвращалось на круги своя: если у него должна была быть армия, то она должна быть сильной, и поэтому он обратился туда, откуда мог получить помощь, — к Германии. Во второй половине 1913 года Вангенхайм и Талаат договорились, что кайзер отправит военную миссию для реорганизации вооруженных сил Турции. Талаат сказал мне, что, приглашая эту миссию, он использо-

вал Германию, в Германии же полагали, что таким образом они использовали его. Он прекрасно понимал, что подобный шаг содержал определенную опасность. Депутат, в январе 1914 года обсуждавший ситуацию с Талаатом, предоставил мне запись разговора, демонстрирующую то, что происходило тогда на уме у Талаата.

«— Почему вы передаете управление государством немцам? — спросил депутат, имея в виду немецкую военную миссию. — Неужели вы не видите, что это часть немецкого плана, согласно которому Турция должна стать немецкой колонией? Мы же можем стать вторым Египтом!»

— Мы прекрасно понимаем, — ответил Талаат, — что это все немецкая программа. Мы также знаем, что не сможем поставить эту страну на ноги собственными силами. Поэтому мы должны использовать все преимущества технической и материальной поддержки, которые Германия может нам дать. Мы будем использовать Германию для восстановления и защиты страны до тех пор, пока не сможем править, используя лишь собственные силы. Когда этот день придет, мы распрощаемся с Германией в течение двадцати четырех часов».

Конечно же физическое состояние турецкой армии требовало помощи из какого-либо внешнего источника. Таково было состояние империи до прибытия немцев. Когда я отправил приглашения на первый прием, большое количество турецких чиновников попросили разрешения прийти в вечерних костюмах; они сказали, что униформы у них нет и нет денег, на которые ее можно было купить или взять напрокат. Они не получали заработную плату в течение трех с половиной месяцев. Так как великий визирь, отвечавший за этикет на торжественных приемах, все еще настаивал на полном обмундировании, многие из них вынуждены были пропустить этот вечер. Примерно в то же время делегат новой немецкой миссии попросил командира II армейского корпуса провести учения. Но командир ответил, что не может этого сделать, так как у его людей нет обуви!

Впоследствии Талаат казался отчаявшимся и слабым, но я все же думаю, что он, по крайней мере, тогда не был соз-

нательным инструментом Германии. Эпизод, в котором принимал участие я сам, лишь подтверждает это. Описывая отношение великих держав к Турции, я ничего не сказал о Соединенных Штатах. И действительно, в то время у нас не было важных деловых связей. Турки считали нас страной идеалистов и альтруистов, а тот факт, что мы потратили миллионы на строительство учебных учреждений в их стране лишь из благотворительных мотивов, вызвал их удивление и, возможно, восхищение. Им нравились американцы. Они рассматривали нас как единственного незаинтересованного друга среди всех держав. Турция нас мало интересовала: бизнес компании «Стандард ойл» расширялся, компания «Зингер» продавала швейные машинки армянам и грекам, мы покупали их табак, фиги и плоды, собирали лакричный корень. В добавление к этому наши контакты с Турецкой империей осуществлялись миссионерами и экспертами по образованию. Турки знали, что мы не собираемся расчленять их страну или вмешиваться в балканскую политику. Отсутствие интереса у моей страны, возможно, и было той причиной, по которой Талаат столь свободно обсуждал турецкие дела со мной. В ходе этих разговоров я часто высказывал свое желание служить им. И у Талаата и других членов кабинета даже вошло в привычку обсуждать со мной государственные дела. Вскоре после моего приезда я держал речь в американской коммерческой палате в Константинополе; Талаат, Джемаль и другие лидеры были там. Я говорил об отсталой экономике Турции и советовал им сохранять мужество. Я описал им положение Соединенных Штатов после Гражданской войны и упомянул, что южные штаты представляли собой зрелище, не слишком отличающееся от современной Турции. Затем я рассказал, как мы работали, развивали наши природные запасы и строили нашу сейчас развивающуюся государственность. Мои высказывания произвели большое впечатление, в особенности мой рассказ о том, что после Гражданской войны США стали заемщиками на иностранных валютных рынках и склоняли людей со всех частей света к иммиграции.

Эта речь, видимо, дала Талаату новую идею. Ведь вполне вероятно, что США могут предоставить им материальную поддержку, которую они искали в Европе. Я уже предлагал отправить американского финансового эксперта для изучения турецкой финансовой системы. В связи с этим я упомянул мистера Генри Брюэ из Нью-Йорка — это предложение турки встретили благосклонно. В то время Турция больше всего нуждалась в деньгах. Франция в течение многих лет оказывала финансовую поддержку Турции, и весной 1914 года французские банкиры вели переговоры о еще одной большой ссуде. И хотя Германия и давала небольшие ссуды, состояние берлинского финансового рынка не позволяло Турции ожидать помощи из этого источника.

В конце декабря 1913 года Бустани-эфенди — араб-христианин, министр торговли и сельского хозяйства, свободно говорящий по-английски (он был турецким комиссаром на Чикагской мировой ярмарке в 1893 году), — обратился ко мне с вопросом о возможности получения американской ссуды. Бустани спрашивал, не найдутся ли в Америке финансисты, которые смогли бы полностью проконтролировать реорганизацию турецкой финансовой системы. Его просьба была криком отчаяния и глубоко меня тронула. Как я тогда написал в своем дневнике: «Они тщетно пытаются найти деньги». Но я провел в Турции всего лишь шесть месяцев и, очевидно, не обладал достаточной информацией, чтобы решить что-либо посоветовать американским банкирам на этот счет. Я проинформировал Бустани, что мое мнение не будет иметь большого значения в Соединенных Штатах, если не будет основано на полном и точном знании экономической ситуации в Турции. Через несколько дней ко мне пришел Талаат и предложил совершить путешествие по империи и самостоятельно изучить ситуацию. Он спросил также, не смогу ли я устроить для них небольшой заем. Он сказал, что в турецкой казне денег нет и если бы я сумел найти для них 5 миллионов долларов, то это их вполне устроило бы. Я ответил, что попытаюсь достать для них эту сумму, а также принимаю его предложение и изучу состояние им-

перии, чтобы, возможно, в дальнейшем заинтересовать американских инвесторов. Получив согласие Государственного департамента, я написал своему племяннику и деловому партнеру, мистеру Роберту Э. Саймону, прося разузнать, как отнесутся нью-йоркские банкиры к тому, чтобы дать небольшой временный заем Турции. Расследование мистера Саймона показало, что ссуда Турции не считается в Америке привлекательным вложением денег. Однако мистер Саймон написал, что мистер С.К.Г. Биллингс проявил большой интерес к этой идее и что, если я пожелаю, мистер Биллингс готов прибыть сюда на своей яхте, чтобы обсудить это дело с турецким кабинетом и со мной. Через несколько дней мистер Биллингс отправился в Константинополь.

Новость о скором приезде мистера Биллингса очень быстро распространилась по турецкой столице. А тот факт, что он прибывает на собственной яхте, кажется, многократно усиливал впечатление от этого события. То, что американский миллионер был готов помочь истощенной турецкой казне, и то, что эта поддержка была лишь первым шагом американских капиталистов в реорганизации турецкой финансовой системы, вызвало чрезвычайное волнение в зарубежных посольствах. И действительно, информация распространилась столь быстро, что я даже заподозрил, что турецкий кабинет не прилагает ни малейших усилий к тому, чтобы сохранить этот факт в секрете. Подозрения усилил визит главного раввина Нахума, который сообщил мне, что пришел по просьбе Талаата.

— Ходят слухи, — сказал главный раввин, — что американцы готовы дать заем Турции. Талаат будет вам очень признателен, если вы не станете их опровергать.

Вангенхайм был почти в истерике: идея касательно того, что Америка станет помогать Турции с финансированием, шла вразрез с его планами, поскольку нищета Турции могла помочь Германии захватить власть над ней. Однажды я показал Вангенхайму книгу с гравюрами, на которых были изображены дома мистера Биллингса, картины и лошади. Он выразил огромную заинтересованность, и не только в лоша-

дах, — Вангенхайм был в некотором роде наездником, — а в очевидном доказательстве богатства этого человека. В течение нескольких следующих дней в моем офисе побывало несколько послов и министров, каждый из них хотел взглянуть на эту книгу! Время прибытия мистера Биллингса все приближалось, и Талаат стал тщательно продумывать, как развлечь гостя; он обратился ко мне с вопросом по поводу того, кого пригласить на намечающиеся ужины, обеды и приемы. Вангенхайм, как всегда, был впереди всех. Он не мог прийти на спланированный нами ужин и попросил меня пригласить его на ленч. Таким образом, он встретил мистера Биллингса на несколько часов раньше, чем остальные дипломаты. Мистер Биллингс откровенно сказал ему, что заинтересован в Турции и что, вполне вероятно, даст заем.

Вечером мы устроили званый обед в честь партии мистера Биллингса, присутствовали все важные члены турецкого кабинета. Перед приемом состоялась продолжительная беседа о займе между Талаатом, мистером Биллингсом и мной. Талаат проинформировал нас, что французские банкиры в этот самый день приняли турецкие условия и поэтому в данный конкретный момент нужды в американских деньгах нет. Он был чрезвычайно любезен, признателен мистеру Биллингсу и щедр в выражении благодарности. И действительно, иначе и быть не могло, поскольку приезд мистера Биллингса дал возможность Турции прекратить переговоры с французскими банкирами. В его попытке выразить свою благодарность была одна любопытная деталь. Энвер, второй человек в кабинете, во время приезда мистера Биллингса отмечал свою свадьбу. Об успехах, достигнутых Энвером в турецком мире, свидетельствует тот факт, что, хотя Энвер, как я уже говорил, происходил из простой семьи, его невеста принадлежала к турецкому правящему дому. Турецкие свадьбы являются тщательно продуманными действиями, которые длятся по два-три дня. На следующий день после посольского званого приема Талаат устроил обед в Серкль д'Ориент для Биллингса и его сопровождающих, а также настоял на том, чтобы Энвер покинул свадебную церемонию и был на приеме. Таким об-

разом, Энвер пришел на обед, присутствовал во время речей, а затем вернулся на праздник.

Я убежден, что Талаат не считал эпизод с визитом Биллингса закрытым. Когда я оглядываюсь назад, то отчетливо вижу, что он искал способ выволить из трудностей собственную страну и никогда не забывал о возможности того, что Соединенные Штаты могут оказать помощь в осуществлении этого спасения. Он часто говорил со мной о мистере Биллингсе, и даже после того, как Турция порвала с Францией и Англией и в финансовом вопросе зависела от Германии, он все еще мысленно возвращался к визиту мистера Биллингса. Возможно, он думал о нашей стране как о мирной финансовой гавани, после того как он выполнит свой план вытеснения немцев. Я уверен, что возможность американской помощи заставляла его в дни войны совершать поступки, которые в ином случае он никогда бы не совершил. «Напомните обо мне мистеру Биллингсу», — сказал он незадолго до того, как я покинул Константинополь. Я уверен, что этот визит на яхте, вопреки большому количеству забавных эпизодов, сопровождавших его, спас множество людей от голода и массовых убийств.

Глава 3

ЛИЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КАЙЗЕРА ВАНГЕНХАЙМ НЕ ПОДДЕРЖИВАЕТ ПРОДАЖУ АМЕРИКАНСКИХ ВОЕННЫХ КОРАБЛЕЙ ГРЕЦИИ

Уже в марте 1914 года немцы имели большое влияние в Турции. Лиман фон Зандерс, прибывший в декабре, стал самым влиятельным лицом в турецкой армии. Вначале назначение фон Зандерса не вызвало особой настороженности, ведь немцев приглашали и раньше, правда один-единственный раз, когда дело касалось фон дер Гольца, занимавшегося обучением турецкой армии. В то же время английская военно-морская миссия, возглавляемая адмиралом Лимпусом, уже тогда пыталась выполнить сложную задачу — перестро-

ить турецкий военно-морской флот. Однако мы вскоре узнали, что случай фон Зандерса отличался от названных мной случаев. Еще до приезда фон Зандерса было объявлено, что он должен взять командование I турецким армейским корпусом и что генерал Бронссарт фон Шеллендорф должен был стать начальником штаба. Эти назначения были лишь подтверждением того, что планы кайзера по присоединению турецкой армии к его собственной почти завершены. Чтобы показать, сколько власти давало фон Зандерсу его назначение, достаточно упомянуть, что I армейский корпус практически полностью контролировал Константинополь. Эти перемены продемонстрировали, сколь мелкой сошкой стал Энвер-паша в прусской системе. Вполне понятно, что представители Антанты не могли терпеть этой узурпации власти немцами. Британский, французский и российский послы немедленно обратились к великому визирю и заявили протест по поводу возвышения фон Зандерса, скорее горячо, чем вежливо. Турецкий кабинет, как обычно, запинаясь и заикаясь, говорил, что эта перемена не столь важна, но в конце концов отказался от назначения фон Зандерса главой I армейского корпуса и назначил его генерал-инспектором. Однако это не помогло, поскольку на этом посту у фон Зандерса было гораздо больше власти, чем на предыдущем. Таким образом, к январю 1914 года, за семь месяцев до начала войны, Германия имела прочные позиции в турецкой армии: один немецкий генерал был начальником штаба, другой — генерал-инспектором, множество немецких офицеров занимали высокие посты, а турецкий политик, открытый защитник Германии, Энвер-паша, был военным министром.

Добившись значительного дипломатического успеха, Вангенхайм получил отпуск, который явно заслужил, в то же самое время отправился в отпуск и российский посол Гирс. Баронесса Вангенхайм объяснила мне, тогда несведущему во всех этих тонкостях дипломатии, что означают все эти отпуска. Разрешение на отпуск, полученное Вангенхаймом, по ее словам, означало, что министерство иностранных дел Германии считало, что эпизод с фон Зандерсом завершился —

и завершился победой Германии. Также она объяснила, что отпуск Гирса означает, что Россия не желает признавать эту точку зрения, то есть в России считали, что дело фон Зандерса еще не завершено. Помню, как я сообщал домой, что в этой загадочной ближневосточной дипломатии нации общаются между собой с помощью действий, а вовсе не слов, и сказанное баронессой Вангенхайм доказывало это.

Инцидент, произошедший в моем доме, открыл всем нам глаза на то, насколько серьезно рассматривал свою миссию фон Зандерс. 18 февраля я давал свой первый дипломатический ужин, на котором присутствовали генерал фон Зандерс и две его дочери. Генерал сидел рядом с моей дочерью Рут. Однако моя дочь не получила особого удовольствия. Одетый в свою великолепную униформу, этот немецкий генерал, чью грудь покрывали сверкающие медали, практически весь ужин молчал. Генерал угрюмо поглощал пищу, и все попытки моей дочери завести с ним разговор провалились: она получала лишь односложные ответы. Поведение этого военного лидера напоминало поведение избалованного ребенка.

В конце ужина фон Мутиус, выполняющий функции временного поверенного в делах, подошел ко мне. Он очень волновался.

Потребовалось некоторое время, чтобы он успокоился.

— Вы совершили ужасную ошибку, господин посол, — сказал он мне.

— Что случилось? — спросил я, застигнутый врасплох.

— Вы оскорбили генерала фон Зандерса. Во время ужина вы посадили его рядом с людьми, которые ниже его рангом. Он личный представитель кайзера, а значит, приравнивается по рангу к послам. Он должен сидеть рядом с членами кабинета министров и министрами иностранных дел.

Так я публично оскорбил самого императора! И это было причиной неучтывого поведения фон Зандерса. К счастью, мое положение было неуязвимо. На этом ужине я не организовывал посадку гостей по рангу, а отправил список гостей маркизу Паллавичини, австрийскому послу, старшине

дипломатического корпуса и самому авторитетному человеку в Константинополе по столь деликатному вопросу. Маркиз вернул список, поставив напротив каждого имени красными чернилами порядок посадки по рангу — 1, 2, 3, 4, 5 и так далее. Так как этот документ пришел из австрийского посольства, я его до сих пор храню, и имя генерала фон Зандерса стоит там под номером 13. Однако я должен признать, что на 13-м стуле он оказался на другом конце стола.

Я объяснил ситуацию фон Матиусу и попросил гостя этого ужина мистера Панфили, советника австрийского посольства, подойти и объяснить ситуацию оскорбленному немецкому дипломату. Так как австрийцы и немцы были союзниками, то совершенно очевидно, что пренебрежение, если это можно так назвать, было непреднамеренным. Панфили ответил, что он уже ломал голову над вопросом о месте фон Зандерса и представил вопрос на рассмотрение маркизу. Закончилось дело тем, что австрийский посол лично поставил фон Зандерса на 13-е место. Но немецкое посольство не позволило делу на этом завершиться, поскольку позже Вангенхайм подошел к Паллавичини, чтобы обсудить с ним это дело.

— Если Лиман фон Зандерс представляет кайзера, то кого вы представляете? — спросил Паллавичини Вангенхайма.

Аргумент был очень хорошим, так как посол всегда рассматривается замещающим своего суверена.

— Два представителя императора при одном дворе, — продолжил маркиз, — это весьма непривычно.

Так как маркиз не уступил, Вангенхайм обратился с этим вопросом к великому визирю. Но Саид Халим отказался брать на себя ответственность за столь важное решение и передал это дело в Совет министров. Там со всей серьезностью подошли к рассмотрению этого происшествия и вынесли следующий вердикт: фон Зандерс должен располагаться по рангу выше, чем министры других стран, но ниже представителей турецкого кабинета. Тут уже запротестовали министры иностранных дел. Подняв этот вопрос, фон Зандерс стал чрезвычайно непопулярным, а грубая деспотичная форма, в которой он это сделал, вызвала отвращение. Министры

объявили, что если когда-либо на приеме фон Зандерсу будет дано преимущество перед ними, то они просто в полном составе покинут ужин. Результатом всего этого стало то, что фон Зандерса больше никогда не приглашали на дипломатические ужины. Сэр Луи Маллет, британский посол, сардонически пошутил по этому поводу. «Хорошо, — говорил он, — что это произошло не в моем посольстве. Случись это там, газеты тут же стали бы писать о натянутых отношениях между Англией и Германией!» В итоге это действие имело большую международную огласку. Личное тщеславие фон Зандерса заставило его выдать дипломатический секрет: он был не только профессионалом, призванным обучать турецкую армию, но действительно тем, за кого себя выдавал, — личным представителем кайзера. Кайзер выбрал его, как до этого Вангенхайма, для исполнения своей воли в Турции. Спустя некоторое время фон Зандерс с той самой гордостью, с которой немецкие аристократы говорят о своем императоре, рассказывал мне о том, что в день назначения в Константинополь, давая ему последние инструкции, Вильгельм говорил с ним в течение целого часа. О произошедшем во время ужина инциденте я доложил своему правительству в качестве доказательства растущей власти Германии в Турции. Я предположил, что остальные послы также доложили об этом своим правительствам. Американский военный атташе, майор Джон Р.М. Тэйлор, присутствующий при этом, придавал огромное значение этому случаю. Спустя месяц после происшествия он вместе с капитаном Маккоули, командиром «Скорпиона», американского стационара в Константинополе, обедали в Каире с лордом Китченером. За столом было немного людей: лишь американцы, лорд Китченер, его сестра и помощник. Майор Тэйлор рассказал об инциденте, к чему Китченер проявил большой интерес.

— Как вы думаете, что это значит? — спросил Китченер.

— Я полагаю, — ответил майор Тэйлор, — это значит, что, когда дело дойдет до большой войны, Турция, скорее всего, окажется союзником Германии. Если даже она не будет прямым союзником, то эффект ее присутствия на Кавказе от-

влечет три российских армейских корпуса от Европейского театра военных действий.

Китченер подумал несколько мгновений и сказал:

— Я согласен с вами.

Уже несколько месяцев мы были свидетелями того, как Германия берет под контроль турецкую армию. Каждый день немецкие офицеры муштровали турецкие войска — и это, по моему глубокому убеждению, было подготовкой к приближающейся войне. Какие результаты были достигнуты, стало ясно, когда в июле был проведен большой военный смотр. Поводом явилось очень торжественное событие. В городе присутствовал султан; он сидел в красиво отделанном шатре в окружении своей маленькой свиты: там был и хедив Египта, и наследный принц Турции, и принцы королевской крови, и весь кабинет. Мы увидели, что за прошедшие шесть месяцев турецкая армия стала практически полностью прусской. Еще в январе это была недисциплинированная, оборванная толпа, а сейчас она бодро шагала гусиным шагом. Людей одели в серую немецкую полевую форму, их головные уборы по форме напоминали немецкие каски. Немецкие офицеры чрезвычайно гордились этим смотром. Превращение бедных турецких солдат в опрятно одетое, уверенное, прекрасно марширующее войско было поистине большим военным достижением. Когда султан пригласил меня к себе в шатер, я, естественно, поздравил его с прекрасным военным смотром. Он не выразил особого энтузиазма, сказав, что его очень расстраивает возможность войны; в душе он был пацифистом. Я заметил, что многих не было на этом большом немецком празднике, в частности французского, британского, российского и итальянского послов. Бомпар сказал, что он получил десять билетов, но не посчитал это за приглашение. С некоторым удовольствием Вангенхайм заметил, что другие послы из зависти не пожелали воочию убедиться в прогрессе, сделанном турецкой армией под немецким началом. У меня не было ни малейшего сомнения в том, почему у этих послов не возникло никакого желания посетить этот немецкий праздник; я их за это не винил.

В то же время у меня появились новые доказательства того, что Германия принимала активное участие в турецкой политике. В июне отношения между Грецией и Турцией достигли критической отметки. Согласно лондонскому мирному договору (30 мая 1913 года) острова Хиос и Митилена перешли во владения Греции¹. Если посмотреть на карту, то можно понять стратегическую важность этих островов. Они стоят в Эгейском море, как хранители, контролирующие залив и порт Смирны. Очевидно, что любая сильная в военном отношении нация, обладающая этими главными точками, станет контролировать Смирну и все Эгейское побережье Малой Азии. По причинам этнического характера длительное пребывание этих островов во владении Греции представляло собой постоянную военную опасность для Турции. Население было греческим, и являлось таковым со времен Гомера; жители побережья Малой Азии также были греками; более половины населения Смирны, самого крупного средиземноморского порта Турции, было греческим, поэтому турки часто называли его Гяур-Измир, что в переводе означало Неверная Смирна. Хотя это греческое поселение номинально было оттоманским, никто там не скрывал своей привязанности к греческой отчизне. Эти азиатские греки даже старались вносить свой вклад в достижение национальных целей Греции. Кстати, острова и материк в Эгейском море являлись невоссоединенной Грецией, и то, что Греция была решительно настроена отвоевать их точно так же, как до этого захватила Крит, не составляло дипломатического секрета. Если когда-либо греки высадят свою армию на этом побережье Малой Азии, то не вызывает сомнений, что греческое население станет на их сторону.

Однако так как у Германии были собственные планы в отношении Малой Азии, то греки неизбежно являлись препятствием на пути пангерманских стремлений. Оставаясь греческим, этот регион являлся естественным препятствием

¹ Фактически Греция аннексировала острова Хиос и Митилена 13 июня 1914 г.

на немецком пути к Персидскому заливу точно так же, как и Сербия. Любой, кто хоть бегло знаком с пангерманской литературой, знаком с тем специфическим методом, который прилагали немецкие публицисты для обращения с нациями, стоявшими на пути Германии. Это ссылка. Насильственное переселение народа из одной части Европы в другую так, как будто этот самый народ был стадом скота, являлось в течение многих лет непосредственной частью планов кайзера. После начала войны так поступили с населением Бельгии, Польши и Сербии, но хуже всего, о чем я позже расскажу, пришлось Армении. Действуя по указу Германии, Турция начала применять этот принцип в отношении своих греческих субъектов в Малой Азии. Три года спустя немецкий адмирал Узедом, во время бомбардировки находившийся в Дарданеллах, сказал мне, что именно немцы «предложили, чтобы греков переселили с морского берега». Мотивы Германии, по его словам, были чисто военными. Я не уверен, понимали ли Талаат и его товарищи, что они играли свою роль в немецком спектакле, но нет сомнений, что немцы постоянно провоцировали их на это.

Последовавшие события были предвестниками политики, примененной во время массовых убийств армян. Турецкие чиновники обрушились на греков, собрали их в группы и посадили на корабли. Они не дали им времени, чтобы уладить личные дела, и не прикладывали ни малейших усилий, чтобы не разбить семьи. Их план был следующим: они хотели перевезти греков на целиком греческие острова в Эгейском море. Естественно, греки восстали против такого решения, результатом чего стали периодически возникавшие серии убийств, в особенности много народа пострадало в Фоке, где было убито более 50 человек. Турки требовали, чтобы все иностранные компании в Смирне уволили греческих работников и заменили их мусульманами. Среди прочих американских фирм подобные инструкции получила и производственная компания «Зингер». Несмотря на мое ходатайство и полученную отсрочку в шестьдесят дней, в конце концов американской фирме пришлось подчиниться этому указу. Был объявлен

официальный бойкот всем христианам, не только в Малой Азии, но и в Константинополе. Но этот бойкот не дискриминировал евреев, которые всегда были более приемлемы для турок, чем христиане. Чиновники очень рекомендовали евреям торговцам прикреплять на свои двери таблички, на которых были бы написаны национальность и род занятий, например «Авраам, еврей, портной», «Исаак, еврей, башмачник» и т. д. Я рассматривал этот бойкот как очередное проявление хаоса в национальных отношениях в Турции, потому что перед нами была нация, объявившая торговый бойкот собственным субъектам.

Вполне понятно, что подобные мероприятия против греков вызвали мое негодование. В то же время я совершенно не подозревал, что провоцировали эти ссылки именно немцы, тогда я считал их вспышками турецкой жестокости и шовинизма. К тому времени я уже очень хорошо знал Талаата, видел его почти каждый день, и каждый поворот в международных отношениях он обычно обсуждал со мной. Я решительно протестовал против подобного обращения с греками. Я говорил, что это произведет самое худшее впечатление за границей и нанесет вред американским интересам. Талаат объяснил свою национальную политику: различные этнические группы в Турецкой империи всегда устраивали заговоры против Турции. По причине враждебности этих жителей Турция лишилась одной провинции за другой — Греции, Сербии, Румынии, Болгарии, Боснии, Герцеговины, Египта и Триполи. Таким образом, территория Турции уменьшилась почти до предела. Если оставшаяся часть Турции хочет выжить, добавил Талаат, то необходимо избавиться от всех этих чужеземцев. «Турция — для турок» — такова была главная мысль Талаата, поэтому он и предложил «тюркизировать» Смирну и прилегающие острова. Почти 40 тысяч греков были высланы, и снова он просил меня побудить американские фирмы нанимать только турок. Он сказал, что количество случаев насилия и убийств значительно увеличилось, и предположил, что необходимо послать комиссию для расследования. «Они хотят, чтобы комиссия реабилитирова-

ла Турцию», — сказал мне Луи Маллет, британский посол. И действительно, согласно рапорту этой комиссии Турция была оправдана.

У греков в Турции было одно большое преимущество перед армянами — это греческое правительство, которое было, естественно, заинтересовано в защите своего народа. Турки знали, что эти высылки ускорят войну с Грецией; более того, они приветствовали такую войну и готовились к ней. Турецкий народ был исполнен такого энтузиазма, что правительству удалось собрать деньги посредством общественных взносов и приобрести бразильский дредноут, позже броненосцы подобного типа стали строиться в Англии. Кроме того, правительство заказало второй дредноут в Англии и несколько подводных лодок и эскадренных миноносцев во Франции. Цель этих морских приготовлений в Константинополе не скрывалась. Получив эти корабли или даже всего один дредноут, строительство которого близилось к завершению, Турция намеревалась напасть на Грецию и вернуть острова. Один-единственный военный корабль, вроде «Султана Османа», название данное турками бразильскому кораблю, легко бы подавил весь греческий военно-морской флот и позволил бы взять под контроль все Эгейское море. Когда через несколько месяцев это судно будет закончено и готово к плаванию, нам всем нужно будет ожидать начала греко-турецкой войны. Что мог противопоставить греческий военно-морской флот надвигающейся угрозе?

Именно такой была ситуация, когда в начале июня ко мне заглянул самый активный мой посетитель. Это был Джемаль-паша, турецкий министр военно-морского флота и один из трех правящих лидеров Турецкой империи. Едва ли мне когда-либо доводилось видеть столь взволнованного человека, чем представший передо мной тогда Джемаль. Рядом со мной был переводчик. Когда Джемаль стал возбужденно говорить по-французски, его бакенбарды подрагивали, выдавая чувства, он яростно жестикулировал. Казалось, Джемаль был вне себя. Я достаточно хорошо знал французский, чтобы понять, что он говорил. Принесенные им новости, тогда я

впервые услышал об этом, объясняли причины его волнения. Американское правительство, по его словам, вело переговоры с Грецией о продаже двух военных кораблей: «Айдахо» и «Миссисипи». Он утверждал, что я должен немедленно начать действовать и помешать этой продаже. Он умолял меня вмешаться. «С самого начала, — говорил он, — турки считали Соединенные Штаты своим лучшим другом; я очень часто выражал желание помочь им, что ж, вот появился шанс показать свое хорошее отношение. Тот факт, что Греция и Турция были на грани войны, — продолжал Джемаль, — делал продажу кораблей вовсе не нейтральным действием. И даже если сделка была чисто коммерческой, Турция все же просила бы не делать этого. Мы заплатим больше, чем греки», — добавил он. Все закончилось мольбой немедленно телеграфировать моему правительству по этому поводу, что я пообещал сделать.

Очевидно, умные греки решили бить противника его же оружием. Турция после получения дредноутов слишком нагло заявляла о своем намерении атаковать Грецию. Оба корабля, о которых сейчас вели переговоры греки, были вполне готовы к военным действиям! «Айдахо» и «Миссисипи» были не нужны американскому военно-морскому флоту. Они уже не могли находиться на передовой, однако были еще достаточно сильны, чтобы увести турецкий флот из Эгейского моря. Видимо, Греция не собиралась вежливо откладывать надвигающуюся войну до той поры, когда будут готовы турецкие дредноуты. Нет, она собиралась атаковать в тот самый момент, как только получит американские корабли. Конечно же точка зрения Джемалья не была обоснованна. Какой бы большой ни была угроза надвигающейся войны, Турция и Греция все еще находились в мире друг с другом. И понятно, что у Греции есть столько же прав покупать военные корабли в Соединенных Штатах, сколько у Турции — приобретать их у Бразилии или Англии. Но Джемаль был не единственным государственным деятелем, который пытался предотвратить продажу. Немецкий посол проявил схожие намерения. Спустя несколько дней после визита Джемалья Вангенхайм и я

ехали верхом по холмам к северу от Константинополя. Вангенхайм заговорил о греках, к которым он испытывал сильную антипатию, об их шансах на войне и о предполагаемой продаже американских военных кораблей. Он долго говорил о возможной сделке, его рассуждения были точно такими же, как у Джемалья, и этот факт вызвал у меня подозрение, что это он дал указания Джемалю поговорить со мной.

— Только посмотрите, какой опасный прецедент вы создаете, — говорил Вангенхайм. — Вполне вероятно, что когда-нибудь США окажутся в такой же ситуации, как сегодняшняя Турция. Предположим, что вы находитесь на грани войны с Японией, а Англия может продать Японии флот дредноутов. Понравится ли такое Соединенным Штатам?

Затем он произнес фразу, продемонстрировавшую истинную причину его протеста. За последние три года я много раз думал об этом. И эта сцена навсегда запечатлелась в моей памяти. Вот мы сидим на лошадах; тихий древний Белградский лес раскинулся вокруг, а вдалеке на вечернем солнце поблескивает Черное море. Внезапно Вангенхайм замолчал и стал чрезвычайно серьезным. Он взглянул мне в глаза и сказал:

— Я полагаю, что Соединенные Штаты не понимают всей серьезности происходящего. Продажа этих кораблей может стать причиной, по которой начнется европейская война.

Этот разговор произошел 13 июня, примерно за шесть недель до того, как начались военные действия. Вангенхайм прекрасно знал, что Германия энергично готовится к войне, и, кроме того, знал также, что эти приготовления еще не были полностью завершены. Как и все немецкие послы, Вангенхайм получил инструкции не позволить разгореться кризису, который ускорит войну, пока не будут полностью завершены все приготовления. Он не возражал против высылки греков, поскольку в этом заключалась часть всех этих приготовлений. Однако его тревожила перспектива того, что греки могут вооружиться и изменить ситуацию на Балканах. В тот момент Балканы походили на дремлющий вулкан; Европа прошла через две Балканские войны, не принимая в них участия, но Вангенхайм понимал, что еще одна война может охватить

весь континент. Он знал, что война приближается, но не желал, чтобы она началась сейчас. Он всего лишь пытался повлиять на меня, чтобы я выиграл немного времени для Германии.

Он зашел так далеко, что попросил меня телеграфировать лично президенту, объяснить серьезность ситуации и обратить его внимание на телеграммы, отправленные в Государственный департамент, касающиеся предполагаемой продажи кораблей. Я посчитал его предложение наглым и отказался действовать таким образом.

Я предложил Джемалю и другим турецким чиновникам, которые продолжали давить на меня, чтобы их посол в Вашингтоне лично обсудил этот вопрос с президентом. Они последовали этому совету, но греки вновь оказались проворнее. В два часа 22 июня греческий поверенный в Вашингтоне и командир греческого корабля Тсоуклас обратились к президенту и осуществили сделку. После того как они покинули офис президента, вошел турецкий посол — опоздав всего лишь на пятнадцать минут!

Я предполагаю, что мистер Вильсон дал согласие на продажу, потому что знал, что Турция готовилась атаковать Грецию, и надеялся, что «Айдахо» и «Миссисипи» предотвратят нападения и таким образом сохранят мир на Балканах.

Действуя с согласия конгресса, 8 июля 1914 года администрация продала эти корабли Фреду Дж. Гаунтлетту за 12 535 276 098 долларов. Конгресс немедленно проголосовал вложить полученные деньги в создание нового современного дредноута «Калифорния». Мистер Гаунтлетт тут же передал корабли греческому правительству. Переименованные в «Килкис» и «Лемнос», эти корабли заняли свои места среди греческих военных кораблей. Энтузиазм греков, получивших эти корабли, был безмерен.

К этому времени мы переехали из посольства в летний домик на Босфоре. Все посольства в летнее время располагались там. Никогда я не видел более красивого места. Наш дом был трехэтажным и построен в венецианском стиле; за ним круто поднимался холм, на котором один над другим располагались несколько террасированных садов. Здание находилось

в непосредственной близости от берега, и волны на Босфоре катились мимо так быстро, что, сидя на террасе, в особенности при свете луны, мы ощущали себя сидящими на палубе быстроходного корабля. Днем Босфор, в том месте шириной чуть более полутора километров, расцвечивался цветовым разнообразием проходящих суденышек. Перед моими глазами часто с особой яркостью всплывает эта красочная картина, потому что я прекрасно помню, чем стал Босфор спустя несколько месяцев, когда после вступления Турции в войну пролив был закрыт. Наличие огромных российских пароходов, день за днем следовавших из портов Черного моря в Смирну, Александрию и в другие порты, указывало на огромную важность этой узкой полоски воды. Становилось понятно, почему европейские державы вели кровавый, растянувшийся более чем на тысячу лет спор за владение ею. Однако начало этих летних месяцев было мирным. Все послы, министры и их семьи собрались вместе. В тот момент все они казались друзьями. Они сидели за одним и тем же столом и прогуливались под руку по террасе. Посол одной страны любезно сопровождал на ужин жену посла другой страны, возможно одной из самых враждебных по отношению к его родине. После ужина все разбивались на небольшие группы, великий визирь устраивал импровизированный прием в одном углу, министры шептались в другом, группа послов обсуждала греческую ситуацию на веранде. Турецкие чиновники насмешливо наблюдали за этой сценой и, возможно, обменивались замечаниями на собственном языке, российский посол скользил по комнате, выбирал кого-нибудь, с кем ему хотелось поговорить, и затакивал в угол для разговора тет-а-тет. В то же время, танцуя и флиртуя, наши сыновья и дочери, младшие члены дипломатических корпусов и офицеры нескольких стационаров, кажется, думали, что все происходящее было устроено лишь для их развлечения. А понимание того, что, пока все это происходит, ни великий визирь, ни кто бы то ни было из турецких чиновников не могли покинуть дом без сопровождающих и телохранителей, которые могли защитить их, — какие бы другие эмоции подобная напряженная

атмосфера ни вызывала, — поддерживало интерес. Также было в этом что-то электризирующее; война всегда была любимой темой для разговора; кажется, все понимали, что эта мирная, легкомысленная жизнь была явлением временным и что в любой момент может появиться искра, которая станет причиной мирового пожара.

И все же, когда кризис наступил, мгновенной реакции не последовало. 29 июня мы услышали об убийстве австрийского эрцгерцога и его супруги. Все восприняли это известие спокойно, хотя и появилось ошеломляющее чувство, что случилось что-то важное. Спустя день или два после трагедии у меня состоялся длинный разговор с Талаатом по дипломатическим делам, и он даже не упомянул это событие. Сейчас я думаю, что у нас было что-то вроде эмоционального паралича — будучи ближе к центру событий, чем большинство людей, мы понимали опасность ситуации. Через день или два языки наши развязались, и мы стали говорить и говорить о войне. Когда я встретил фон Мутиуса, немецкого поверенного в делах, и Вайца, дипломата-корреспондента из «Франкфуртер цайтунг», они также обсуждали грядущий конфликт. И снова они придали своему прогнозу чисто немецкий штрих: когда наступит война, говорили они, Соединенные Штаты, естественно, постараются извлечь из нее максимум, чтобы получить всю мексиканскую и южноамериканскую торговлю!

Когда я пришел к Паллавичини, чтобы выразить свое чувство к смерти эрцгерцога, он был высокомерно серьезен. Он прекрасно осознавал, что представляет королевскую семью, и казалось, что это горе было его личным. Можно было подумать, что он потерял собственного сына. Я выразил свое возмущение и сказал о чувстве отвращения, которое испытывает народ моей страны к этому деянию, после чего выразил наше сочувствие пожилому императору.

— Да, да, это все ужасно, — почти шепотом ответил он. — Сербия будет осуждена за свое поведение, — добавил он. — Она заплатит.

Спустя несколько дней, когда Паллавичини навел на меня, он говорил о националистических обществах, которые

запретило правительство Сербии, и о намерении аннексировать Боснию и Герцеговину. Он сказал, что его правительство будет настаивать на запрете этих обществ и отказе от этих претензий и что, возможно, понадобятся карательные экспедиции в Сербию, чтобы предотвратить в дальнейшем акты насилия, подобные убийству эрцгерцога. Эти слова были первым указанием на ультиматум 22 июля.

Весь дипломатический корпус посетил заупокойную мессу по эрцгерцогу и его супруге, проходящую в церкви Святой Марии 4 июля. Церковь расположена недалеко от австрийского посольства, и чтобы спуститься к ней, нам нужно было преодолеть сорок ступеней. На вершине этой лестницы нас ждали представители австрийского посольства при полном параде с траурными лентами на левой руке. Они сопровождали нас на наши места. Все послы сидели на первой церковной скамье. Я вспоминаю с довольно странными ощущениями, потому что это был последний раз, когда мы сидели вместе. Служба была величественной и красивой; мои воспоминания о ней особенно ярки из-за контраста с последующими событиями. Когда строгие священники в роскошных облачениях закончили богослужение, мы все пожали руку австрийскому послу, сели в автомобили и отправились вдоль Босфора в американское посольство, находившееся в тринадцати километрах от австрийского, поскольку это был не только день, когда мы отдавали последние почести убитому наследнику средневековой автократии, но и 4 июля. Эти два события символизировали две национальные идеи. Я часто думаю о послах, спускавшихся вниз по каменным ступеням к церкви, чтобы отдать дань уважения эрцгерцогу, а затем отправлявшихся в американское посольство, чтобы отдать дань уважения Декларации независимости. Все корабли иностранных государств, находившиеся на реке, были украшены в честь национального праздника, послы и министры были со всеми регалиями. Из верхних садов мы могли видеть место, где проплывал Дарий, один из тех древних правителей, путь которых еще не совсем забыт, со своим войском 2500 лет назад. Также оттуда мы могли видеть Роберт-колледж, институт,

посредством которого американцы «проникали» в Турецкую империю. Ночью наши сады освещались китайскими фонариками. Старые добрые американские фейерверки, освещавшие окружающие холмы и Босфор, и американский флаг, развевающийся перед домом, казалось, бросали вызов многочисленным напоминаниям на автократию и гнет, преследовавшим нас в первой половине дня. Расположенные не дальше полутора километров от нас темные и угрюмые азиатские холмы, в течение многих лет остававшиеся местом господства деспотизма, ловили слабый и, как я полагаю, пророческий блеск от всей этой иллюминации.

Глядя на группы послов в церкви и, потом, на нашем приеме, я с удивлением заметил, что не хватает одной знакомой фигуры. Не было друга Австрии Вангенхайма. В то время это меня озадачило, но потом я узнал о причине лично из его уст. За несколько дней до этого он выехал в Берлин. Кайзер вызвал его на собравшееся 5 июля совещание, на котором было решено втянуть Европу в войну.

Глава 4

ГЕРМАНИЯ МОБИЛИЗУЕТ ТУРЕЦКУЮ АРМИЮ

Читая августовские газеты, в которых описывалась проходившая в Европе мобилизация, я был поражен тем, как быстро гражданское население этого континента превращалось в военное. В то время Турция еще не вступила в войну, и ее лидеры громко заявляли о своем намерении сохранять твердый нейтралитет. Вопреки этим заявлениям о мире, жизнь в Константинополе военизировалась в не меньшей степени, чем в европейских столицах. Несмотря на то что сама Турция была настроена мирно, шла мобилизация армии. Это, как нам говорили, была мера предосторожности. И все же действия, что я наблюдал днем в Константинополе, походило на те, что тревожили города Европы. Военный патриотизм мужчин и терпение и жертвы женщин, возможно, когда-нибудь и придадут войне налет героизма, но вид у Турции в те годы был вя-

и жалок. День за днем разношерстная толпа народа шла по улицам. Арабы, босые, одетые в самую яркую свою одежду, с льняными сумками, в которых хранился необходимый на пять дней запас еды, через плечо, волоча ноги и приводя в замешательство своим видом, шли плечом к плечу с унылыми бедуинами, по-видимому внезапно вырванными из родной пустыни. Пестрая масса турок, черкесов, греков, курдов, армян и евреев, при взгляде на которых возникало ощущение, что их просто забрали с принадлежавших им ферм и магазинов, постоянно толкали друг друга. Большинство было одето в лохмотья, многие выглядели полуголодными; все в них выдавало безнадежность и покорность судьбе, от которой, и они это знали, им не убежать. Не было радости от приближающейся битвы, не было чувства, что они жертвуют собой ради великого дела. День за днем шли они, дети разорванной империи, делавшей последнюю отчаянную попытку собраться с духом, чтобы начать действовать.

Эти несчастные люди плохо понимали, что за сила выталкивала их из страны. Даже мы, представители дипломатического корпуса, не могли тогда разобраться в ситуации. Мы узнали позже, что сигнал к мобилизации исходил не от Энвера, Талаата или турецкого кабинета, а от берлинского Генерального штаба и его представителей в Константинополе. В действительности этой сложной операцией руководили Лиман фон Зандерс и Бронссарт. Во всем этом ясно просматривалось участие немцев. Как только немецкие армии перешли Рейн, началась работа по строительству гигантской радиостанции, расположенной в нескольких километрах от Константинополя. Все материалы были привезены из Германии через Румынию, и умелые механики, старательно работавшие от рассвета до заката, также, без сомнения, были немцами. Естественно, законы нейтралитета запрещали строительство радиостанции для воюющей стороны в такой нейтральной стране, как Турция. Однако было объявлено, что немецкая компания строила здание с антенной для турецкого правительства и на средства султана. Тем не менее эта версия нико-го не обманула. Свободно, спокойно и довольно часто немец-

кий посол Вангенхайм говорил об этой станции как о немецком предприятии.

— Вы уже видели нашу радиостанцию? — спрашивал он меня. — Давайте прокатимся верхом и взглянем на нее.

Он с гордостью говорил мне, что эта станция была самой мощной в мире — достаточно мощной, чтобы ловить все сообщения, отправленные с Эйфелевой башни в Париже! Он утверждал, что это позволит ему находиться в постоянной связи с Берлином. Он прилагал так мало усилий, чтобы скрыть, что станция принадлежит Германии, что, когда несколько раз обычная телеграфная связь приостанавливалась, он предлагал мне воспользоваться этой станцией для отправки моих телеграмм.

Эта радиостанция была символом тайного, хоть и особо не скрываемого союза между Турцией и Берлином. На то, чтобы завершить строительство столь мощной станции, ушло некоторое время, в течение которого Вангенхайм пользовался связью немецкого торгового судна «Корковадо», пришвартованного в Босфоре напротив немецкого посольства. Для практических целей у Вангенхайма была постоянная телефонная связь с Берлином.

Во время этой мобилизации немецкие офицеры были так же активны, как турки. Они безумно наслаждались происходящим; было видно, что это лучшее время их жизни. Бронсарт, Хуман и Лаффертс были постоянно рядом с Энвером, советовали и направляли. Каждый день немецкие офицеры носились по улицам на огромных автомобилях, конфискуя все подряд у гражданского населения. Ночью они наводняли рестораны и увеселительные заведения, поглощая шампанское в огромных количествах, которое также было изъято у населения. Особо эффектной и шумной фигурой был фон дер Гольц-паша. Он постоянно устраивал что-то вроде вице-королевского проезда по улицам в огромном быстром автомобиле, на обоих бортах которого были нарисованы яркие немецкие орлы. Водитель на переднем сиденье нажимал на клаксон, извлекая резкие пронзительные звуки, и горе тому, будь то турок или нетурок, кто попадется ему на пути!

Немцы даже не пытались скрыть, что считают себя хозяевами этого города. Точно так же, как Вангенхайм создал маленькую Вильгельмштрассе в своем посольстве, немецкие военные учредили маленькую версию берлинского Генерального штаба. Они даже привезли с собой из Германии своих жен и семьи. Я слышал, как баронесса Вангенхайм говорила, что у нее есть небольшой двор в немецком посольстве.

Однако немцы были единственными, кто наслаждался этим процессом. Сопровождающая мобилизацию конфискация была не чем иным, как грабежом гражданского населения. У турок забирали лошадей, мулов, верблюдов, овец, коров и другой скот, который смогли обнаружить. Энвер сказал мне, что они собрали 150 тысяч животных. Они делали это безрассудно, не задумываясь о продолжении рода. Во многих деревнях они оставляли двух коров или двух кобыл. Эта методика проведения конфискации привела к закономерному результату — уничтожению национального сельского хозяйства и голоду сотен тысяч людей. Но турки, как и немцы, считали, что война будет короткой и что раны, нанесенные этими конфискациями сельскому населению, быстро затянутся. Правительство также демонстрировало бесстыдство и недостаток ума, когда изымало товары у торговцев и продавцов магазинов. Эти действия очень походили на обычное воровство на большой дороге. Но среди упомянутых торговцев практически не было мусульман; большинство были христианами, хотя было и несколько евреев. Таким образом, турецкие офицеры не только снабжали всем необходимым свою армию и, между прочим, наживались на этом сами, но и наслаждались чувством религиозной мести, грабя учреждения, принадлежащие неверным. Они входили в розничный магазин, забирали практически все товары с полок, давая клочок бумажки в качестве расписки. Так как правительство не заплатило за изъятое у населения во время Итальянской и Балканской войн, то вряд ли торговцы ожидали, что получат хоть что-то за отобранные товары. Впоследствии тот, кто понимал чиновничество и был политически влиятельным, получил обратно около 70 процентов — что случилось

с оставшимися 30, не является секретом для того, кто имел опыт общения с турецкими бюрократами.

Для большинства населения конфискации означали финансовый крах. То, что все это было банальным грабежом, доказывают многочисленные предметы, изъятые якобы для нужд армии. Так, офицеры забрали весь мохер, который смогли найти; иногда они забирали даже женские шелковые чулки, корсеты и детские тапочки. Я даже слышал о случае, когда они пополнили турецкий военный склад икрой и другими деликатесами. Так, они требовали одеял у продавца, торговавшего женским нижним бельем. Поскольку их у него не было, офицеры забрали то, что было, а впоследствии он находит свой товар в магазине конкурента. Так турки поступали и во многих других случаях. Господствующая система заключалась в том, чтобы забирать движимое имущество везде, где это возможно, и превращать его в деньги. Куда в конце концов отправлялись деньги, мне неизвестно, но не вызывает сомнений, что множество людей нажились на этом. Я говорил, что подобный способ мобилизации и конфискации уничтожал страну. Нужда и голод вскоре поразили ее. Из 4 миллионов взрослого мужского населения 1,5 миллиона в конце концов поступили на военную службу, таким образом, около миллиона семей осталось без кормильцев, все в состоянии крайней нужды. Турецкое правительство платило своим солдатам 25 центов в месяц, а их семьям — денежное пособие в размере 1,25 доллара в месяц. Результат не заставил себя долго ждать: тысячи людей умирали от недостатка еды; многие были ослаблены от плохого питания. Полагаю, что Турецкая империя после начала войны лишилась примерно четверти населения. Я спросил Энвера, почему он позволял уничтожать свой народ таким образом. Эти страдания не произвели на него ни малейшего впечатления. Он был поражен тем, как практически без денег удалось создать столь большую армию, что, как он хвастался, не удавалось сделать ни одной другой нации. С целью добиться этого Энвер издал приказ, согласно которому уклонение от военной службы считалось дезертирством и каралось смертной казнью. Также он принял проект,

по которому любой житель Османской империи мог быть освобожден от военной службы, заплатив около 190 долларов. Свои достижения Энвер считал выдающимися. Это был первый случай, когда он почувствовал вкус неограниченной власти и наслаждался этим.

То, что Германия руководила мобилизацией, не предположение, а доказанный факт. Мне достаточно лишь упомянуть, что немцы конфисковали материалы от собственного имени для собственных нужд. У меня есть фотографическая копия документа, подтверждающая конфискацию партии жмыха с судна, проведенную немецким военным атташе Хуманом. Документ датирован 29 сентября 1914 года. «Все с парохода «Дериндже», что вы упомянули в своем письме от 26-го числа, — написано в этой бумаге, — изъято мной для нужд немецкого правительства». Это ясно показывает, что за месяц до вступления Турции в войну Германия осуществляла в Константинополе верховную власть.

Глава 5

ВАНГЕНХАЙМ НЕЗАКОННО ПРОВОДИТ «ГЕБЕН» И «БРЕСЛАУ» ЧЕРЕЗ ДАРДАНЕЛЛЫ

10 августа я отправился на маленьком катере встречать «Сицилию», маленький итальянский корабль, прибывший из Венеции. Меня особенно интересовало это судно в связи с тем, что на нем прибывали в Константинополь мои зять и дочь, мистер и миссис Морис Вертхейм, а также три их маленькие дочери. Встреча оказалась даже интереснее, чем я предполагал. Пассажиры были в более чем возбужденном состоянии, поскольку за день до этого они стали свидетелями морского боя в Ионическом море.

«Мы завтракали вчера на палубе, — рассказывала мне моя дочь, — когда я заметила на горизонте два довольно странных на вид судна. Я бросилась за очками. Это оказались два огромных корабля. У одного были две странные башни, второй же выглядел как обычный военный корабль. Мы присмотре-

лись и увидели еще один корабль, появившийся позади них. Он двигался очень быстро. Он подходил все ближе и ближе, и вдруг мы услышали оружейные выстрелы. В воздух поднялись водяные столбы и белый дым. У меня ушло некоторое время на то, чтобы понять, что происходит. И внезапно я осознала, что мы стали свидетелями боя. Корабли ни секунды не стояли на месте. Два больших развернулись и нацелились на маленький, затем, очевидно, они передумали и повернули назад. Затем маленький повернулся и спокойно направился в нашу сторону. Вначале меня это обеспокоило, но ничего не произошло. Он кружил вокруг нас, выплевывая из трубы клубы черного, как деготь, дыма. С него постоянно сигналили, задавая нашему капитану множество вопросов, затем корабль развернулся и в конце концов исчез. Капитан сообщил нам, что два больших корабля были немецкие, замеченные в Средиземном море и стремящиеся скрыться от британского флота. Он сказал, что британские корабли преследовали их по всему Средиземному морю и что эти немецкие корабли пытались попасть в Константинополь. Ты видел кого-нибудь из них? Как ты думаешь, где находится сейчас британский флот?»

Спустя несколько часов после этого я встретил Вангенхайма. Когда я сообщил ему о том, что видела миссис Вертгейм, он разволновался. Немедленно после завтрака он встретился в американском посольстве с Паллавичини, австрийским послом, и попросил о встрече с моей дочерью. Два посла торжественно разместились на стульях напротив миссис Вертгейм и в течение минуты мягко расспрашивали ее. «Я никогда не чувствовала себя столь важной», — позже сказала она мне. Они не позволили ей упустить ни малейшей детали; они хотели знать, сколько выстрелов было сделано; в каком направлении отправились немецкие корабли, что говорили люди на борту и т. д. Этот визит принес этим двум дружественным послам огромное облегчение и удовлетворение. Покидая дом, они чуть ли не ликовали, в общем, вели себя так, как будто с их плеч был снят огромный груз. И естественно, у них была хорошая причина находиться в приподнятом настроении.

Дарданеллы и Черное море

Моя дочь была для них добрым вестником, она рассказала им то, что они больше всего мечтали услышать: «Гебен» и «Бреслау» спаслись от британского флота и отправились в направлении Дарданелл. Поскольку именно эти два знаменитых немецких корабля «Гебен» и «Бреслау» сражались с британским разведывательным судном, свидетелем чему стала моя дочь!

На следующий день я по делам зашел в немецкое посольство. Но оживленное поведение Вангенхайма выдало его: он абсолютно не интересовался рутинными делами. Никогда раньше я не видел его таким возбужденным. Он не мог долго усидеть на одном месте; он постоянно вскакивал, подбегал к окну и с тревогой смотрел на Босфор, где примерно в километре от берега находилась его личная радиостанция на «Корковадо». Лицо его вспыхивало, а глаза горели. Он широким шагом передвигался по комнате, говорил о новой немецкой победе и вскользь о немецких планах на будущее, и затем он снова подходил к окну и смотрел на «Корковадо».

— Что-то серьезно отвлекает вас, — сказал я, поднимаясь. — Я пойду и вернусь позже.

— Нет, нет! — Посол почти кричал. — Я хочу, чтобы вы остались. Это будет великий день для Германии! Если вы останетесь еще на пару минут, вы услышите важнейшие новости — кое-что, что имеет непосредственное отношение к Турции и ее отношению к войне.

Затем он рванулся к портику и перегнулся через балюстраду. В тот же момент я увидел, как небольшой катер отходит от «Корковадо» в направлении посольской пристани. Вангенхайм поспешил вниз, выхватил конверт у одного из моряков и спустя мгновение вбежал в комнату.

— Мы их получили! — крикнул он мне.

— Получили что? — спросил я.

— «Гебен» и «Бреслау» прошли через Дарданеллы!

Он махал бумагой с энтузиазмом мальчишки, чья футбольная команда победила.

Затем, взяв себя в руки, подошел ко мне и торжественно, но не без определенной доли юмора покачал указательным пальцем и сказал:

— Конечно же вы понимаете, что мы продали эти корабли Турции! И адмирал Сушон, — подмигнув, добавил он, — поступил на службу султану.

У адмирала были более чем патриотические причины для ликования: прибытие этих кораблей было величайшим днем в его дипломатической карьере. Действительно, это была первая немецкая дипломатическая победа. В течение долгих лет мечтой Вангенхайма было канцлерство в империи. И сейчас он вел себя как человек, который уже видел свою награду. Путешествие «Гебена» и «Бреслау» было его личным триумфом, он вместе с турецким кабинетом устроил проход кораблей через Дарданеллы. При помощи радио он направлял их перемещения в Средиземном море. Доставив «Гебен» и «Бреслау» в Константинополь, Вангенхайм окончательно объявил Турцию другом Германии. Наконец-то спустя три года все его интриги и заговоры принесли успех.

Я не знаю, есть ли еще корабли, оказавшие большее влияние на историю, чем эти два немецких крейсера. Немногие из нас понимали тогда их огромную важность, но последующие события полностью объясняли ликование и удовлетворение Вангенхайма. «Гебен» был только что построенным военным кораблем, «Бреслау» хоть и не был большим, но, как и «Гебен», развивал большую скорость, что делало его просто незаменимым в этих водах. Эти корабли провели несколько месяцев до войны кружа по Средиземному морю. Когда же была объявлена война, экипажи кораблей пополняли запасы в Мессине. Я всегда считал странным совпадением, что два этих судна, скорость каждого из которых превышает скорость английских или французских кораблей в Средиземном море, к началу войны оказались неподалеку от Турции. Выбор «Гебена» был особенно удачным, поскольку команда этого судна дважды до этого бывала в Константинополе. Офицеры и люди с «Гебена» прекрасно знали Дарданеллы. Поведение экипажей обоих судов, узнавших об объявлении войны, свидетельствовало о том духе, с которым немецкий военный флот начинал военные действия: люди пели, кричали и подбрасывали своего адмирала. Среди людей царило истинно немецкое оживление. Говорят, что адмирал Сушон в качестве памятного сувенира сохранил свою белую форму с отпечатками пальцев моряков!

Вопреки всей радости от предвкушения битвы, ситуация с этими кораблями оставалась очень опасной. Они не могли тягаться с многочисленными британскими и французскими военно-морскими силами, которые базировались в Средиземном море. «Гебен» и «Бреслау» находились вдали от родных баз. Проблема угля стояла очень остро, а Англия занимала все ключевые позиции, где же тогда они могли найти безопасное место? Несколько итальянских истребителей кружило над немецкими кораблями в Мессине, тем самым демонстративно декларируя свой нейтралитет и периодически напоминая о том, что те могут оставаться в порту лишь в течение двадцати четырех часов. Часть английских кораблей располагалась в проливе Отранто, в Адриатике, и могли в любой момент отре-

зять их, если те попытаются добраться до австрийского порта Пола. Кроме того, британский морской флот охранял Гибралтар и Суэц, другие два возможных выхода, дававшие им возможность спасения. Было еще лишь одно место, где «Гебен» и «Бреслау» могли найти безопасность и дружелюбное отношение. Это Константинополь. Очевидно, руководство британского военно-морского флота гнало от себя эту мысль, считая подобное невозможным. В то же время, в начале августа, международный закон частично еще являлся руководством к поведению наций. Турция еще была нейтральной страной, и, вопреки многим свидетельствам немецкого влияния, казалось, что она желает сохранить этот самый нейтралитет. В Парижском договоре, подписанном в 1856 году, как и в Лондонской конвенции 1871 года, был пункт, согласно которому военные корабли не должны использовать Дарданеллы без разрешения султана, которое можно было получить лишь в мирное время. В действительности же правительство очень редко давало подобное разрешение, и то лишь для официальных мероприятий. В существующих обстоятельствах нарушение султаном запрета на нахождение военных кораблей в Дарданеллах посчитали бы враждебным действием, а разрешение «Гебену» и «Бреслау» оставаться в турецких водах больше чем на двадцать четыре часа было бы равносильно объявлению войны. Совершенно ясно, что в начале августа 1914 года, когда Германия еще не объявила, что «международный закон прекращает свое действие», Британия рассматривала эти условия в договорах как запрет немецким кораблям находиться в Дарданеллах и Константинополе. Полагаясь на безгрешность международных правил, британский морской флот закрыл все пункты, через которые немецкие корабли могли спастись, за исключением прохода через Дарданеллы. Если бы Англия, немедленно по объявлении войны, отправила в этот жизненно важный пункт сильную эскадру, как бы изменилась тогда история последующих трех лет!

«Его величество полагает, что «Гебен» и «Бреслау» успешно прорвутся!» Таким было радиосообщение, поступившее на эти суда в Мессине в пять часов вечера 4 августа. Почти

истекли двадцать четыре часа, разрешенные итальянским правительством. В проливе Отранто находились британские военно-морские силы, отправлявшие немцам ложные радиосигналы, согласно которым те должны были следовать к Поле. Играла музыка, и развевались флаги. Офицеры и экипажи, ободренные ораторами и спиртным, повели свои корабли прямо в руки ожидавшего их британского флота. Маленький «Глостер», разведывательный корабль, постоянно находился на связи и постоянно телеграфировал главной эскадре о передвижениях немцев.

Внезапно, за мысом Спартивенто, «Гебен» и «Бреслау» стали подавать в радиоэфир шумовые сигналы, создавая таким образом радиопомехи, мешавшие «Глостеру» отправить понятные сообщения. Затем немецкие крейсера повернули на юг и отправились в Эгейское море. Смелый маленький «Глостер» шел по пятам и даже, чему и стала свидетельницей моя дочь, дерзко вступил с ними в бой. За ними гналась британская эскадра, отставая на несколько часов, но безуспешно, поскольку два немецких корабля хоть и были слабы в сравнении с ней, но в то же время гораздо быстрееходнее. Возможно, даже и тогда британский адмирал полагал, что нарушил немецкие планы. Немецкие корабли в первую очередь должны были добраться до Дарданелл, но там путь им блокировало международное соглашение, запрещавшее проход.

В то же время Вангенхайм добился большого дипломатического успеха. С радиостанции на «Корковадо», находившегося в Босфоре, он отправлял самые благоприятные сообщения адмиралу Сушону. Он просил его по достижении пролива поднять турецкий флаг, поскольку корабли адмирала Сушона словно по мановению волшебной палочки становились частью турецких военно-морских сил, почему обычный международный закон на них не распространялся. Это больше не были «Гебен» и «Бреслау», поскольку Вангенхайм, как восточный волшебник, превратил их в «Султана Селима» и «Медилли». Дело было в том, что немецкий посол, чтобы проверить «сделку», хитро использовал преимущества создавшейся ситуации. Как я уже говорил, к началу войны Тур-

ция строила два дредноута в Англии. Эти корабли не создавались по правительственной программе, но их покупка являлась не чем иным, как демонстрацией энтузиазма турецкого народа. Эти военные суда должны были стать средствами, при помощи которых Турция хотела напасть на Грецию и получить обратно острова в Эгейском море. Турецкий народ собрал деньги на их строительство путем так называемых общественных взносов. Агенты ходили из дома в дом, получая от населения небольшие суммы денег. Проводились приемы и ярмарки. Женщины продавали волосы, чтобы принести деньги в общий фонд. Эти два корабля являлись причиной патриотического подъема, столь необычного для Турции, притом настолько необычного, что многие полагали, что правительство стимулировало этот самый подъем. В тот самый момент, когда началась война, Турция вносила последний платеж английским верфям, а турецкие экипажи прибыли в Англию, готовые к тому, чтобы доставить корабли домой. Но затем, за несколько дней до планируемой даты отплытия, на сцене появилось британское правительство и конфисковало дредноуты для нужд британского военно-морского флота.

Не возникало ни малейшего сомнения, что у Англии было не только законное, но и моральное право так поступить. Также не возникало сомнений в том, что ее действия были абсолютно правильными. Имей она дело с какой-нибудь другой страной, это не вызвало бы ни малейшего возмущения. Но турецкий народ это не волновало. Все, что их заботило, так это то, что у них было два корабля, для приобретения которых они использовали все возможные источники, и что в последний момент на сцене появилась Англия и забрала эти военные суда. Это происшествие буквально дало Вангенхайму возможность его дальнейшего существования. В турецкой прессе начались нападки на Англию, все они исходили из немецкого посольства. Вангенхайм постоянно говорил с турецкими лидерами об английской измене. Он сказал, что Германия, добрый друг Турции, была готова компенсировать «незаконную» конфискацию, произведенную Англией. Он предложил Тур-

ции «приобрести» «Гебен» и «Бреслау», которые блуждали по Средиземному морю, возможно, в предчувствии этой самой случайности, и включить эти корабли в турецкий военно-морской флот взамен присвоенных Англией. В тот самый день, когда эти корабли прошли через Дарданеллы, «Икдам», выходящая в Константинополе турецкая газета, вышла с триумфальным заголовком «Огромный успех имперского правительства».

Таким образом, маневр Вангенхайма преследовал две цели: во-первых, население Турции должно было признать Германию другом своей родины, а во-вторых, это была уловка для того, чтобы провести корабли через Дарданеллы и дать им право остаться в турецких водах. Все это могло обмануть лишь несведущих турок. Также это дало кабинету благовидный предлог отвечать на возражения дипломатов из Антанты, но умных людей все эти действия не обманули. Можно было изменить названия «Гебена» и «Бреслау», немецкие моряки могли носить турецкие фески, но все мы с самого начала понимали: вся эта сделка была одним сплошным обманом. Те, кто знал, каким на самом деле было финансовое положение Турции, могли лишь удивляться тому, что она смогла приобрести эти современные суда. Более того, эти корабли так и не были никогда включены в турецкий военно-морской флот. Наоборот, произошло присоединение турецкого военно-морского флота к этим немецким кораблям. Горсть турецких офицеров была отправлена на их борту лишь для создания видимости — немецкие офицеры и экипажи все так же осуществляли контроль на кораблях. В своих разговорах со мной Вангенхайм даже не пытался держать в секрете тот факт, что эти корабли принадлежали Германии. «Никогда не думал, что буду подписывать чеки на такие большие суммы», — заметил он однажды, имея в виду расходы на «Гебен» и «Бреслау». Он всегда говорил о них как о «наших» кораблях. Даже Талаат говорил мне, что эти корабли не принадлежали Турции.

— Немцы говорят, что они принадлежат туркам, — заметил он с усмешкой. — Во всяком случае, нам очень удобно, что они находятся здесь. После войны, если немцы выигра-

ют, они забудут об этом и оставят корабли нам. Если же Германия проиграет, то не сможет отнять их у нас!

Немецкое правительство никогда и не утверждало, что сделка была *bona fide*¹. По крайней мере, когда греческий министр в Берлине выступил с протестом против сделки, назвав ее недружественным в отношении Греции действием, — забывая об американских кораблях, которые Греция приобрела у Соединенных Штатов, — немецкие чиновники успокоили его, тихо заметив, что корабли все еще принадлежат Германии. И в то же время, когда послы Антанты заявили протест против присутствия немецких кораблей, турецкие чиновники очень вежливо заявили, что эти военные суда были частью турецкого военно-морского флота!

Немецкие офицеры и члены экипажа откровенно посмеивались над этим маскарадом, выдававшим «Гебен» и «Бреслау» за турецкие корабли. Их приводили в восторг турецкие фески — убедительное доказательство того, что эти преданные моряки кайзера теперь были частью военно-морского флота султана. Однажды «Гебен», проплывая по Босфору, остановился напротив русского посольства и бросил там якорь. Затем офицеры и экипаж выстроились на палубе на виду у вражеского посольства. Моряки торжественно сняли турецкие фески и надели немецкие кепки. Оркестр заиграл «Песню о Германии», «Дозор на Рейне» и другие немецкие военные песни, немецкие же моряки громко пели. Более часа они распевали под окнами русского посольства, затем офицеры и экипаж сняли немецкие кепки и вновь надели турецкие фески. Экипаж «Гебена» поднял якорь и отправился на юг на свою базу. Крейсер ушел вниз по течению, оставляя российских дипломатов приходить в себя после грохочущих немецких военных песен.

Я часто размышлял о том, как бы все сложилось, если бы английские крейсеры, преследовавшие «Бреслау» и «Гебен» до Дарданелл, повели бы себя иначе и нарушили международные законы. Предположим, что они вошли в пролив, атакова-

ли немецкие корабли в Мраморном море и потопили их. Они могли сделать это. Зная то, что мы знаем сейчас, это действие нашли бы оправданным. Вероятно, уничтожение кораблей не позволило бы Турции вступить в войну, поскольку после прибытия этих кораблей присоединение турецких военных сил к немецким стало неизбежным. С этими кораблями турецкий флот стал сильнее, чем российский флот на Черном море. И таким образом, стало абсолютно ясно, что Россия не сможет напасть на Константинополь. Следовательно, «Гебен» и «Бреслау» на практике дали военным силам Германии и Османской империи полную власть над Черным морем. Более того, эти два корабля были хозяевами в Константинополе. То есть они являлись теми самыми средствами, при помощи которых Германия, в случае необходимости, могла терроризировать турок. Я убежден, что, осмыслив эту войну и ее последствия, здравомыслящий историк скажет, что после прохода немецких кораблей через турецкие проливы, присоединение Турции к Германии, когда это понадобится немцам, было неизбежно. Таким образом, гибель Турецкой империи была предрешена. В турецком кабинете были люди, которые уже тогда понимали это. В Константинополе говорили, хотя я не ручаюсь за правдивость этой истории, что заседание кабинета, во время которого было принято это важное решение, прошло не совсем гладко. Говорили, что великий визирь и Джемаль протестовали против «фиктивной» продажи и требовали, чтобы ее не доводили до конца. Когда атмосфера во время дискуссии накалилась до предела, Энвер, танцевавший под немецкую дудочку, объявил, что практически завершил сделку. Во время последовавшего за этим решением молчания этот молодой Наполеон вытащил свой пистолет и положил его на стол.

— Если кто-то хочет обсудить эту покупку, — сказал он тихо и холодно, — я готов встретиться с ним.

Спустя несколько недель после того, как главный штаб «Гебена» и «Бреслау» перебравлся на Босфор, Джавид-бей, министр финансов, встретил известного бельгийского юриста, тогда находившегося в Константинополе.

¹ Настоящий, подлинный (лат.).

— У меня для вас ужасные новости, — сказал турецкий государственный деятель голосом полным сочувствия. — Немцы захватили Брюссель.

Огромный бельгиец, чей рост был больше метра восьми-десяти, положил руку на плечо маленького турка.

— У меня для вас гораздо более жуткие новости, — ответила он, указывая на залив, где стояли пришвартовавшиеся «Гебен» и «Бреслау». — Немцы захватили Турцию.

Глава 6

ВАНГЕНХАЙМ РАССКАЗЫВАЕТ АМЕРИКАНСКОМУ ПОСЛУ О ТОМ, КАК КАЙЗЕР НАЧАЛ ВОЙНУ

Но в одном месте эта сделка явно не была причиной для печали. Этим местом было немецкое посольство. Столь великий «успех» опьянил впечатлительного Вангенхайма, а другие события превратили его *figur Teutonicus*¹ в настоящее жаркое пламя. «Гебен» и «Бреслау» прибыли почти в то же время, когда немцы захватили Льеж, Намюр и другие бельгийские города. А теперь немцы шествовали по Франции и с триумфом приближались к Парижу. Все эти события являлись для воинственного пруссака, каким и был Вангенхайм, воплощением его сорокалетней мечты. Мы все еще проживали в летних посольствах, расположенных вдоль Босфора. Около немецкого посольства был великолепный парк, который султан лично подарил правительству кайзера. Однако казалось, что по какой-то причине Вангенхайму не нравилось его летнее жилище. Напротив его посольства, в шести метрах от бушующего Босфора находился небольшой сторожевой домик, напротив которого стояла небольшая каменная скамья. Вообще-то эта скамья была местом отдыха охраны, однако казалось, она очень нравится Вангенхайму. Я всегда буду помнить, как этот немецкий дип-

¹ Ярость тевтонцев (лат.).

ломат, в те волнующие дни перед сражением на Марне, сидел на маленькой скамеечке, часто вскакивал и шагал взад и вперед перед домом. Каждый, кто двигался из Константинополя к северным окраинам, должен был пройти по этой дороге. Часто мимо проходили российские и французские дипломаты, естественно игнорируя торжествующую фигуру посла на каменной скамье. Иногда я думаю, что Вангенхайм сидел там с единственной целью — пускать сигаретный дым в их направлении. Все это напоминало мне сцену из шиллеровского «Вильгельма Телля», где Телль с луком и стрелами сидит в засаде на горной тропе и ждет свою жертву — Гесслера:

По этому ущелью он поедет;
Другого в Кюснахт нет пути...¹

В разговорах со своими друзьями или с теми, кого он считал своими друзьями, Вангенхайм откровенно упивался немецкими победами. Я заметил, что он сидел там, только когда немецкая армия побеждала. Если становилось известно обратное, то Вангенхайм превращался в невидимку. Это натолкнуло меня на мысль напомнить ему об игрушечном предсказателе погоды, который всегда выскакивал из коробочки, когда погода была хорошей, и прятался внутрь, когда сгущались тучи. Вангенхайм оценил мою шутку, так же как и остальные дипломаты.

Однако в те дни погода для немецкого посла была прекрасной. Успех немецкой армии вызывал у него такое волнение, что порой он забывал об осторожности. Однажды это привело к тому, что он рассказал мне об определенных фактах, которые, как я полагаю, всегда будут иметь большую историческую ценность. Он рассказал мне, как и когда Германия ускорила начало войны. Сегодня его откровенность кажется чрезвычайно неосторожным поступком, но мы не должны забывать о ходе мыслей Вангенхайма в то время.

¹ Перевод Н. Славятинского.

Тогда весь мир думал, что Париж обречен, и это находило свое отражение в частых заявлениях Вангенхайма, что война должна закончиться через два-три месяца. Очевидно, что вся эта большая немецкая затея шла по плану.

Я уже говорил, что немецкий посол покинул Берлин вскоре после убийства эрцгерцога, и сейчас он открыл мне причину своего внезапного исчезновения. Он сказал мне, что кайзер призвал его в Берлин для участия в заседании. Эта встреча произошла 5 июля в Потсдаме. Председательствовал кайзер, присутствовали почти все важные послы. Самого Вангенхайма вызвали, чтобы он успокоил их в отношении ситуации в Турции и просветил своих товарищей о положении дел в Константинополе, который считался практически центром предстоящей войны. Рассказывая мне о присутствовавших на совещании, Вангенхайм не называл имен, хотя он специально сказал, что среди них были — факт столь важен, что я точно привожу здесь его слова, — «die Häupter des Generalstabs und der Marine» (главы Генерального штаба и военно-морского флота). Я полагаю, что он имел в виду фон Мольтке и фон Тирпица. Также присутствовали банкиры, директора железных дорог и высшие лица немецкой промышленности — для подготовки Германии к войне все они имели такое же значение, как и сама армия.

Вангенхайм сказал мне, что кайзер поставил перед всеми только один вопрос: «Готовы ли вы к войне?» Ответили «да» все, кроме финансистов. Они сказали, что им нужно две недели, чтобы продать иностранные ценные бумаги и сделать займы. В то время мало кто рассматривал трагедию в Сараеве как что-то, что обязательно приведет к войне. На этом совещании, по словам Вангенхайма, были приняты все возможные меры, чтобы подобных подозрений не возникло. Было решено дать банкирам необходимое время, чтобы они могли закончить все дела и подготовиться к предстоящей войне. После этого несколько участников спокойно вернулись к своей работе или отправились в отпуск. Кайзер на яхте отплыл в Норвегию, фон Бетман-Гольвег отправился отдыхать, а Вангенхайм вернулся в Константинополь.

Рассказывая мне о совещании, Вангенхайм конечно же признал, что Германия ускорила войну. Я полагаю, что он даже гордился этим представлением, гордился тем, что Германия взялась за это дело, методично и тщательно продумывая каждый следующий шаг и в то же время не забывая смотреть в будущее. Но особенно он гордился тем, что его пригласили принять участие в столь эпохальном совещании. Я часто спрашиваю себя, почему он открыл мне такой важный секрет. И прихожу к выводу, что настоящей причиной было чрезмерное тщеславие — желание показать мне, что он был без пяти минут советником своего императора, а также продемонстрировать свою роль в организации этого конфликта. Каким бы ни был мотив, эта неосторожность показала мне, насколько на самом деле в этом жутком преступлении были виновны партии. Несколько голубых, красных и желтых книг, наводнивших Европу в течение нескольких месяцев после начала боевых действий, и сотни документов, изданных немецкими пропагандистами с целью подтвердить немецкую же невиновность, не производили на меня ни малейшего впечатления. Поскольку мои выводы основываются не на подозрениях, вере или обстоятельном изучении фактов, у меня нет оснований и доказательств. Я просто знаю, что 5 июля 1914 года в Потсдаме кайзером и его приспешниками был осуществлен заговор, ставший причиной одной из величайших трагедий человечества. Один из главных участников, светившийся триумфом от успешно приведенного в жизнь плана, лично рассказал мне все детали. Слушая людей, спорящих об ответственности за эту войну, или читая неуклюжие, полные лжи оправдания Германии, я вспоминал огромную фигуру Вангенхайма. Я вспоминаю его таким, каким он предстал передо мной в тот августовский вечер. Он покуривал большую черную сигару и в деталях описывал мне подробности той исторической встречи. Зачем терять время и еще раз обсуждать все это?

Это совещание было проведено 5 июля, а ультиматум Сербии был предъявлен 22-го. Это и был тот почти двухнедельный интервал, который просили банкиры, чтобы завершить

свои дела. Глядя на все операции, проведенные ими на фондовых биржах мира, можно понять, что банкиры с пользой использовали это время. Из их записей становится понятно, что ценные бумаги продавались быстро, а цены падали с такой же скоростью. В этот момент рынки пребывали в тупике, но разъяснения Вангенхайма прояснили все сомнения, которые могли еще оставаться. Германия обменивала ценные бумаги на наличные деньги для военных целей. Если кто-нибудь хочет проверить правдивость слов Вангенхайма, я могу предложить ему изучить записи фондовых бирж Нью-Йорка за эти две недели. Там он обнаружит резкое падение цен, в особенности на ценные бумаги международного рынка. За время с 5 по 22 июля цены на акции «Юнион пасифик» упали со 155 до 127 долларов, на акции железных дорог «Балтимор—Огайо» — с 91,5 до 81 доллара, сталь Соединенных Штатов — с 61 до 50 долларов, «Канадиан пасифик» — со 194 до 185 долларов, а «Нозерн пасифик» — со $111\frac{3}{8}$ до 108 долларов. Тогда сторонники политики протекционизма обвиняли в резком падении цен тарифный закон Андервуда—Симмонса, а критики администрации считали виноватым закон «О федеральной резервной системе», который тогда еще не вступил в силу. Не понимали брокеры и финансовые эксперты на Уолл-стрит, что настоящей силой, угнетавшей рынок, стало совещание, проведенное в Потсдаме под председательством кайзера!

Я был не единственным человеком, которому Вангенхайм в подробностях рассказал о Потсдамской конференции. Вангенхайм открыл этот секрет и маркизу Гаррони, итальянскому послу в Константинополе. В то время Италия формально была другом Германии.

Австрийский посол, маркиз Паллавичини, также практически признался мне, что державы оси предвидели войну. 18 августа, в день рождения Франца-Иосифа, я нанес обычный посольский визит, чтобы принести свои поздравления. Вполне естественно, что во время беседы мы заговорили об императоре, который в тот день перешагнул 84-летний рубеж. Паллавичини говорил о нем с гордостью и почтением. Он рассказал мне о живом уме и ясной голове пожилого импера-

тора, о том, как хорошо правитель понимал международную ситуацию и как лично за всем наблюдал. Чтобы проиллюстрировать понимание международной ситуации австрийским кайзером, Паллавичини привел в пример эту войну. В прошлом мае Паллавичини был на аудиенции у Франца-Иосифа в Вене. Он сообщил мне, что император сказал ему, что европейская война неизбежна. Державы оси не считали Бухарестский договор решением балканского вопроса. Эту проблему можно было решить лишь одним способом, как сказал император Паллавичини, — затеяв обычную войну. Я напомним, что 2-я Балканская война закончилась Бухарестским договором. Согласно ему европейская территория Турции, за исключением Константинополя и небольшой примыкающей к нему территории, была поделена между Балканскими странами, главным образом между Сербией и Грецией. Это соглашение очень сильно усилило Сербию, причем настолько сильно, что Австрия опасалась, не положено ли начало новому европейскому государству — государству, которое могло, обретя достаточную силу, успешно сопротивляться ее, Австрии, планам расширения территории. Под ярмом Австрии в Боснии и Герцеговине находилась значительная часть населения Сербии. Проживавшие там сербы больше всего желали быть присоединенными к собственной стране. Более того, пангерманские планы на Востоке также требовали полного уничтожения Сербии, государства, которое, будучи целым и невредимым, блокировало немецкий путь на Восток. Австрия и Германия надеялись, что Балканская война уничтожит Сербию как государство, что Турция разобьет силы короля Петра. Именно этого требовали немецкие планы, и именно поэтому Австрия и Германия ничего не сделали, чтобы предотвратить Балканскую войну. Но результат был полностью противоположным, потому что Сербия вышла из конфликта гораздо более сильной, чем когда-либо прежде. Теперь она крепко, как волнорез, стояла на пути немцев.

Большинство историков соглашаются, что Бухарестский договор сделал войну неизбежной. Слова маркиза Паллавичини свидетельствуют о том, что так же считал и Франц-Иосиф.

Аудиенция, во время которой император высказал это свое мнение, произошла в мае, больше чем за месяц до убийства эрцгерцога. Так что у нас есть свидетельство австрийского посла о том, что война началась бы в любом случае, независимо от убийства в Сараеве. Вполне очевидно, что это преступление послужило лишь удобным предлогом для начала войны, которую державы оси уже давно решили провести.

Глава 7

НЕМЕЦКИЕ ПЛАНЫ ЗАВОЕВАНИЯ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ, УГОЛЬНЫХ БАССЕЙНОВ И ПОЛУЧЕНИЯ КОНТРИБУЦИЙ

В течение полных событиями августа и сентября поведение Вангенхайма оставалось более чем безответственным — то вежливо-хвастливым, то подавленным, но всегда нервным и настороженным, когда он пытался снискать расположение американцев, и злобным по отношению к представителям враждебных держав. Сидя на скамье, он всегда проявлял тревогу и нетерпение, как будто стремясь скорее узнать о характере радиосообщений, которые посылали ему из Берлина через «Корковадо». Он никогда не упускал возможности рассказать новости об очередных победах. Пару раз он приходил ко мне в гости, предварительно не согласовав визит, чтобы сообщить о последних событиях и прочитав мне выдержки из только что полученных им сообщений. Вангенхайм всегда был искренен, прям, а порой неосторожен. Я помню его шок в тот день, когда Англия объявила войну. Вангенхайм всегда открыто заявлял о том, что восхищается Англией и, в особенности, Америкой. «Есть лишь три великих страны, — снова и снова повторял он, — это Германия, Англия и Соединенные Штаты. Объединившись, мы сможем править миром». Его восторг перед Британской империей несколько угас, когда эта держава решила выполнить свои обязательства по договору и объявила войну. Вангенхайм тогда сказал, что конфликт будет недолгим и день победы у

Седана¹ будет отмечаться в Париже. Но 5 августа я нанес очередной визит к нему в посольство и обнаружил его гораздо более серьезным и взволнованным, чем обычно. Баронесса Вангенхайм, высокая, красивая женщина, сидела в комнате и читала мемуары своей матери о войне 1870 года. Оба посчитали эти английские новости чуть ли не личным оскорблением. Больше же всего меня впечатлило то, что Вангенхайм никак не мог понять мотивов Англии. «Это очень плохая политика с ее стороны!» — повторял он снова и снова. Его отношение было точно таким же, как и поведение Бетман-Гольвега в отношении «клочка бумаги»².

26 августа я решил прогуляться. По пути я встретил немецкого посла. Он, как обычно, начал говорить о немецких победах во Франции, повторяя, что уже вошло у него в привычку, что немецкие армии будут в Париже в течение недели. Он добавил, что решающим фактором будет оружие, произведенное на заводах Круппа. «И помните, что в этот раз, — сказал он, — мы собираемся воевать. И мы будем делать это rücksichtslos³. Мы не будем медлить, как в 1870 году. Тогда королева Виктория, царь и Франц-Иосиф вмешались и уговорили нас пощадить Париж. В этот раз никто не помешает. Мы перевезем в Берлин все парижские произведения искусства, которые принадлежат государству, как тогда

¹ В 1870 г. в битве у крепости Седан французская армия потерпела сокрушительное поражение перед прусско-германскими войсками. На следующий день остатки французской армии во главе с императором Наполеоном III сдались в плен.

² Фразу «клочок бумаги» произнес германский рейхсканцлер Бетман-Гольвег (1856–1921) 4 августа 1914 г. в беседе с английским послом в Германии Эдвардом Гошеном. Посол предъявил Германии ультиматум, угрожая, что Великобритания объявит Германии войну, если ее войска не покинут территорию Бельгии, куда вермахт вторгся 3 августа 1914 г., поправ нейтралитет этой страны. Рейхсканцлер отклонил ультиматум, а когда посол Англии напомнил ему о международном договоре, согласно которому Пруссия наряду с другими державами обязывалась гарантировать нейтралитет Бельгии, Бетман-Гольвег воскликнул: «Итак, из-за клочка бумаги вы намереваетесь воевать с родственной вам нацией?»

³ Беспощадно, решительно (нем.).

Наполеон забрал итальянские произведения искусства и перевез их во Францию».

Вполне очевидно, что сражение на Марне спасло Париж от повторения судьбы Лёвена.

Вангенхайм был так уверен в немедленной победе, что уже начал обсуждать условия мира. Он сказал, что Германия, разгромив ее армии, потребует у Франции полной демобилизации и уплаты контрибуций. «Сейчас Франция, — сказал Вангенхайм, — может заплатить 5 миллиардов долларов, но если она продолжит упорствовать в своем стремлении воевать, то ей придется заплатить 20 миллиардов долларов».

Он сообщил мне, что Германия будет требовать порты и угольные станции «везде». Тогда, судя по словам Вангенхайма, Германия больше жаждала не новых территорий, но коммерческой выгоды. Она безумно хотела стать большой торговой державой, а для этого у нее должны быть свободные порты, Багдадская железная дорога и исключительные права в Южной Америке и Африке. Вангенхайм сказал, что Германия не желает других территорий, в которых население не говорит по-немецки, поскольку у них уже были все возможные проблемы такого рода в Эльзас-Лотарингии, Польше и других ненемецких странах. Ввиду последних событий в России это утверждение звучало более чем интересно. Он не упомянул Англию, когда говорил о желании Германии получить угольные станции и порты, но он явно должен был иметь в виду именно ее, поскольку какая еще нация могла дать все это Германии «везде»?

Все эти разговоры объясняли мне происшедшее точно так же, как и откровения Вангенхайма относительно конференции 5 июля. Этот эпизод очевидно доказывает, что Германия сознательно начала войну, в то время как столь грандиозные планы, обрисованные в общих чертах этим способным, но все же несколько болтливым послом, разъяснили причины, которые толкнули немцев к этому предприятию. Вангенхайм нарисовал мне полную картину великой империи, начинающей великую авантюрную экспедицию, в которой добычей стали бы увеличившиеся богатства ее соседей и положение в мире, которое их мастерство и промышленность создали за века.

Если Англия попытается заморить Германию голодом, сказал Вангенхайм, то немецкий ответ будет очень простым: она начнет морить голодом Францию. Нужно помнить: в тот момент в Германии верили, что Париж будет захвачен меньше чем за неделю и это даст Германии полный контроль над всей страной. По мнению Вангенхайма, план Германии заключался в том, чтобы держать французскую нацию в качестве залога хорошего английского поведения, что-то вроде заложника, только в гигантском масштабе. В таком случае, если Англия получит большое преимущество, Германия постарается контратаковать, мучая французский народ. Тогда немецкие солдаты убивали невинных бельгийцев в отместку за приписываемое другим жителям Бельгии дурное поведение. Очевидно, что Германия собиралась применять подобные приемы как ко всем нациям, так и к отдельным лицам.

Во время этих и других бесед Вангенхайм демонстрировал ярую враждебность по отношению к России. «Мы наступаем на российскую мозоль, — сказал он, — и намерены там оставаться».

Под этой фразой он, должно быть, имел в виду, что Германия сумела провести «Гебен» и «Бреслау» через Дарданеллы и этим мастерским ударом захватить власть над Константинополем. Старая византийская столица, по словам Вангенхайма, была как раз тем призом, который могла потребовать победившая Россия. Нехватка портов с круглогодичной навигацией в теплых водах была слабым местом России — ее «мозолью». Тогда Вангенхайм хвастал, что у Германии было 174 артиллериста в Дарданеллах, что пролив можно было закрыть меньше чем за тридцать минут и что Сушон, немецкий адмирал, проинформировал его, что пролив неуязвим.

— Однако мы не станем закрывать Дарданеллы, — сказал он, — если Англия не нападет.

В то время Англия, несмотря на то что объявила Германии войну, не играла заметной роли в военных действиях. Ее «презренная маленькая армия» героически отступала из Монса. Вангенхайм совершенно не считал Англию врагом. Он сказал, что Германия намеревалась разместить свои орудия в Кале и обстрелять через Английский канал английские прибрежные

города. То, что Германия может не захватить Кале в течение десяти дней, даже в голову ему не приходило. Во время этого и других разговоров, проходивших примерно в одно время, Вангенхайм высмеивал мысль, что Англия может создать большую независимую армию. «Эта идея абсурдна, — говорил он. — Нужны поколения, чтобы создать нечто похожее на немецкую армию. Мы строили ее в течение двух столетий. Нужно тридцать лет постоянных тренировок, чтобы появились такие генералы, как наши. Наша армия всегда будет сохранять свою организацию. Каждый год наши войска пополняются 500 тысячами новобранцев. Мы не можем каждый год терять такое количество людей, так что наша армия всегда будет оставаться целой и невредимой».

Несколько недель спустя немецкая бомбардировка английских прибрежных городов, таких как Скарборо и Хартлпул, потрясла общественность. Германия сделала это не под влиянием внезапного порыва, нет, это была часть тщательно продуманного плана. 6 сентября 1914 года Вангенхайм сообщил мне, что Германия намеревалась атаковать все английские порты, чтобы остановить снабжение продовольствием. Также очевидно, что немецкая безжалостность по отношению к американской морской торговле не являлась внезапным решением фон Тирпица, поскольку в то же самое время немецкий посол в Константинополе предупредил меня, что отправлять в Англию корабли для США очень опасно!

Глава 8

КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР НЕМЕЦКОЙ ПРОПАГАНДЫ

В те августовские и сентябрьские дни Германия не собиралась немедленно ввергать Турцию в войну. Будучи чрезвычайно заинтересованным в благополучии турецкого народа и сохранении мира, я телеграфировал в Вашингтон, спрашивая разрешения использовать свое влияние, чтобы сохранить нейтралитет Турции. Ответ был следующим: я могу это сде-

лать при условии, что буду действовать неофициально и только по причине человеколюбия. Поскольку послы Англии и Франции прилагали все свои силы, чтобы удержать Турцию от участия в войне, я знал, что мое вмешательство не вызовет недовольства британского правительства. Однако Германия могла счесть вмешательство с моей стороны проявлением враждебности. Поэтому я спросил Вангенхайма, могут ли возникнуть какие-либо возражения против этого у Германии.

Его ответ удивил меня, хотя под конец я понял, что он имел в виду.

— Нет, совсем нет, — ответил он. — Больше всего Германия хочет, чтобы Турция сохраняла нейтралитет.

Без сомнения, политика Турции в тот момент полностью соответствовала немецким планам. Вангенхайм постоянно усиливал свое влияние на турецкий кабинет, и Турция следовала тем курсом, который больше всего соответствовал немецким целям. Политика Германии заключалась в том, чтобы держать Антанту в состоянии неуверенности — члены Антанты никогда не знали, как поведет себя Турция: будет ли она сохранять нейтралитет или вступит в войну на стороне Германии. Из-за того, что позиция Турции была неясна, Россия была вынуждена держать большие силы на Кавказе, Англия — усиливать свое присутствие в Египте и Индии и держать значительную часть флота при входе в Дарданеллы. Все это прекрасно соответствовало немецким планам, поскольку отсутствие этих сил значительно ослабляло Англию и Россию на Европейском фронте. Сейчас я говорю о периоде времени до битвы на Марне, когда Германия полагала, что сумеет победить Францию и Россию при помощи своего союзника — Австрии, и, таким образом, добиться победы, которая позволит им управлять будущим Европы. Если бы Турция в это время действительно принимала участие в военных операциях, то она не смогла бы сделать большего для достижения этой победы, чем удерживая значительные российские и английские силы вдалеке от театров военных действий. Но если бы Германия достигла этой легкой победы с помощью Турции, то вскоре смогла бы обнаружить, что ее новый друг является для нее

преградой. Турция определенно потребовала бы компенсации и не была бы скромной в своих запросах. Вполне вероятно, что требования ее были бы следующими: полный контроль над Египтом и, возможно, возвращение балканских территорий. Подобные события сильно бы помешали планам кайзера. Таким образом, он не был заинтересован в том, чтобы Турция была его действительным соратником, за исключением того случая, если ему не удастся добиться ожидаемого триумфа. Но если Россия добьется большого успеха в борьбе с Австрией, тогда активный союз с Турцией будет иметь большую ценность, в особенности если для ее вступления будет выбрано такое время, которое позволило бы сделать своими союзниками также Болгарию и Румынию. Пока же Вангенхайм ждал, превращая Турцию в потенциального союзника, усиливая ее армию и готовясь использовать ее в любой момент, когда ее участие принесет максимальное преимущество. Если Германия не сможет выиграть войну без помощи Турции, Германия была готова принять ее как своего друга. Если же она сможет победить без Турции, тогда ей не придется платить туркам за их помощь. Пока же самым разумным было держать Турцию в боевой готовности на случай, если турецкие силы будут необходимы для немецкого успеха.

Имевшая место дуэль между Германией и Антантой за благосклонность Турции была неравноценной. Дело было в том, что Германия одержала победу, незаконно проведя «Гебен» и «Бреслау» в Мраморное море. Английский, французский и российский послы прекрасно понимали это и знали, что не смогут сделать Турцию активным сторонником Антанты. Вероятно, они даже этого не хотели, но надеялись, что она сохранит нейтралитет. Именно этого они всеми силами старались добиться.

— Вы уже достаточно навоевались, — говорили они Талаату и Энверу. — Вы принимали участие в двух войнах за последние четыре года. Вы полностью разрушите свою страну, если примете участие и в этой.

Антанта могла предложить Турции лишь одну вещь, в надежде на сохранность ее нейтралитета, — это была гарантия

целостности Османской империи. Для послов Антанты демонстрация нежелательности вступления Турции в войну компенсировалась осторожностью в вопросе присутствия в ее водах «Гебена» и «Бреслау». Да, они регулярно выступали против присутствия этих кораблей, но каждый раз турецкие офицеры отвечали, что это турецкие суда.

— Если это так, — настаивал сэр Луи Маллет, и аргумент его был — комар носа не подточит, — тогда почему вы не убрали немецкие команды?

Великий визирь отвечал, что так и планировалось. Турецкие экипажи, которые были отправлены на строящиеся в Англии корабли, говорил он, сейчас возвращаются в Турцию. По прибытии в Константинополь они тотчас же будут отправлены на «Гебен» и «Бреслау». Но проходили дни и недели, турецкие экипажи уже вернулись домой, и все же экипажи крейсеров состояли из немцев. Эта помощь и поддержка не обманули представителей британского и французского дипломатических корпусов. Присутствие «Гебена» и «Бреслау» было постоянным *casus belli*¹, но послы Антанты не требовали свои паспорта, поскольку такое действие ускорило бы кризис, которого они так старались избежать, — вступление Турции в войну на стороне Германии. К сожалению, обещание Антанты гарантировать целостность Турции не помогло им переманить Турцию на свою сторону.

— Они пообещали, что после Балканских войн мы не будем разорваны на части, — говорил мне Талаат. — А сейчас видите, что случилось с европейской частью Турции?

Вангенхайм тоже постоянно упоминал этот факт.

— Вы не можете доверять ничему из того, что они говорят, — говорил он Талаату и Энверу. — Разве они все не нарушили данное ими слово год назад?

После чего он тонко начинал играть на эмоциях, которые приводили в волнение любого турка. Потомки османцев вряд ли будут походить на кого-то из тех людей, которых я когда-либо знал. Они не ненавидят, они не любят, они не испытыва-

¹ Повод для объявления войны (лат.).

ют ни к кому в течение долгого времени ни враждебности, ни привязанности. Они лишь боятся. И вполне понятно, что они приписывают остальным мотивы своего собственного поведения.

— Как вы глупы, — говорил Вангенхайм Талаату и Энверу, обсуждая позицию Англии. — Разве вы не понимаете, почему англичане не хотят, чтобы вы вмешивались? Это потому, что они вас боятся. Разве вы не видите, что с помощью Германии вы вновь стали великой военной державой? Неудивительно, что Англия не хочет с вами сражаться.

Он так часто повторял это, что в конце концов они поверили, поскольку этот аргумент не только полностью объяснял им позицию Англии, но и льстил турецкой гордости.

Какой бы ни была позиция Энвера и Талаата, я думаю, что среди населения Турции Англия и Франция были популярнее, чем Германия. Султан был против войны; наследник, Юсуф Иззеддин, разделял просоюзнические настроения; великий визирь, Саид Халим, больше благоволил Англии, чем Германии; о Джемале, третьем члене правящего триумвирата, говорили, что он франкофил — он недавно вернулся из Парижа, где прием, устроенный в честь его приезда, здорово польстил ему. Большинство членов кабинета также не испытывали энтузиазма в отношении Германии. Общественное мнение, насколько оно вообще существовало в Турции, считало Англию, а не Германию историческим другом Турции. Поэтому Вангенхайму нужно было преодолеть еще множество препятствий. И избранные им методы борьбы лучше всего демонстрируют образ действия немецких пропагандистов. Он начал массированную общественную кампанию против Англии, Франции и России. Я уже описывал чувства, испытанные турками после потери своих кораблей в Англии. Теперь Вангенхайм и его агенты заполняли купленные ими полосы в газетах атаками на Англию, обвиняя ее в том, что та забрала их корабли. Вся турецкая пресса быстро перешла под контроль Германии. Вангенхайм приобрел «Икдам», одну из крупнейших турецких газет, которая немедленно начала петь дифирамбы Германии и оскорблять

Антанту. «Османишер ллойд», издаваемый на французском и немецком, стал печатным органом немецкого посольства. Несмотря на то что турецкая конституция гарантировала свободу прессе, была установлена цензура в пользу государств оси. Всем турецким редакторам было приказано писать в пользу Германии, и они подчинялись этим указаниям. «Жён турк», газета проантантовской направленности, издаваемая на французском, была ликвидирована. Турецкие газеты преувеличивали немецкие победы и лгали об остальных; они постоянно печатали новости о поражениях Антанты, большинство из которых были выдуманы. Вечером Вангенхайм и Паллавичини показывали мне официальные телеграммы, в которых детально рассказывалось о военных операциях, а утром, заглянув в газеты, я находил искаженные в пользу Германии новости. Некий барон Оппенхайм путешествовал по всей Турции и настраивал людей против Англии и Франции. Он якобы был археологом, в то время как на самом деле повсюду создавал конторы — источники клеветы и злословия, направленные против Антанты. На стенах висели огромные карты, демонстрирующие территории Турции, потерянные в течение этого века. Россия изображалась нацией, ответственной за эти «кражи». Особое внимание уделялось тому, что Англия стала другом России. Издавались картинки, на которых силы Антанты изображались в виде жадных животных, хватающих бедную Турцию. Энвер был объявлен «героем», вернувшим Адрианополь; Германию изображали другом Турции; кайзер внезапно стал «хаджи Вильгельмом», великим защитником ислама, даже появились истории, согласно которым он принял ислам. Турецкие народные массы были проинформированы, что мусульмане Индии и Египта собирались поднять бунт и свергнуть английских «тиранов». Турецких людей на улице учили говорить «Gott Strafe England»¹. В течение всего этого времени побуждающей силой такой позорной кампании были немецкие деньги.

¹ Господь, покарай Англию (нем.).

Но Германия не только отравляла умы турецких жителей, но и присваивала себе турецкие военные ресурсы. Я уже описывал, как в январе 1914 года кайзер подмял под себя турецкую армию и реформировал ее для участия в европейской войне. Теперь же он хотел сделать то же самое с турецким военно-морским флотом. В августе Вангенхайм хвастался перед мной:

— Теперь мы контролируем и турецкую армию, и флот.

К тому времени, когда прибыли «Гебен» и «Бреслау», английская миссия во главе с адмиралом Лимпусом уже усердно трудилась над восстановлением турецкого флота. Вскоре после этого Лимпус и его коллеги были бесцеремонно освобождены от занимаемых должностей. Это было сделано более чем постыдно, поскольку к ним не проявили даже самой обычной учтивости. Английские морские офицеры тихо и незаметно покинули Константинополь и отправились в Англию — все, за исключением самого адмирала, который был вынужден остаться из-за болезни своей дочери.

Каждой ночью вагоны с немцами прибывали из Берлина в Константинополь. Вскоре немцев стало 3800 человек, большинство из них было отправлено на турецкий военно-морской флот и на изготовление боеприпасов. Каждую ночь они ходили в кафе, а в предрассветные часы шатались по улицам Константинополя, распевая немецкие патриотические песни. Многие из них были искусными механиками. Они немедленно отправились ремонтировать эсминцы и другие корабли, с целью восстановить их для войны. У британской фирмы «Армстронг и Виккерс» был великолепный док в Константинополе, теперь же немцы забрали его себе. Сутки напролет мы слышали, как идет работа. Постоянный шум мешал спать. Перед Вангенхаймом открылась еще одна прекрасная возможность отравить умы Энвера, Талаата и Джемала. Он объявил, что немецкие рабочие обнаружили турецкие корабли в очень плачевном состоянии. Естественно, в этом он винил английскую морскую миссию. Он сказал, что Англия позволила обветшать турецкому флоту, и утверждал, что это часть тщательно продуманного английского плана по разрушению Турции!

— Смотрите! — возвышал он голос. — Видите, что немцы сделали для турецкой армии. А теперь посмотрите, что англичане сделали с вашими кораблями!

На самом же деле это была ложь. Адмирал Лимпус усердно работал над усовершенствованием этого флота и достиг в этом направлении больших результатов.

Все это время немцы работали в Дарданеллах, пытались усилить укрепления и подготовиться к возможной атаке Антанты. Сентябрь незаметно перешел в октябрь, и турецкое правительство практически перестало быть во главе Оттоманской империи. Я действительно верю, что самые влиятельные люди в тот момент находились на борту немецкого торгового судна «Генерал». Он был пришвартован в бухте Золотой Рог, рядом с Галатским мостом. Была построена временка, ведущая на его палубу. Я очень хорошо знал одного из постоянных гостей этого корабля — американца, который, проходя в посольство, развлекал меня историями о происходящем на его борту.

«Генерал», как сказал мне этот американец, фактически был немецким клубом или отелем. Офицеры «Гебена» и «Бреслау», а также те, кого послали командовать турецкими кораблями, ели и спали на его борту. Адмирал Сушон, который привел немецкие крейсера в Константинополь, руководил этими сборищами. Сушон происходил из французских гугенотов. Это был невысокий, опрятный и приятный на вид моряк, всегда полный энергии и очень внимательный. Немецкая страсть к порядку и скрупулезность сочетались в нем с галльской сердечностью и жизнерадостностью. Естественно, в вечерние посиделки на «Генерале» он привносил определенное оживление. А пиво и шампанское, которые раздавались по таким случаям, развязывали язык офицерам. Судя по их разговорам, они не питали никаких иллюзий относительно того, кто на самом деле контролировал турецкий флот. С каждой ночью их нетерпение все росло. Они говорили, что если Турция сейчас же не атакует Россию, то они заставят ее сделать это. Они рассказывали, как отправили немецкие корабли в Черное море, в надежде побудить россий-

ский флот совершить какие-либо действия, которые сделали бы войну неизбежной. В конце октября мой друг рассказал мне, что уже нет возможности избежать военных действий. Турецкий флот укомплектован и готов к действию, все подготовлено, а импульсивность *kriegslustige*¹ немецких офицеров больше невозможно сдерживать.

— Они ведут себя вызывающе, как мальчишки, и постоянно лезут в драку! — говорил Сушок.

Глава 9

ГЕРМАНИЯ ЗАКРЫВАЕТ ДАРДАНЕЛЛЫ И ТАКИМ ОБРАЗОМ ОТРЕЗАЕТ РОССИЮ ОТ ЕЕ СОЮЗНИКОВ

27 сентября британский посол, сэр Луи Маллет, вошел в мой офис. Он был более чем взволнован. От меня только что вышел хедив Египта, и я заговорил с сэром Луи о египетских делах.

— Давайте обсудим это как-нибудь в другой раз, — сказал он мне. — У меня есть для вас гораздо более важная информация. Они закрыли Дарданеллы.

Под «они» он имел в виду конечно же не турецкое правительство — единственную силу, которая имела законное право совершить этот радикальный шаг, а истинных правителей Турции — немцев. У сэра Луи была причина сообщить мне эти новости, поскольку это было оскорбление и Соединенных Штатов, и союзников. Он попросил меня пойти с ним и выразить совместный протест. Однако я предположил, что нам лучше действовать по отдельности, и немедленно отправился к великому визирю.

Прибыв, я обнаружил, что идет заседание кабинета. Сидя в приемной, я мог слышать, как несколько человек ведут оживленную дискуссию. Среди многих голосов я определенно различал очень знакомые мне голоса Талаата, Энвера, Джавида, министра финансов, и других членов правитель-

¹ Жажущий войны (нем.).

ства. Из того, что я сумел услышать через перегородки, становилось вполне очевидно, что эти номинальные правители Турции были почти так же рассержены закрытием Дарданелл, как сэр Луи Маллет и я.

Великий визирь по моей просьбе вышел из кабинета. У него был плачевный вид. По закону он был одним из самых важных официальных лиц турецкого правительства, представителем самого султана. Сейчас же он являл собой пример жалкой беспомощности и страха. Он был бледен и весь дрожал. Он был так взволнован, что едва мог говорить. Когда же я наконец спросил его, правдивы ли новости о закрытии Дарданелл, он, запинаясь, ответил, что все это правда.

— Вы понимаете, что это означает войну, — сказал я и выразил самый решительный протест от лица Соединенных Штатов.

В течение всего нашего разговора я слышал громкие голоса Талаата и его товарищей, доносящиеся из кабинета. Великий визирь извинился и вернулся в комнату. Он отправил Джавида обсудить этот вопрос со мной.

— Это все явилось сюрпризом и для нас, — это было первое, что сказал мне Джавид.

Эти слова являлись прямым доказательством того, что кабинет не имел к происшедшему никакого отношения. Я повторил, что Соединенные Штаты не оставят без последствий закрытие Дарданелл. Турция была в мире со всеми, а султан имел законное право закрывать пролив для торговых судов лишь в случае войны. Я сказал, что американский корабль с грузом продовольствия и запасов для американского посольства в этот самый момент ждал перед входом в пролив. Джавид предложил разгрузить это судно в Смирне: турецкое правительство, вежливо добавил он, оплатит транспортировку груза в Константинополь. Это был нелепый выход, и я отмахнулся от него.

Затем Джавид сказал, что кабинет намеревается расследовать этот инцидент и обсуждает, кстати, его в данный момент. Он рассказал мне, как все случилось. Турецкий миноносец прошел через Дарданеллы и попытался выйти в

Эгейское море. Расположившиеся там британские корабли остановили его, обследовали и обнаружили на борту немецких моряков. Английский адмирал немедленно приказал экипажу возвращаться; учитывая сложившиеся обстоятельства, он имел право так поступить. Вебер-паша, немецкий генерал, отвечавший тогда за укрепления, не советуясь с турками, немедленно отдал приказ закрыть пролив. Как я уже говорил, Вангенхайм не раз хвастался, что Дарданеллы можно закрыть за тридцать минут, теперь же немцы доказали это на деле. Были сброшены мины и сети; огни маяков были погашены. Были выставлены сигналы, сообщавшие кораблям, что «проход закрыт». Так было совершено одно из самых дерзких деяний в немецкой внешней политике. Я вдруг обнаружил, как турецкие политики, единственные люди, имевшие власть над этой важной полоской воды, запинались и дрожали от страха, бегая туда и сюда, как стая кроликов. Они пришли в ужас от чудовищности немецкого поступка, но, очевидно, были бессильны совершить какой-либо решительный поступок. Я примерно представлял себе положение, к которому прогерманское запугивание свело этих правителей Турецкой империи. В тот же момент перед моими глазами появилась фигура дремлющего во дворце и позабывшего об этом деле султана, чья подпись позволяла закрыть эти воды.

И хотя Джавид проинформировал меня, что кабинет вполне может решить вновь открыть Дарданеллы, этого так и не произошло. Великий путь оставался закрытым в течение более чем четырех лет с 27 сентября 1914 года. Конечно же я видел, что это действие на самом деле означало. Тот сентябрьский месяц был крушением надежд для немцев. Французы отразили атаку и вынудили немцев отступить к укреплениям вдоль Эны. Русские с триумфом шли через Галицию; они уже захватили Лемберг, и казалось вполне вероятным, что скоро они перейдут Карпаты и попадут в Австро-Венгрию. В эти дни Паллавичини, австрийский посол, был уручен и жалко выглядел. Он доверился мне и рассказал о своих страхах относительно будущего, пояснив, что планы Герма-

нии относительно короткой войны провалились. Он предположил, что Германия может победить, если вообще может, что более чем сомнительно, лишь после продолжительной борьбы. Я уже описывал, как Вангенхайм, подготавливая турецкую армию и флот, держал Турцию в резерве, собираясь использовать ее силы лишь тогда, когда Германия не сможет во время первой же кампании победить Францию и Россию. Теперь, когда это поражение было столь очевидным, Вангенхайм получил инструкции активно использовать Турецкую империю. До настоящего времени эта 20-миллионная нация была пассивным партнером, поскольку Вангенхайм удерживал ее в стороне. Это продолжалось до тех пор, пока Германия не решила, что необходимо позволить Турции вступить в войну реальным участником. Произошло это, когда Германии понадобилась турецкая армия. Внешним же симптомом изменившейся ситуации было закрытие Дарданелл. Таким образом, Вангенхайм завершил задание, над которым так долго трудился. Венцом всего этого было то, что он сумел доставить в Константинополь «Гебен» и «Бреслау». Даже сейчас немногие американцы понимают, какое огромное влияние оказало это действие на судьбу будущих военных операций. И все же тот факт, что война длилась так много лет, можно объяснить только закрытием Дарданелл.

Поскольку именно эта деталь отделила Россию от ее союзников, это меньше чем за год привело к ее поражению и краху и, в свою очередь, сделало возможным революцию в России. При взгляде на карту стало ясно, что у огромной страны России есть всего лишь четыре выхода в море. Один — через Балтийское море, который Германия уже закрыла. Другой — через Архангельск к Северному Ледовитому океану, порт, который несколько месяцев в году скован льдом и который был связан с сердцем России лишь длинной, однопутной железной дорогой. Третий — Владивосток, выход к Тихому океану, этот выход также скован льдом в течение трех месяцев и связан с Россией лишь Сибирской железной дорогой длиной более восьми тысяч километров. Четвертый — путь через Дарданеллы, который на самом деле был единственно реальным.

Через эти узкие «ворота» прибавочный продукт, 175 миллионов человек, попадал в Европу, и девять десятых всего экспорта и импорта России также шло этим путем. Внезапно закрыв этот путь, Германия разрушила экономический и военный потенциал России. Однако самым роковым оказалось то, что Германия не позволила Англии и Франции доставить на российское поле битвы вооружение в достаточном количестве, чтобы остановить нападение немцев. Как только Дарданеллы были закрыты, Россия для подобных поставок была вынуждена прибегнуть к Архангельску и Владивостоку, которые могла получить через эти порты. Сейчас хорошо известна причина военного краха России в 1915 году: у солдат просто не было военного снаряжения, которым они могли бы воевать. Первую половину 1918 года Германия безуспешно пыталась вбить клин между французскими и английскими армиями на Западном фронте; отделить одного союзника от другого и таким образом оказаться в ситуации, когда она могла атаковать каждого союзника по отдельности. Однако задача испортить франко-русское соглашение и вбить подобный «клин» между Россией и ее западными союзниками на деле оказалась очень простой. Как я уже писал, для этого нужно было лишь взять под контроль еще находящуюся в состоянии мира Турцию, ее коррумпированное и деградировавшее правительство, получить власть над главными должностными лицами, армией, военно-морским флотом, запасами. А затем, когда наступит подходящий момент, проигнорировать ее номинальных лидеров и закрыть небольшую полосу воды длиной в тридцать километров, а шириной в четыре километра! Это не стоило ни одной человеческой жизни, ни одного оружейного выстрела, и все же в мгновение ока Германия сумела сделать то, чего, вероятно, 3 миллиона человек, в отличие от хорошо укомплектованной военной силы России, не могли бы добиться. Это был один из самых драматических триумфов войны. И все это произошло благодаря немецкой пропаганде, немецкой проницательности и немецкой дипломатии.

В течение нескольких следующих дней после скрытого удара по России Босфор стал походить на гавань, на которую

внезапно напал мор. Сотни кораблей, прибывших из России, Румынии и Болгарии, нагруженные зерном, древесиной и другими вещами, обнаруживали, что дальше идти они не могут. Не хватало причалов, чтобы разместить все эти корабли, поэтому они находили открытый участок воды, бросали якорь и ждали дальнейшего развития событий. Все это стало являть собой скопление мачт и дымовых труб, а толпа судов стала такой плотной, что даже на моторной лодке довольно сложно было найти путь в этом запутанном корабельном лесу. Турки продолжали надеяться, что сумеют открыть этот водный путь, и поэтому экипажи кораблей, количество которых постоянно росло, примерно месяцу терпеливо ждали. Потом один за другим они развернулись к Черному морю и отправились в свои порты. За несколько недель Босфор и прилегающие воды полностью опустели. Теперь же воды, по которым в течение многих лет оживленно двигались корабли, бороздили лишь редкие катера, крошечные турецкие шлюпки или небольшие парусные суда. А чтобы понять то, что все это означало с военной точки зрения, достаточно вспомнить, как шли бои на Российском театре военных действий через год. Крестьянам, воевавшим с немецкой артиллерией, нечем было защитить свои тела, из оружия у них было лишь несколько винтовок и тяжелых орудий, в то время как груды бесполезной амуниции были сложены в далеких портах Северного Ледовитого и Тихого океанов, и не было железнодорожных путей, по которым их можно было доставить на поле боя.

Глава 10

ТУРЕЦКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ОТМЕНЯЕТ РЕЖИМ КАПИТУЛЯЦИЙ – ЭНВЕР ЖИВЕТ ВО ДВОРЦЕ, ОБЛАДАЕТ ДЕНЬГАМИ И НЕВЕСТОЙ КОРОЛЕВСКОЙ КРОВИ

Еще одна проблема, которая обсуждалась в течение многих месяцев, теперь оказалась связанной с международным положением Турции: это проблема режима капитуляции, то

есть договорных прав, которые в течение многих веков регулировали положение иностранцев в Турецкой империи. Турция никогда не имела положения равного с европейскими державами. В действительности она никогда не обладала независимостью и суверенитетом. Законы и порядки султана столь сильно отличались от европейских и американских, что ни одна немусульманская страна не могла и подумать о подчинении им своих граждан в Турции. Поэтому принцип экстерриториальности часто действовал в пользу граждан и субъектов стран, наслаждавшихся капитуляционными правами. Практически все европейские страны, как и Соединенные Штаты, в течение многих веков имели в Турции консульские суды и тюрьмы, где выяснялись обстоятельства преступлений и осуществлялось наказание. У нас у всех были собственные школы, и закон и защита в них были не турецкие, а той страны, которая их содержала. Так, Роберт-колледж и Константинопольский женский колледж, эти замечательные институты, построенные американскими благотворительными организациями на Босфоре, как и сотни других американских религиозных, благотворительных и образовательных учреждений, стояли практически на американской территории и считали американское посольство своим защитником. У нескольких стран были собственные почтовые службы, и им даже в голову не приходило, отправляя письма, пользоваться оттоманской почтовой службой. Также у Турции не было неограниченной власти в налогообложении иностранцев. Она не могла даже увеличить свои таможенные сборы без согласия иностранных государств. В 1914 году она могла взимать лишь 11 процентов пошлины и пыталась обеспечить себе право увеличить ее до 14. Мы всегда считали Англию единственной страной со свободной торговлей, не замечая, что ограничения турецких пошлин практически сделали Оттоманскую империю невольной последовательницей Кобдена. Так, Турции было запрещено развивать собственную промышленность; вместо этого она была вынуждена закупать огромное количество вещей плохого качества в Европе. В течение многих лет турецкие чи-

новники выступали против этого, заявляя, что эти ограничения являются оскорбительными для их национального достоинства и ограничивают их развитие. Однако соглашение было двусторонним, и Турция не могла изменить ситуацию без согласия остальных держав, подписавших соглашение. И все же ситуация, когда и Антанта, и силы стран оси пытались подружиться с Турцией, предоставляла прекрасную возможность для перемен. Как только немцы начали свой путь в Париж, появились слухи, что Турция пытается отменить режим капитуляций. Говорили, что Германия согласилась ввиду того, что может понадобиться помощь турецких войск в войне, а согласие Англии на отмену было платой за то, чтобы Турция продолжала сохранять нейтралитет. Ни один из этих слухов не был правдой. Очевидным было другое — паника среди иностранных граждан, вызванная всего лишь предположением об отмене режима капитуляций. Мысль, что придется подчиняться турецким законам и, возможно, даже оказаться в турецкой тюрьме, приводила их в ужас — и не без причины.

У меня была длительная беседа с Энвером относительно этого вопроса. Он попросил меня навестить его дома, где он лежал после незначительного хирургического вмешательства. Таким образом, я получил возможность увидеть военного министра *en famille*¹. И действительно, этот скромный человек из народа поднялся очень высоко. Его дом, расположенный в одном из самых тихих и аристократических районов города, представлял собой роскошное старое здание, очень большое и искусно построенное. Меня провели через четыре-пять коридоров. Когда я проходил мимо одной из дверей, принцесса, жена Энвера, открыла ее и бросила на меня быстрый взгляд. Немного дальше другая турецкая женщина открыла другие двери и также мельком взглянула на фигуру посла. В конце концов меня привели в красивую комнату, в которой на диване полулежал Энвер. На нем был длинный шелковый халат, а ноги в чулках свисали на пол. Он выглядел гораздо моложе,

¹ В узком, семейном кругу (фр.).

чем в униформе. Это был холеный и опрятный человек, его лицо было бледным и гладким, что особенно сильно подчеркивали его черные как вороново крыло волосы. Его руки были белыми и мягкими, а пальцы — тонкими и длинными. В руке у него была скрипка, а рядом стояло пианино, что свидетельствовало о том, что Энвер любил музыку. Комната была роскошно убрана декоративной тканью. Однако самой заметной особенностью, вероятно, был помост, на котором стоял золотой стул — свадебный трон жены Энвера. Разглядывая эту роскошь, признаюсь, мне в голову пришли очень неприятные мысли. Я не мог не задаться вопросом, мучившим многих людей в Константинополе. Где Энвер взял деньги для устройства столь роскошного убранства? Собственного состояния у него не было — его родители были чрезвычайно бедны, а зарплата министра кабинета была где-то около 8 тысяч долларов. У его жены, как представительницы монаршей семьи, было небольшое денежное пособие, однако личного состояния у нее также не было. Энвер никогда не занимался бизнесом. Всю свою жизнь он был революционером, военным лидером и политиком. Но жил он при этом так, будто бы имел огромный личный доход. Многие другие также свидетельствовали о большом и внезапном преуспевании Энвера. И я много раз слышал о его вложениях в дело, о котором говорил тогда весь город.

Энвер хотел обсудить режим капитуляций. В сущности, он сказал, что кабинет решил отменить его и что ему было очень интересно узнать отношение Соединенных Штатов к этому действию. Он добавил, что страна, которая боролась за свою независимость так, как наша, должна обязательно с симпатией отнестись к попытке Турции избавиться от этих кандалов. «Мы помогли Японии освободиться от похожего бремени, поможем ли мы теперь Турции? Ведь Турция не менее цивилизованная страна, чем Япония, не так ли?»

Я ответил, что Соединенные Штаты могут согласиться на отмену режима капитуляций, но только экономических. По моему мнению, Турция должна сама контролировать свои таможенные пошлины и иметь право взимать с иностранцев

такие же налоги, как и с собственных граждан. Однако, пока не изменятся турецкие суды и тюрьмы, мы не согласимся на отмену режима судебных капитуляций. Турция должна разобраться с беспределом, творящимся в судах. Затем, когда суды примут европейскую модель правосудия, вопрос можно будет обсудить. Энвер ответил, что Турция очень хотела бы иметь смешанные суды и нескольких судей, назначенных Соединенными Штатами. Однако я ответил, что поскольку американские судьи не знали турецкого языка и турецких законов, то его план связан с определенными трудностями. Также я сказал ему, что американские школы и колледжи очень дороги американцам и что американские граждане не согласятся передать их под турецкую юрисдикцию.

Вопреки протестам послов кабинет сообщил об отмене 1 октября режима капитуляций. Это аннулирование было частью плана младотурок по освобождению Турции от иностранной опеки и созданию новой страны под девизом «Турция для турок». Это говорило о том, что главными пунктами турецкой политики были не только отношения империи с иностранными державами, но и отношение к ее собственным гражданам. Позиция Англии по этому вопросу была схожа с нашей: британское правительство могло согласиться на изменение только экономических ограничений. Вангенхайм был взбудоражен. Полагаю, его министерство иностранных дел сделало ему выговор за то, что отмена этого режима все-таки произошла, поскольку он вежливо попросил меня объявить, что это я был ответственен за все произошедшее! С приближением 1 октября настроение иностранных граждан становилось все более мрачным. После закрытия Дарданелл они были отрезаны от Европы. Они чувствовали, что оставлены на милость турецких судов и тюрем. Ввиду того, что в турецких тюрьмах существовала традиция сажать виновных к невиновным, к убийцам помещать людей, обвиненных в меньших преступлениях, но не изобличенных в них, и бить непокорных свидетелей палками, страхи иностранцев можно было легко понять. Работники образовательных учреждений также были напуганы, и в целях их защиты я обратился

к Энверу. Он уверил меня, что у турок нет никаких враждебных намерений по отношению к американцам. На что я ответил, что он должен наглядно продемонстрировать, что американцам не будет причинено ни малейшего вреда.

— Хорошо, — сказал он. — Что вы предлагаете?

— Почему бы для вида 1 октября, в день отмены режима капитуляций, не навестить Роберт-колледж? — спросил я.

Предложение было довольно необычным, поскольку за историю существования института ни один важный турецкий деятель никогда не переступал его порога. Но я достаточно хорошо знал турецкий нрав, чтобы понять, что открытый и торжественный визит Энвера вызовет общественный резонанс. Эта новость быстро разлетится по всей стране и доберется даже до самых отдаленных уголков империи. Для турок этот визит будет означать, что один из двоих самых могущественных людей в Турции взял под свое покровительство этот колледж и все остальные американские учебные заведения. Такой визит гораздо лучше защитит американские колледжи и школы, чем целый армейский корпус. Поэтому я был очень рад, когда он сразу же принял мое предложение.

В день отмены режима капитуляций Энвер появился в американском посольстве. Нас ждали две машины. Одна была предназначена для него и меня, вторая — для его адъютантов. Все его адъютанты были при полном параде. Я был очень рад, что Энвер придал этому столько торжественности, поскольку хотел, чтобы это мероприятие получило широкую огласку. По пути в колледж я рассказал Энверу все об этих американских учебных заведениях и об их значении для Турции. В действительности он очень мало знал об этих институтах и, как и большинство турок, подозревал, что они построены здесь для каких-то политических целей.

— Мы, американцы, не ищем никаких материальных выгод в Турции, — сказал я. — Мы всего лишь требуем, чтобы вы хорошо обращались с нашими детьми в этом колледже, к которому американские граждане испытывают теплые чувства.

Я рассказал ему, что мистер Кливленд Г. Додж, президент попечительского совета Роберт-колледжа, и мистер Чарльз Р.

Крейн, президент попечительского совета женского колледжа, были близкими друзьями президента Вильсона.

— Это, — добавил я, — показывает, что лучшее в Америке — это прекрасный альтруистический дух, в природе которого использовать накопленные богатства для строительства колледжей и школ. Построив эти институты в Турции, американцы не будут обращать ваших людей в христианство, а помогут им обучиться наукам и искусствам, таким образом сделав их лучшими из граждан. Американцы чувствуют, что библейские земли дали им их религию, и пытаются отплатить самым лучшим, что есть в Америке, — образованием.

Затем я рассказал ему о миссис Рассел Сейдж и мисс Хелен Гоулд, которые сделали большие подарки женскому колледжу.

Затем я примерно час развлекал его историями из наших «американских ночей». Я рассказал ему, как Джей Гоулд прибыл в Нью-Йорк без денег, в оборванной одежде, и как он умер, оставив после себя состояние в 100 миллионов долларов. Я рассказал ему, как коммодор Вандербилт начал с работы паромщиком и стал величайшим железнодорожным «магнатом» Америки; как Рокфеллер начал свою карьеру с брокерской фирмы в Кливленде, получая 6 долларов в неделю, и заработал самое большое состояние, когда-либо накопленное одним человеком за всю мировую историю. Я рассказал ему, как Доджи стали нашими великими «медными королями», а Крейны — производителями железных труб. Энвер нашел эти истории гораздо более захватывающими, чем те, что когда-либо появлялись в Багдаде. Впоследствии я узнал, что он так часто пересказывал их, что эти рассказы слышали все важные люди в Константинополе.

Также Энвер был весьма впечатлен моим рассказом об американских учебных заведениях. Он обошел все корпуса и выражал свой восторг в отношении всего, что попадалось ему на глаза. Он даже предположил, что мог бы прислать сюда своего брата. С миссис Гейтс, женой президента колледжа Гейтса, он выпил чаю, обсудил учебные курсы и спросил, не могли бы мы рассказать ему, как проходит обучение науке

ведения сельского хозяйства. А встреча с учителями, кажется, была для него большим откровением.

— Я полагал, что эти миссионеры выглядят так же, как их изображают в берлинских газетах, — признался он. — Длинные волосы, отвисшие челюсти, руки всегда сложены в молитвенном жесте. Но вот он, доктор Гейтс, который говорит по-турецки, как на родном языке, и ведет себя как светский человек. Я более чем доволен и благодарю вас за то, что привели меня сюда.

В тот вечер Энвер был в самом хорошем расположении духа. Моя идея, что подобный визит защитит колледжи от тревог, оказалась более чем удачной. В течение последних лет Турецкая империя была очень беспокойным местом, но у американских колледжей не было никаких сложностей ни с турецким правительством, ни с турецким населением.

Этот визит был интерлюдией к последующим событиям самого будоражащего рода. Энвер, который в данной ситуации старался быть как можно более дружелюбным, вполне сознательно решил, что Турция должна вступить в войну на стороне Германии. Сейчас Германия находилась в таком положении, когда уже невозможно было скрывать своих намерений. Когда однажды, до этого момента, я вмешался в ход событий, ради сохранения мира, Вангенхайм лишь поощрил меня. Как я уже говорил, причина заключалась в том, что тогда Германия хотела, чтобы Турция оставалась в стороне, поскольку немецкий Генеральный штаб надеялся победить без ее помощи. Но теперь Вангенхайм желал, чтобы Турция вступила в войну. Ввиду того, что я не работал в интересах Германии, но очень тревожился за американские учебные заведения, я все еще убеждал Энвера и Талаата остаться в стороне. Это разозлило Вангенхайма.

— Я полагал, что вы сохраняете нейтралитет? — воскликнул он.

— А я полагал, что вы были в Турции.

Ближе к концу октября Вангенхайм сделал все, чтобы военные действия начались; теперь все, что ему было нужно, — это подходящий момент.

Даже после того, как Германия закрыла Дарданеллы, задачу немецкого посла нельзя было назвать простой. Талаат еще не был полностью уверен, что лучшей политикой является война. И как я уже говорил, среди официальных лиц еще было множество тех, кто симпатизировал Антанте. План Талаата заключался в том, чтобы не захватывать все службы кабинета сразу, нет, он хотел медленно, шаг за шагом получить полный контроль. Во время этого кризиса самыми популярными и уважаемыми членами кабинета министров были Джавид, министр финансов, еврей по национальности, но мусульманин по вероисповеданию; Махмуд-паша, министр общественных работ, черкес; Бустани-эфенди, министр торговли и сельского хозяйства, крещеный араб; Оскан-эфенди, министр почты и телеграфа, армянин и конечно же христианин. Все эти лидеры, как и великий визирь, были против войны и предупредили Талаата и Энвера, что если Германия преуспеет в своих интригах, то они уйдут в отставку. Таким образом, атмосфера была довольно напряженной, и это убедительно доказывает один-единственный эпизод. Сэр Луи Маллет, британский посол, принял приглашение поужинать 20 октября в американском посольстве. Однако в последний момент он отправил записку, в которой сообщал, что заболел и не сможет прийти. Я заглянул к послу через час или два и обнаружил его в саду в полном здравии. Сэр Луи улыбнулся и сказал, что его болезнь была целиком дипломатической. Он получил письмо, в котором говорилось, что этим вечером его собираются убить, там называлось точное место и время предполагаемого преступления. Поэтому он решил, что будет лучше остаться дома. Не сомневаясь в том, что такое преступление действительно планировалось, я предложил сэру Луи защиту нашего посольства. Я дал ему ключ от задних ворот сада. Совместно с лордом Уэлсли, одним из секретарей, потомком герцога Веллингтона, мы все подготовили для бегства сэра Луи в наш штаб в случае, если это станет необходимым. Наши посольства были расположены так, что в случае атаки он мог незамеченным пройти от задних ворот своего посольства к нашим.

— Эти люди будто бы снова оказались в Средних веках; — сказал сэр Луи, — когда очень часто послов бросали в темницы.

Полагаю, сэр Луи ожидал, что современные турки именно так с ним и поступят. Я тут же отправился к великому визирю, проинформировал его о ситуации и настаивал, что только визит Талаата к сэру Луи, гарантирующий последнему безопасность, сумеет устранить последствия уже нанесенного вреда. Я вполне мог потребовать этого, поскольку мы уже договаривались действовать в британских интересах, если начнется война. В течение двух следующих часов Талаат нанес требуемый визит. Несмотря на то что одна из турецких газет очень грубо нападала на сэра Луи, среди турок он был очень популярен. Поэтому великий визирь выразил удивление и сожаление, причем абсолютно искренне, что подобные угрозы имели место.

Глава 11

ГЕРМАНИЯ ЗАСТАВЛЯЕТ ТУРЦИЮ ВСТУПИТЬ В ВОЙНУ

Но мы все здорово нервничали, потому что знали: Германия работает над тем, чтобы найти *casus belli*¹. Сушон очень часто отправлял «Гебен» и «Бреслау» на маневры в Черное море, надеясь, что российский флот пойдет в атаку. Было несколько ситуаций, которые могли окончиться войной. На Персидском и Кавказском фронтах происходили постоянные столкновения между российскими и турецкими войсками. 29 октября бедуины перешли египетскую границу и вступили в бой с британскими солдатами. В тот самый день у меня была долгая беседа с Талаатом. Я пришел от имени британского посла, чтобы рассказать ему о бедуинах, вторгшихся в Египет.

¹ Юридический термин времен римского права; формальный повод для объявления войны. Буквально — случай для войны (*лат.*).

«Полагаю, — писал мне сэр Луи, — что это означает войну; вы можете передать эти новости Талаату и рассказать ему о возможных результатах этого сумасшествия».

По этому поводу у сэра Луи уже возникали проблемы с турками. Когда он выразил перед великим визирем протест против приближения турецких войск к египетской границе, турецкий государственный деятель ответил, что Турция не признает такой вещи, как египетская граница. Под этим он подразумевал конечно же, что Египет сам по себе был турецкой территорией и что английская оккупация была лишь временной узурпацией. Когда я довел до Талаата сведения о ситуации в Египте, он сказал, что никакие оттоманские бедуины не входили в Египет. Турки строили колодцы на Синайском полуострове на случай, если начнется война с Англией; Англия уничтожала эти колодцы, а бедуины, по словам Талаата, вмешались, чтобы предотвратить разрушение.

Во время этой встречи Талаат откровенно сообщил мне, что Турция решила примкнуть к немцам и вместе с ними победить или же уйти на дно. Он снова напомнил мне о причинах таких действий и добавил, что, если Германия победит — а он был уверен, что так оно и случится, — кайзер отомстит Турции, если она откажется помочь Германии добиться победы. Талаат честно признался, что именно страх привел Турцию к союзу с Германией. А как я уже говорил, страх был как раз тем мотивом, который руководил турецкими действиями. Он очень спокойно проанализировал всю ситуацию. Он сказал, что народы не могут позволить себе такие эмоции, как благодарность, ненависть или привязанность, единственным руководством к действию должен стать хладнокровный расчет.

— Сейчас, — продолжал Талаат, — в наших интересах быть вместе с Германией. Если через месяц в наших интересах будет присоединиться к Франции и Англии, мы сделаем это. Россия — наш самый страшный враг, — заявил он, — и мы боимся ее. Если сейчас, когда Германия атакует Россию, мы сможем нанести такой удар, после чего в течение некоторого времени Россия не будет в состоянии навредить нам,

то долгом Турции будет сделать это! — И затем, повернувшись ко мне с немного грустной, немного дерзкой улыбкой, он подвел итог всему разговору. — Ich mit die Deutschen¹, — сказал он на ломаном немецком.

Однако по причине того, что кабинет никак не мог прийти к единому мнению, немцам пришлось подтолкнуть Турцию к обрыву. На следующий вечер после моего разговора с Талаатом из России пришли печальные новости. Три турецких торпедоносца подошли к порту Одесса и потопили российскую канонерскую лодку «Донец», в результате чего погибла часть экипажа, кроме того, было повреждено два российских дредноута. Кроме того, они потопили французский корабль «Португалия» — погибли два члена экипажа, остальные получили ранения. Затем они направили орудия на город и уничтожили сахарную фабрику, здесь также были жертвы. Этими турецкими кораблями командовали немецкие офицеры. На их борту практически не было турок, так как турецкие экипажи получили выходной в связи с мусульманским религиозным праздником Байрам. Нападение было неожиданным, немцы сознательно совершили налет на город с целью спровоцировать войну. Как мне сообщил мой друг, немецкие офицеры на судне «Генерал» постоянно грозили совершить нечто подобное, если этого не сделает Турция. Что ж, они сдержали слово. Когда новости об этом дошли до Константинополя, Джемаль играл в карты в Серкль д'Ориент. Джемаль был министром военно-морского флота, и все военные действия Турции должны были совершаться по его приказу. Когда кто-то сообщил ему новости, Джемаль очень разволновался.

— Я ничего об этом не знаю! — воскликнул он. — Это было совершенно не по моим приказам.

Вечером 29-го у меня состоялась еще одна беседа с Талаатом. Он сказал мне, что ничего не знал об этой атаке и что вся ответственность лежит на плечах немецкого адмирала Сушона.

¹ Я с немцами (нем.).

Я не знаю, правду ли говорили Джемаль и Талаат о своем блаженном неведении, однако считаю, что они должны были ожидать подобного акта насилия. Тем не менее не возникает сомнений в том, что великий визирь Саид Халим был искренне огорчен. Когда М. Бомпар и сэр Луи Маллет пришли к нему и потребовали свои паспорта, великий визирь расплакался. Он умолял их подождать некоторое время, уверял в том, что дело еще можно уладить. Великий визирь был единственным членом кабинета, которого Энвер и Талаат хотели успокоить. Как я уже говорил, его присутствие в кабинете давало последнему определенный вес в обществе ввиду того, что он был представителем монаршего дома Египта и чрезвычайно богатым аристократом. Возможно, именно это и объясняет полученное мной сообщение. Талаат просил меня нанести визит российскому послу и спросить, что могла бы сделать Турция, чтобы удовлетворить царя. Маловероятно, что Талаат искренне хотел уладить это дело. Цель его заключалась лишь в том, чтобы показать великому визирю, что он старался пойти навстречу его желаниям и таким образом удержать его в кабинете. Я навестил М. Гирса и обнаружил его в более чем воинственном расположении духа. Он сказал, что Турция могла изменить ситуацию путем увольнения всех немецких офицеров из турецкой армии и флота. Он получил инструкции покинуть страну и намеревался это сделать. Однако он будет ждать ответа в Болгарии и вернется, если турки примут эти условия.

— Россия в свою очередь гарантирует, что турецкий флот больше не выйдет в Черное море, — решительно сказал М. Гирс.

Талаат навестил меня вечером и сообщил, что он только что ужинал с Вангенхаймом. Он сказал, что кабинет рассматривает ответ России и что великий визирь хотел бы получить условия, выдвинутые М. Гирсом, в письменном виде; не попытаюсь ли я их получить? Уже к тому времени российскими делами занялся итальянский посол Гаррони, и я сказал, что подобные переговоры должны вестись через него.

— Почему бы вам не снять маску курьера великого визиера и не поговорить со мной как Талаат? — спросил я в конце концов.

Он рассмеялся и сказал:

— Что ж, Вангенхайм, Энвер и я хотели бы, чтобы война началась.

Бустани, Оскан, Махмуд и Джавид тут же выполнили свои угрозы и покинули кабинет, таким образом оставив правительство в руках турок-мусульман. Великий визирь, несмотря на то что грозился уйти в отставку, столь сильно наслаждался прелестями своей должности, что, когда пришло время принять окончательное решение, не смог отказаться от них. Таким образом, результатом вступления Турции в войну, в том, что касалось внутренней политики, стало то, что страна оказалась полностью в руках комитета партии «Единение и прогресс», который контролировал практически все департаменты правительства. То есть идеалистическая организация, которая создавалась, чтобы познакомить Турцию со всеми преимуществами демократии, в конце концов стала инструментом в руках прусской автократии.

Еще одно произвело на меня впечатление в те волнующие дни. Вечером 30-го я заглянул в британское посольство. Английские резиденты очень часто обращались в мое посольство за защитой. Все боялись плохого обращения и даже убийств иностранцев. Среди всего этого напряжения я нашел одного невозмутимого человека. Сэр Луи сидел перед большим камином в хранилище. Вокруг него были сложены кипы документов. Секретари и клерки постоянно входили, приносили множество других бумаг и клали их в огромном количестве около посла. Сэр Луи брал один документ за другим, просматривал их и практически все без исключения бросал в огонь. В этих бумагах были записи послов, сделанные в течение почти ста последних лет. В них содержалось описание деяний выдающихся послов, в частности истории о дипломатических триумфах в Турции Стратфорда де Редклиффа, Великого Эчи, как его называли в Турции, в течение почти пятидесяти лет, с 1810 по 1858 год практически правившего Турецкой

империей так, как это было удобно Англии. Сейчас же записи других британских послов в Османской Порте¹ сэр Луи Маллет отправлял в огонь. Долгая история британского господства в Турции подошла к концу. Двадцатилетняя кампания кайзера, стремившегося покончить с влиянием Англии и стать ее преемником, в конце концов успешно завершилась, а пламя в камине перед сэром Луи было погребальным костром прекратившей свое существование власти Англии в Турции. Глядя на этого благородного и сейчас немного грустного дипломата, находящегося в великолепном британском посольстве, я, естественно, думал о том, как когда-то султаны в страхе кланялись и благоговели перед величием Англии. Это происходило в те дни, когда Пруссия и Германия были всего лишь названиями стран. И все же британский посол, как всегда, когда речь шла о британских дипломатах и военных лицах, был спокоен и хладнокровен. Мы сидели перед камином и обсуждали детали отъезда. Он дал мне список тех англичан, которые должны были уехать, и тех, кто должен был остаться. И я окончательно договорился с сэром Луи о том, что теперь буду отстаивать британские интересы. Несмотря на крушение британского влияния в Турции, честь Великобритании и ее посла не пострадали. Сэр Луи не подкупал официальных лиц, как Вангенхайм. Он не давал взятки газетчикам, не пренебрегал международными законами, не относился дружелюбно к банде политических головорезов и не вел беспрерывную кампанию, состоящую из лжи и искаженных фактов, против своих врагов. Для ведения этой дипломатической игры, завершившейся поражением Англии, у английских дипломатов было недостаточно мастерства. Тут требовались такие таланты, которыми обладал только Вангенхайм, — было необходимо обладать немецким умением управлять государством, то есть, в соответствии с высказыванием Бисмарка, нужно было быть готовым пожертвовать ради отчизны «не только жизнью, но и честью».

¹ Блистательная, Высокая, Османская Порта — варианты названий империи, а также турецкое правительство до 1923 г.

Глава 12

ТУРКИ ПЫТАЮТСЯ ОБРАЩАТЬСЯ
С ИНОСТРАННЫМИ ВРАГАМИ ПРИЛИЧНО,
НО НЕМЦЫ НАСТАИВАЮТ НА ГОНЕНИЯХ

Вскоре после бомбардировки Одессы у меня состоялась беседа с Энвером с глазу на глаз. Мы обсуждали самый главный вопрос для всех иностранцев в Турции. Как правительство будет обращаться с иностранными резидентами? Интернируют ли их, будут ли основаны концентрационные лагеря, станут ли их преследовать с немецкой злобой и будет ли применен к ним любимый турецкий способ обращения с христианами — пытки и убийства? Тысячи представителей враждебных Оттоманской империи стран жили тогда в ней, многие из них провели там всю свою жизнь, а некоторые даже родились на оттоманской земле. После вступления Турции в войну у всех этих людей были причины ожидать плохого обращения с собой. Не будет преувеличением сказать, что многие из них жили в постоянном страхе, что их убьют. Дарданеллы были закрыты, так что помощи ждать было практически неоткуда. Режим капитуляций, под защитой которого они жили в течение многих лет, был отменен. Между иностранными резидентами и полным истреблением не было ничего, кроме американского флага. Военное положение сделало меня, американского посла, защитником британского, французского, сербского и бельгийского народа. С самого начала я понимал, что стоящая передо мной задача очень сложна. С одной стороны, были немцы с их хорошо известными мыслями о репрессиях и жестокостях, а с другой — турки с их традиционной ненавистью к христианам и природным инстинктом плохо обращаться с теми, кто беспомощен и находится в их власти.

И все же у меня были весомые доводы, и я пришел к Энверу, чтобы привести их. Турция хотела хорошего отношения к себе Соединенных Штатов и надеялась, что после войны американские финансисты поддержат ее. В то время представители всех посольств считали, что Соединенные

Штаты будут выступать в роли миротворца. И если турецкое правительство желает, чтобы мы были его другом, сказал я, ему придется цивилизованно обращаться с иностранными гражданами.

— Вы надеетесь стать мировой державой, — сказал я. — Вы должны помнить, что цивилизованный мир будет внимательно за вами наблюдать. Ваше будущее положение будет зависеть от того, как вы поведете себя во время войны.

Правящие классы в Турции, включая Энвера, понимали, что внешний мир считает их людьми, не уважающими святость человеческой жизни, и турок возмущало подобное отношение. Я напомнил Энверу, что турки имеют отличную возможность опровергнуть эту критику.

— Мир может говорить, что вы — варвары, — говорил я, — покажите же ему своим отношением к гражданам иностранных держав, что вы ими не являетесь. Только таким образом вы можете освободиться от бесчестия режима капитуляций. Докажите, что вы достойны освободиться от иностранной опеки. Будьте цивилизованными — будьте современными!

Ввиду происходившего в тот момент в Бельгии и Северной Франции, использование слова «современный» было не слишком удачно. Энвер быстро уловил суть. До этого момента он вел себя, как всегда, твердо, достойно и сдержанно. А его лицо было внимательным, непроницаемым, и по нему ничего нельзя было прочесть. Теперь же выражение его лица изменилось. На нем появилась циничная улыбка. Энвер наклонился вперед, стукнул кулаком по столу и сказал:

— «Современными»! Нет, как бы мы ни вели войну, мы не будем «современными». Это самое большое варварство из всех. Мы просто постараемся прилично себя вести!

Естественно, я посчитал это обещанием. Однако я слишком хорошо знал переменчивость турецкого характера, чтобы понимать, что нужно нечто большее, чем просто обещание. Немцы постоянно подстрекали турецких официальных лиц, пытаясь убедить их перенять полубившийся немцам способ обращения с врагами. В их методах ведения войны было много от Античности и Средневековья. Одной из са-

мых варварских практик было удерживать некоторых представителей населения, желательно людей влиятельных и уважаемых, в качестве заложников для обеспечения хорошего поведения остальных. В этот самый момент немецкий военный штаб убеждал Турцию удерживать иностранцев как раз для этой цели. Немцы держали нестроевых солдат в качестве гарантии «дружелюбия» бельгийцев, а бельгийских женщин и детей ставили во главе продвигающихся вперед армий. Теперь же немцы планировали в Турции использовать французских и британских жителей в качестве защиты против флота союзников. Я абсолютно точно знаю, что эти зловещие замыслы не отменялись ни на час. Поэтому следовало немедленно ответить на них и, если возможно, взять верх с самого начала. Я решил, что отъезд дипломатов и граждан стран Антанты из Константинополя окажется хорошей проверкой моей способности защитить иностранных граждан. Если все французы и англичане, которые хотят покинуть Турцию, спокойно уедут, то это окажет сдерживающее влияние не только на немцев, но и на рядовых представителей турецкого чиновничьего мира.

Прибыв на станцию на следующий день после объявления войны, я понял, что задача моя будет более чем сложной. Я договорился с турецкими властями о двух поездах: один — для английских и французских граждан — должен был уехать в семь, второй — для дипломатов и их людей — в девять. Но все шло не по графику. Станция представляла собой сплошную массу возбужденных и напуганных людей. Полиция работала в полную силу, отталкивая людей назад. Это была неопишуемая масса солдат, жандармов, дипломатов, багажа и турецких чиновников.

Одной из самых видных фигур там был Бедри-бей, префект полиции, юрист, недавно избранный на свою должность и прекрасно понимавший важность своего нового положения. Бедри был близким другом и подчиненным Талаата и одним из самых ценных его кадров. Он высоко ценился в комитете партии «Единение и прогресс» и в конечном счете стремился занять должность в кабинете. Его движущим

мотивом, вероятно, была ненависть к иностранцам и их влиянию. В его глазах Турция была исключительно страной турок, и он презирал все остальные категории населения. Особенно его возмущал многолетний контроль иностранных посольств над внутренними делами его страны. И действительно, было немного людей в Турции, для кого ликвидация режима капитуляций была столь серьезным делом. Естественно, в следующие несколько месяцев я часто видел Бедри, он постоянно попадался мне на пути, испытывая какое-то злобное удовольствие, вмешиваясь в любое дело, которое я предпринимал в интересах иностранцев. Его отношение было частично провоцирующим, частично шутивным, мы всегда старались перехитрить друг друга: я — пытаюсь защитить французов и англичан, Бедри — неизменно оказываясь преградой на моем пути. Постепенно борьба за иностранцев превратилась в личную борьбу между префектурой полиции и американским посольством. Бедри был способным, хорошо образованным, подвижным и, в общем, не особенно и вредным, но он любил играть с беззащитными иностранцами. Естественно, все, что происходило тем вечером, ему чрезвычайно нравилось.

— Из-за чего весь шум? — спросил я Бедри.

— Мы передумали, — сказал он, и при этом выражение его лица свидетельствовало о том, что перемена не является для него неприятной. — Мы позволим поездам уйти, то есть взять послов и их персонал. Но мы решили не позволить уехать неофициальным лицам — поезду, который должен был увезти их, никуда не пойдут.

Мои люди и я напряженно работали, чтобы обеспечить безопасный отъезд представителям враждебных держав. Теперь, вероятно, кое-то влияние свело наши усилия на нет. Это неожиданное изменение планов внесло сумятицу и ужас. На станции было две группы пассажиров, одна из которых могла уехать, а другая должна была остаться. Английские и французские послы не хотели оставлять своих граждан, а последние отказывались поверить в то, что их поезд, который был официально обещан турецкими властями, не

уедет этим же вечером. Я немедленно связался с Энвером, который подтвердил заявление Бедри. В Египте много турок, сказал он, положение которых вызывает серьезное беспокойство. Прежде чем французские и английские подданные смогут покинуть Турцию, должны быть даны гарантии, что права турецких субъектов в этих странах будут защищены. У меня не было трудностей с урегулированием этого вопроса, поскольку сэр Луи Маллет немедленно дал необходимые заверения. Но Бедри все еще отказывался позволить поезду уехать. Он говорил, что задерживающий его приказ теперь нельзя отменить, поскольку это внесет хаос в общее расписание и может вызвать несчастные случаи. Все это я объяснил себе как обычную турецкую уклончивость и теперь знал, что приказ поступил из более высоких, чем Бедри, инстанций. Но в тот момент больше ничего нельзя было сделать. Более того, Бедри не разрешил никому сесть в дипломатический поезд, пока я лично не подтвердил его личность. Итак, мне пришлось стоять у маленьких ворот и подтверждать личность каждого проходящего. Каждый, принадлежал он к дипломатическому корпусу или нет, пытался прорваться через этот узкий проход, и все это вызывало ассоциации со старым Бруклинским мостом. Люди металась во всех направлениях, покупали билеты, спорили с местными официальными лицами, успокаивали расстроенных женщин и перепуганных детей. И в это же самое время Бедри спокойно и собранно наблюдал за этим пандемониумом с неприязненной улыбкой. Шляпы слетали с голов, рвалась одежда, и, в дополнение ко всей неразберихе, британский посол Маллет ввязался в шумную ссору с официальным турком. Англичанин легко победил. Я заметил, что французский посол Бомпар яростно трясет турецкого полицейского. Одна леди сунула мне в руки ребенка, потом другая всучила маленького мальчика, а еще позже, когда я стоял у ворот, идентифицируя уезжающих турецких гостей, один из британских секретарей поручил моим заботам собаку. А тем временем сэр Луи Маллет окончательно впал в буйство и отказался уезжать.

— Я останусь здесь, — заявил он, — пока последний британский подданный не покинет Турцию.

Я ответил ему, что он больше не является защитником англичан, что я, американский посол, взял на себя эту ответственность и что я вряд ли смогу утвердиться в этом качестве, если он останется в Константинополе.

— Конечно, — повторил я, — турки ни за что не признают меня ответственным за интересы англичан, если вы останетесь здесь.

Более того, я предложил, чтобы он остановился в Дедеагаче¹ и подождал там прибытия своих соотечественников. Сэр Луи неохотно принял мою точку зрения и сел в поезд. Когда поезд выезжал со станции, я бросил последний взгляд на британского посла, сидевшего в личном вагоне, почти заваленного всевозможными тюками, чемоданами, саквояжами и коробками в окружении своих ближайших помощников. На них с явной симпатией взирала собака секретаря.

Неофициальные лица — иностранцы оставались на станции еще несколько часов, надеясь, что в последний момент им все-таки позволят уехать. Бедри, однако, был тверд как камень. Их положение было воистину отчаянным. Они уже отказались от своих квартир в Константинополе, и теперь им некуда было идти. Одних приютили на ночь друзья, другие нашли пристанище в гостиницах, но их положение не могло не вызывать беспокойства. Представлялось очевидным, что Турция, несмотря на все свои официальные обещания, решила держать этих иностранцев в качестве заложников. С одной стороны, были Энвер и Талаат, заверявшие меня, что намерены вести войну гуманно, с другой — были мелкие чиновники, такие как Бедри, поведение которых сводило на нет все попытки вести дело цивилизованно. Факт заключался в том, что официальные лица переругались между собой касательно отношения к иностранцам, и немецкий Генеральный штаб не уставал твердить кабинету, что он совершает большую ошибку, проявляя снисходительность к гражданам враждебных

¹ Дедеагач — ныне Александруполис.

государств. В конце концов мне удалось договориться о том, что они уедут на следующий день. Бедри, пребывавший в лучшем настроении, провел этот вечер в посольстве, визируя паспорта. Мы оба вечером поехали на станцию и отправили поезд в Дедеагач. Я дал по коробке сладостей «Турецкие чудеса» каждой из пятидесяти женщин и детей в поезде. Все были довольны и не скрывали своего облегчения оттого, что уезжают из Турции. В Дедеагаче они встретились с представителями дипломатического корпуса, и имевшее место воссоединение, как я позже узнал, было удивительно трогательным. Я был очень рад, получив множество свидетельств благодарности этих людей. В особенности мне понравилось одно письмо, содержавшее более сотни подписей, выражавшее глубочайшую признательность миссис Моргентау, персоналу посольства и лично мне.

Оставалось еще много людей, желавших уехать, и на следующий день я от их имени явился к Талаату. Кабинет, сказал он, внимательно рассмотрел вопрос об английских и французских гражданах, живущих в Турции, добавив, что мои доводы произвели большое впечатление. Кабинет принял официальное решение, что граждане враждебных государств могут уехать или остаться, как захотят. Не будет никаких концентрационных лагерей, гражданские лица могут заниматься своими обычными делами, и, пока они будут вести себя должным образом, им никто не будет досаждать. «Наша цель, — говорил Талаат, — путем хорошего обращения с иностранными гражданами показать, что мы не варвары».

Затем он попросил об ответной услуге: не прослежу ли я за тем, чтобы Турцию похвалили за это решение в американской и европейской прессе?

Вернувшись в посольство, я немедленно послал за Тероном Деймоном, корреспондентом Ассошиэйтед Пресс, доктором Ледерером, корреспондентом «Берлинер тагеблатт», и доктором Сэндлером, представителем парижской «Геральд». Я дал им интервью, в котором восхвалял отношение Турции к иностранным гражданам. Также я телеграфировал эту новость в Вашингтон, Лондон, Париж, а также всем нашим консулам.

Едва я закончил с корреспондентами, как до меня дошли тревожные новости. Я договорился о другом поезде, который должен был уйти тем же вечером. Теперь же я узнал, что турки отказываются визировать паспорта тех, кто должен был уехать. После столь искреннего обещания Талаата эти новости меня очень обеспокоили. Я немедленно отправился на железнодорожную станцию. То, что я увидел, еще больше увеличило мою злость на министра внутренних дел. Вокруг ходили обезумевшие люди; женщины плакали, дети кричали, а взвод турецких солдат под командованием низкорослого фата в ранге майора выталкивал людей со станции прикладами ружей. Бедри, как всегда, был там и, как всегда, наслаждался неразберихой. Некоторые пассажиры, сказал он, не оплатили подоходный налог, и по этой причине им не разрешено уезжать. Я ответил, что буду лично отвечать за эти выплаты.

— Я ничего не могу возразить, — со смехом произнес Бедри.

Мы были в полной уверенности, что мое предложение уладило проблему и что поезд уедет вовремя. Но внезапно был отдан приказ, который вновь задержал отбытие.

Поскольку я получил обещание лично от Талаата, то решил найти его и выяснить, в чем дело. Я сел в свой автомобиль и отправился в Оттоманскую Порту, где обычно располагался его штаб. Не найдя там никого, я сказал шоферу, чтобы тот ехал прямо домой к Талаату. Некоторое время назад я навещал Энвера дома. Теперь же у меня появилась возможность сравнить его образ жизни с образом жизни его более могущественного коллеги. Контраст был поразительный. Энвер жил в роскоши, в одном из самых богатых районов города, сейчас же я ехал в один из самых бедных районов. Мы приехали на узкую улочку, по сторонам которой стояли маленькие, грубые, неокрашенные домишки. Только одно отличало эту улицу от остальных в Константинополе — в одном из домов на ней жил один из самых могущественных людей Турции. В начале улицы стоял полицейский, пускавший только тех, кто мог серьезно обосновать свой визит.

Наш автомобиль, как и другие, был оставлен, но, когда мы объяснили, кто мы, тут же был пропущен. В отличие от дворца Энвера с его многочисленными комнатами и прекрасной мебелью дом Талаата был старым, шатким, деревянным трехэтажным зданием. Все это, как я позже узнал, было частью мероприятий, которые Талаат проводил ради своей карьеры. Как и многие американские политики, он нашел себя в роли человека из народа, надежного политика. Он знал, что внезапная демонстрация процветания ослабит его влияние в комитете «Единение и прогресс», большинство членов которого, как и он, поднялись из низших слоев общества. Обстановка в доме полностью соответствовала внешнему виду. Нельзя было даже подумать о восточном великолепии. Мебель была дешевой; на стенах висело несколько грубых картин; на полу лежало несколько потрепанных ковров. Около стены стоял деревянный стол, на котором находился телеграф — средство, при помощи которого Талаат когда-то зарабатывал себе на жизнь, а теперь способ связи с товарищами. В эти беспокойные времена в Турции Талаат иногда лично отправлял телеграфные сообщения!

В этой обстановке я несколько минут ждал большого босса Турции. В нужный момент открылась дверь по другую сторону комнаты, и появилась огромная, быстрая, ярко одетая фигура. Я был поражен тем контрастом, который был между этим Талаатом и тем, с которым я часто встречался в Османской Порте. Это больше не был Талаат в европейском одеянии, обладавший лоском европейских манер. Человек, представший передо мной сейчас, выглядел как настоящий болгарский цыган. На Талаате была традиционная турецкая феска, его огромное тело было облачено в большую серую пижаму. На его круглом лице сияла улыбка. Он был весел и в то же время насторожен. Талаат прекрасно понимал, что за неотложное дело заставило меня прийти к нему домой. Его поведение очень походило на поведение нераскаявшегося хулигана в школе. Он добродушно ухмылялся. Талаат вошел, сел и начал извиняться. Вновь тихо открылась дверь, и в комнату втокнули смущенную маленькую девочку

ку с подносом, на котором были сигареты и кофе. Потом я увидел молодую женщину, примерно двадцати пяти лет, которая стояла за спиной ребенка, побуждая его войти. Это были жена и удочеренная дочь Талаата. Я уже знал, что, поскольку турецкие женщины никогда не появляются в обществе и не хозяйничают во время приема гостей, они чрезвычайно любопытны по отношению к гостям своих мужей, и им нравилось тайно подсматривать за ними. Мадам Талаат, очевидно, не была удовлетворена этим осмотром, поскольку через несколько минут ее лицо появилось в окне, которое располагалось точно напротив меня. Муж ее видеть не мог ввиду того, что смотрел в противоположную сторону. Так она тихо стояла несколько минут, внимательно наблюдая. Она была дома, и поэтому лицо ее было открыто. Девушка была привлекательна и сообразительна, в то же время было вполне очевидно, что ей очень нравилось со столь близкого расстояния наблюдать за американским послом.

— Талаат, — сказал я, понимая, что пришло время для откровенного разговора, — разве вы не понимаете, как глупо себя ведете? Несколько часов назад вы сказали мне, что решили прилично обращаться с французами и англичанами, и попросили меня проследить за тем, чтобы американские газеты напечатали об этом. Я тут же пригласил к себе корреспондентов и рассказал им, как замечательно вы себя повели. И это по вашей собственной просьбе! Завтра об этом прочтает весь мир. Теперь же вы вовсе стараетесь свести на нет все мои усилия, которые были направлены в вашу же пользу. Теперь вы отказываетесь от своего обещания вести себя прилично. Вы собираетесь сдержать данные мне обещания? Давайте быть абсолютно честными друг с другом. Особенно мы, американцы, гордимся тем, что всегда держим слово. Всегда, независимо от того, идет ли речь об отдельном человеке или о целой нации. Мы отказываемся считать равными себе тех, кто ведет себя иначе. Также вы должны понимать, что мы не сможем иметь с вами никаких общих дел, если я не буду в состоянии полагаться на ваши обещания.

— Это не моя вина, — ответил Талаат. — Нужно винить немцев за то, что поезд был остановлен. Вернулся немецкий начальник штаба и выступил против, утверждая, что мы слишком хорошо обращаемся с англичанами и французами и не должны их отпускать. Он говорит, что мы должны держать их в качестве заложников. Именно его вмешательство остановило поезд.

Именно это я и подозревал. Талаат дал мне обещание, а Бронссарт, глава немецкого штаба, отменил его приказания. Признание Талаата дало мне возможность, о которой я мечтал. К тому времени мои отношения с Талаатом стали столь дружественными, что я мог говорить с ним абсолютно откровенно.

— Так что, Талаат, — сказал я, — вам нужен советчик в том, что касается ваших отношений с иностранцами. Вы должны принять решение, кто вам нужен: я или немецкий штаб? Не думаете ли вы, что совершите ошибку, если отдадите себя полностью во власть немцев? Возможно, наступит время, когда вам потребуюсь я, чтобы выступить против них.

— Что вы имеете в виду? — спросил он, глядя на меня с напряженным любопытством.

— Немцы непременно попросят вас совершить множество вещей, которые вы не захотите делать. Если вы сможете сказать им, что американский посол против, то моя поддержка может оказаться для вас полезной. Кроме того, вы знаете, что все ждут мира через пару месяцев. Вы также знаете, что немцам наплевать на Турцию. И конечно же вы не можете рассчитывать на помощь союзников. Есть лишь одна нация в мире, в которой вы сможете найти незаинтересованного друга, и это Соединенные Штаты.

Этот факт был столь очевидным, что мне даже практически не нужно было его аргументировать. Однако у меня был и другой аргумент, который мог оказать гораздо большее влияние на принятие решения. Уже началась борьба между военным департаментом и гражданскими властями. Я знал, что Талаат, который, хотя и был министром внутренних дел, все же оставался гражданским лицом, а поэтому не собирал-

ся жертвовать хотя бы каплей своей власти в пользу Энвера, немцев или других воинственно настроенных людей.

— Если вы позволите немцам победить сегодня, — сказал я, — то окажетесь практически в их полной власти. Сейчас вы возглавляете внутренние дела, однако вы также и гражданское лицо. Позволите ли вы военным, во главе с Энвером и немецким штабом, отклонять ваши приказы? Вполне очевидно, что именно это и происходит сейчас. Если вы подчинитесь им, то вскоре обнаружите, что они станут поступать по-своему. Немцы установят в стране военные законы, что же тогда будет с вами, гражданскими лицами?

Я видел, что мой аргумент подействовал на Талаата. В течение нескольких секунд он молчал, очевидно обдумывая мои замечания. Затем медленно произнес:

— Я помогу вам.

Он повернулся к столу и взялся за телеграф. Я никогда не забуду этой картины: огромный Талаат, сидящий в серой пиджаме и красной феске, усердно работающий телеграфным ключом; его молодая жена, наблюдающая за ним из окна, и лучи заходящего солнца, освещающие комнату. Очевидно, у правителя Турции были какие-то неприятности, поскольку это чувствовалось: Талаат стучал ключом со все возрастающим раздражением. Он сказал мне, что напыщенный майор на станции настаивал на том, чтобы ему предоставили письменный приказ Энвера — поскольку приказы по радио можно легко подделать. Талаату потребовалось некоторое время, чтобы найти Энвера, после чего вновь начался диспут. Новости, полученные в тот момент Талаатом, чуть не разрушили мои надежды на благоприятный исход этого дела. Телеграфный аппарат работал, а лицо Талаата перестало выражать добродушие, стало злым и непроницаемым. Он повернулся ко мне и сказал:

— Англичане бомбили Дарданеллы и убили двух турок! — после чего добавил: — Мы намерены за каждого убитого мусульманина убивать трех христиан!

На секунду я подумал, что все потеряно. На лице Талаата отразилось лишь одно чувство — ненависть к англичанам и

всему английскому. Впоследствии, читая доклад Кромера о происшедшем в Дарданеллах, я узнал, что британский комитет посчитал эту атаку ошибочной, поскольку она выдала их планы. Я полагаю, что это было ошибкой по другой причине: эти два бессмысленных выстрела практически полностью уничтожили мои планы по вывозу иностранных жителей из Турции. Талаат был в бешенстве, и мне пришлось вновь привести большую часть своих аргументов, в результате чего удалось вновь его успокоить. Я видел, что он колеблется между желанием наказать Англию и утвердить свою власть над Энвером и немцами. К счастью, последний мотив победил. При всем риске он был решительно настроен показать, что он — босс.

Я провел там более двух часов. Мой невольный хозяин постоянно отрывался от телеграфного аппарата, чтобы рассказать мне последние политические сплетни. Он сказал, что Джавид, министр финансов, ушел в отставку, однако обещал работать на них дома. Великий визирь, несмотря на все свои угрозы, решил остаться на своем посту. Иностранцам, находящимся внутри страны, никто не будет досаждать, если только Бейрут, Александретта или еще какой-нибудь незащищенный порт не подвергнется атаке. Однако, если подобное произойдет, они примут репрессалии в отношении английских и французских граждан. Беседа с Талаатом показала, что министр внутренних дел особенно не любит немцев. По его словам, они были властными и высокомерными, постоянно вмешивались в военные дела и с пренебрежением относились к туркам.

В конце концов нам удалось договориться о поезде. За время беседы настроение Талаата несколько раз менялось: он был то мрачен, то добродушен, то зол, то любезен. Лишь одну черту турецкого характера европейцы не понимают — чувство юмора. Сам Талаат очень любил шутки и смешные истории. И теперь, восстановив дружественные отношения и выполнив свое обещание, Талаат вновь принялся шутить.

— Теперь ваши люди могут ехать, — со смехом сказал он. — Время покушать конфеты, господин посол!

Последнее, естественно, было намеком на маленькие подарки, прошлой ночью сделанные мной женщинам и детям. Мы немедленно вернулись на станцию, где обнаружили грустных пассажиров, ждавших хоть каких-нибудь известий. Когда я сообщил им, что поезд уедет этим же вечером, их благодарности не было предела.

Глава 13

ЗАХВАТ НОТР-ДАМ-ДЕ-СИОН

Утверждение Талаата, что начальник немецкого штаба Бронссарт задержал поезд, было очень ценной информацией. Я решил глубже разобраться в этом и на следующий день навестил Вангенхайма. Турецкие власти, сказал я, торжественно пообещали, что будут достойно обращаться со своими врагами. И вполне понятно, что я не мог спокойно терпеть вмешательство в это дело со стороны немецкого штаба. Вангенхайм вновь повторил, что немцы считают президента Вильсона миротворцем. Поэтому я привел ему тот аргумент, с помощью которого мне удалось убедить Талаата. События такого рода не помогут его стране, когда настанет Судный день! Сейчас, продолжил я, имеет место быть более чем странная ситуация: когда, с одной стороны, так называемая варварская страна, то есть Турция, пытается цивилизованно вести войну и обращаться со своими врагами-христианами прилично, а с другой стороны, предположительно культурная и христианская страна, как Германия, пытается убедить турок вернуться к варварству.

— Как вы думаете, какое впечатление это произведет на американский народ? — спросил я Вангенхайма.

Вангенхайм выразил желание помочь и предложил мне попытаться убедить Соединенные Штаты вести с Германией свободную торговлю, чтобы его страна могла получить грузы меди, пшеницы и хлопка. Вангенхайм, как я уже говорил, часто возвращался к этому вопросу.

Несмотря на обещание Вангенхайма, немецкое правительство не оказывало мне практически никакой поддержки в моих попытках защитить иностранных граждан от дурного обращения турок. Я понимал, что из-за моего вероисповедания некоторые люди могли подумать, что я не прилагаю все возможные усилия ради защиты христиан и религиозных организаций — госпиталей, школ, мужских и женских монастырей. Также я думал о том, что, получив поддержку самых могущественных христианских коллег, это усилит мое влияние в Турции. Я долго беседовал по этому вопросу с Паллавичини, который был католиком и являлся также представителем большой католической державы. Паллавичини откровенно сообщил мне, что Вангенхайм не сделает ничего, что могло бы вывести турок из себя. Существовала возможность, что английский и французский флоты войдут в Дарданеллы, захватят Константинополь и передадут его России, и только турецкие силы, по словам Паллавичини, могут предотвратить эту катастрофу. Поэтому немцы считают, что зависят от благосклонности турецкого правительства, и ничего не сделают, что могло взволновать его. Очевидно, Паллавичини хотел, чтобы я поверил, что Вангенхайм и он жаждут помочь мне. И все же едва ли это заявление было искренним, поскольку я всегда знал, что, вмешайся Германия, Турция вела бы себя прилично. Я понимал, что злом было не турецкое правительство, а фон Бронсарт, начальник немецкого штаба. Тот факт, что некоторые члены турецкого кабинета, представлявшие европейскую и христианскую культуру — люди вроде Бустани и Оскана, — ушли в отставку, протестуя против вступления Турции в войну, делал ситуацию с иностранцами еще более опасной. Также существовал конфликт власти; политика, проводимая в один день, отменялась на следующий, результатом было то, что мы никогда не знали, каково положение вещей. Обещание правительства о том, что с иностранцами никто не будет обращаться плохо, никоим образом не улаживало вопроса, поскольку какой-нибудь мелкий чиновник вроде Бедри-бея мог найти причину для нарушения инструкций.

Поэтому ситуация требовала постоянной настороженности. Мне нужно было не только поручительство таких людей, как Талаат и Энвер, но нужно было лично следить за тем, чтобы эти поручительства были осуществлены.

Однажды в ноябре я проснулся в четыре утра. Мне снился сон, или, возможно, у меня было предчувствие, что не все в порядке с «Сестрами Сиона», французской общиной, которая в течение многих лет содержала школы для девочек в Константинополе. Жена французского посла мадам Бомпар и еще несколько дам из французской колонии постоянно требовали, чтобы мы уделяли внимание этому учреждению. Это была превосходно организованная школа. Ее посещали дочери многих лучших семей всех национальностей, и, когда эти девочки собирались, причем христианки носили серебряные кресты, а нехристианки — серебряные звезды, зрелище было очень красивым и впечатляющим. Естественно, сама мысль о том, что грубые турки могут ворваться в эту идиллию, могла вызвать ярость любого нормального человека. И хотя мы не знали ничего определенного, просто было какое-то неприятное чувство, что что-то идет не так. Миссис Моргентау и я решили отправиться туда немедленно после завтрака. Подойдя к зданию, мы не заметили ничего особенно подозрительного. Все выглядело спокойным, а атмосфера — мирной и святой. Однако, когда мы поднялись по ступенькам, за нами последовало пять турецких полицейских. Они втиснулись следом за нами в вестибюль, к большому неудовольствию сестер, оказавшихся в комнате ожидания. Сам факт, что американский посол пришел с полицией, многократно усилил их тревогу, хотя наше прибытие вместе было чисто случайным.

— Что вы хотите? — спросил я, оборачиваясь к мужчинам.

Поскольку они говорили только по-турецки, естественно, меня не поняли и принялись оттапливать в сторону. Мои знания турецкого языка были крайне ограниченными, но я знал, что слово «элчи» означает «посол». Так что, указав на себя, я сказал:

— Американский элчи.

Мой весьма своеобразный турецкий оказал воистину волшебное действие. В Турции посол — это очень уважаемый человек, и полицейские моментально признали мой авторитет. Тем временем сестры послали за своей патронессой — матерью Эльвирой. Эта дама была одной из самых выдающихся и влиятельных личностей в Константинополе. В то утро, когда она вошла и предстала перед турецкими полицейскими, не выказывая и намека на страх и в то же время внушая благоговейный страх своим спокойствием и достоинством, она показала мне почти что сверхъестественным существом. Мать Эльвира была дочерью одной из древних аристократических семей Франции. Это была женщина примерно сорока лет, с черными волосами и блестящими черными глазами, которые еще больше выделялись на бледном лице, излучавшем сильный характер и ум. В то утро, глядя на нее, я не мог не думать, что нет в мире такого дипломатического круга, куда она не внесла бы изящества и достоинства. В течение нескольких секунд мать Эльвира овладела ситуацией. Она послала за сестрой, которая знала турецкий язык, и выяснила у полицейских, что им надо. Они объяснили, что действуют по приказу Бедри. Все иностранные школы должны быть закрыты, и правительство намеревалось отобрать принадлежавшие им здания. В этом монастыре было 72 учительницы и сестры, у полиции был приказ закрыть их в двух комнатах, где они должны были содержаться практически как заложники. Более двух сотен девочек, которые обучались в этой школе, следовало выкинуть на улицу и предоставить самим себе. Тот факт, что шел сильный дождь и на улице было холодно, лишь подчеркивал варварство этих действий. Причем все вражеские школы и религиозные институты в Константинополе подверглись в это время одной и той же процедуре. Понятно, что с этой ситуацией я не мог справиться в одиночку, потому я немедленно позвонил моему говорящему по-турецки юридическому советнику. И здесь можно упомянуть о другом случае, который покажется весьма характерным для всех, кто верит во вмешательство Провидения. Когда я прибыл в Константинополь, здесь еще не было телефонной связи, но в последние несколь-

ко месяцев английская компания смонтировала систему. Накануне моего приключения с «Сестрами Сиона» мой советник позвонил мне и гордо доложил, что ему установили телефон. Я записал его номер и теперь нашел эту запись в кармане. Без переводчика мне было бы очень трудно, а без номера телефона я не мог срочно вызвать его на место.

Ожидая его прибытия, я препятствовал выполнению полицейскими их обязанностей, а моя жена, которая, к счастью, говорит по-французски, расспрашивала сестер. Миссис Моргентау хорошо знала турок, чтобы понимать, что в их планы входит не только изгнание сестер и их подопечных из школы. Турки считали подобные учебные заведения настоящими сокровищницами. Общественность сильно преувеличивала количество ценностей, хранимых там. И поэтому вполне можно было предполагать, что это изгнание было, среди прочего, умышленной экспедицией-налетом с целью поиска вещественных доказательств благосостояния.

— У вас здесь есть деньги или еще какие-нибудь ценности? — спросила миссис Моргентау одну из сестер.

Да, и довольно большое количество, однако все это находится в полной безопасности в верхней части здания. Жена попросила меня отвлек чем-нибудь полицейских, после чего тихо исчезла вместе с одной из сестер. Наверху сестра показала около сотни квадратных кусочков белой фланели, в каждом из которых было зашито двадцать золотых монет. В общей сложности у «Сестер Сиона» было около пятидесяти тысяч франков. Некоторое время назад они опасались изгнания из страны и поэтому сложили все деньги вот таким вот образом, чтобы в случае необходимости увезти их с собой. Кроме того, у сестер было несколько пакетов с ценными бумагами и множество важных документов, таких как официальные бумаги на их школу. Очевидно, что здесь было то, что могло заинтересовать некоторых жадных турок. Миссис Моргентау понимала, что если полиция получит контроль над зданием, то вряд ли «Сестры Сиона» когда-нибудь увидят свои деньги. С помощью сестер моя жена спрятала на себе так много денег, как только могла, спустилась вниз по

лестнице и, пройдя мимо отряда полицейских, вышла под дождь. Потом миссис Моргентау призналась мне, что ее кровь холодела от ужаса, когда она проходила мимо этих защитников закона, однако внешне она выглядела абсолютно спокойной и собранной. Она села в поджидавшую машину, на которой доехала до американского посольства, положила деньги в наш сейф и быстро вернулась в школу. И снова миссис Моргентау торжественно поднялась по лестнице вместе с сестрами. Но в этот раз они отвели ее в галерею кафедрального собора, находившегося позади монастыря, в которую можно было попасть, пройдя через монастырь. Одна из сестер подняла одну из плиток пола, открылся еще один тайник с множеством золотых монет. Эти деньги также были спрятаны в одеждах миссис Моргентау, и снова она прошла мимо полицейских и вышла на улицу, где лил дождь. На машине она была доставлена в посольство. За два этих путешествия моя жена сумела вывезти деньги сестер туда, где они были защищены от турок.

Между двумя путешествиями миссис Моргентау приехал Бедри. Он сообщил мне, что Талаат лично отдал приказ закрыть все учебные учреждения и что они намеревались закончить всю эту работу до девяти часов. Я уже говорил, что у турок своеобразное чувство юмора, однако к этому нужно добавить, что иногда оно проявлялось в более чем извращенной форме. Очевидно, сейчас Бедри думал, что запереть более семидесяти католических сестер в двух комнатах и выгнать две сотни юных и хорошо воспитанных девочек на улицы Константинополя было бы большой шуткой.

— Мы собирались устроить все это ранним утром и закончить со всем до того, как вы хоть что-нибудь об этом услышите, — со смехом сказал он. — Однако вы, кажется, никогда не спите.

— Вы очень глупы, раз пытаетесь играть с нами в подобные игры, — ответил я. — Разве вы не знаете, что я собираюсь написать книгу? Если вы будете вести себя так, то я изображу вас в ней злодеем.

Это замечание было сделано под влиянием момента. Именно тогда мне в первый раз пришло в голову, что все эти события могут оказаться интересными для общественности. Бедри принял всерьез мое заявление, и, кажется, оно вернуло его с небес на землю.

— Вы действительно собираетесь написать книгу? — с легкой тревогой спросил он.

— Почему бы и нет? — ответил я. — Генерал Лью Уоллес был здесь послом — разве он не написал книгу? Сансет Кокс¹ также был здесь министром — и также написал книгу. Почему бы мне не сделать того же? А вы столь важный человек, что я обязательно уделю вам в ней место. Почему вы продолжаете вести себя таким образом и провоцируете меня описать вас как плохого человека? Эти сестры всегда были вашими друзьями. Они не делали вам ничего, кроме добра. Они воспитали дочерей многих из вас, почему же вы обращаетесь с ними так унижительно?

Этот монолог произвел свое действие. Бедри согласился отложить выполнение приказа, пока мы не свяжемся с Талаатом. Через некоторое время я услышал смех Талаата на другом конце провода.

— Я пытался спрятаться от вас, — сказал он, — но вы снова нашли меня. Но зачем ссориться по этому вопросу? Разве сами французы не изгнали всех своих монахинь и монахов? Почему мы не можем поступить так же?

После моего протеста против некрасивого поведения Талаата приказал Бедри приостановить выполнение приказа, пока у нас не появится возможность обсудить его. Естественно, это успокоило мать Эльвиру и сестер. Как раз в тот момент, когда мы собирались уехать, Бедри внезапно пришла в голову новая идея. Была одна деталь, о которой он, очевидно, забыл.

— Сейчас оставим «Сестер Сиона» в покое, — сказал он, — но мы должны взять их деньги.

¹ Кокс Сэмюэл Салливан (1824—1889) — американский политический деятель и журналист, получивший прозвище Сансет Кокс за пристрастие к описаниям вечернего ландшафта.

Неохотно я уступил его предложению, прекрасно зная, что все ценности находятся в полной безопасности в американском посольстве. Таким образом, я получил удовольствие, наблюдая за Бедри и его товарищами, обшаривающими помещенье. Все, что им удалось найти, — это маленькую жестяную банку с несколькими медными монетами. Этот приз был столь мал, что турки посчитали ниже своего достоинства брать его. Они были озадачены и разочарованы, и до сего дня они не знают, что стало с деньгами. Если мои турецкие друзья окажут мне честь и прочтут эти страницы, то смогут познакомиться с одной из множества тайн тех волнующих дней.

Ввиду того, что несколько окон монастыря выходили во двор кафедрального собора, который был собственностью Ватикана, мы сошлись на том, что турецкое правительство не сможет его захватить. Те из сестер, которые придерживались нейтральных взглядов, могли остаться в той части здания, которая была обращена к землям Ватикана, в то время как оставшаяся часть здания была превращена в школу инженеров. Мы договорились о том, что у французских монахинь будет десять дней на то, чтобы покинуть страну. Все они благополучно достигли места назначения. Большинство из них в настоящее время заняты в благотворительных организациях.

Мое шутовское замечание о намерении написать книгу глубоко потрясло Бедри. В течение следующих нескольких недель он очень часто говорил мне об этом. Я продолжал подтрунивать над ним и утверждать, что если его поведение не улучшится, то я изображу его настоящим злодеем. Однажды он со всей серьезностью спросил меня, что он может сделать, чтобы я изобразил его иначе. Это дало мне возможность, которую я ждал в течение долгого времени. В течение многих лет Константинополь был центром торговли белыми рабами, особо порочная шайка действовала под прикрытием фальшивой синагоги. Я сказал Бедри, что у него есть шанс спасти свою репутацию: по причине войны его власть как префекта полиции здорово усилилась, и небольшое решительное действие с его стороны могло освободить город от

этого позора. Энтузиазм, с которым Бедри принял мое предложение, основательность и ловкость, с которыми он выполнил свою работу, принесли ему признательность приличных людей. Через несколько дней все работоторговцы в Константинополе разбежались в поисках спасения; большинство было арестовано, несколькими удалось спастись; иностранные граждане, которые были среди них, после отбывания срока в тюрьме были высланы из страны. Бедри дал мне фотографии всех преступников, теперь все они занесены в базу Государственного департамента. Тогда я еще не писал книгу, но чувствовал себя обязанным дать Бедри хоть какое-то общественное признание за проделанную работу. Поэтому я отправил его фотографию и небольшую записку о его поступке в «Нью-Йорк таймс». Все это было опубликовано в воскресном выпуске. То, что знаменитая американская газета отдала ему таким образом дань уважения, привело Бедри в полный восторг. В течение нескольких месяцев он носил с собой страничку из «Таймс» со своей фотографией и демонстрировал ее друзьям. Благодаря этому событию прекратились мои столкновения с префектом полиции. За оставшееся время моего пребывания в Константинополе у нас практически не было серьезных ссор.

Глава 14

ВАНГЕНХАЙМ И «БЕТЛЕХЕМ СТИЛ» — СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА, ЗАДУМАННАЯ ГЕРМАНИЕЙ

За это время мои знания о современном немецком характере увеличивались, и все это благодаря наблюдению за Вангенхаймом и его товарищами. В первые дни войны немцы демонстрировали перед американцами свои самые положительные стороны. Однако шло время, и становилось ясно, что общественное мнение в США было практически полностью на стороне Антанты и что администрация Вашингтона не станет пренебрегать законами нейтралитета, потворствуя

немецким интересам. В результате дружеские отношения изменились на чуть ли не враждебные.

Обида, о которой немецкий посол говорил с утомительной регулярностью, была вызвана вполне банальной причиной — продажей американской амуниции Антанте. Не думаю, чтобы хотя бы одна встреча со мной обошлась без напоминания об этом. Он постоянно уговаривал меня обратиться к президенту Вильсону с настоятельной просьбой объявить эмбарго. Естественно, моя точка зрения, что торговля военным снаряжением была абсолютно законной, не производила на него ни малейшего впечатления. Сражения за Дарданеллы становились все более ожесточенными, и вместе с этим росла и настойчивость Вангенхайма в отношении американских военных запасов. Он утверждал, что большинство снарядов, используемых в Дарданеллах, были произведены в Америке и что Соединенные Штаты в действительности вели войну против Турции.

Однажды он в ожесточении принес мне кусочек снаряда, на котором было выгравировано: «V. S. Co».

— Посмотрите на это! — воскликнул он. — Я полагаю, вы знаете, что такое «V. S. Co»? Это «Бетлехем Стил»! Это приведет турок в ярость. И помните, мы обвиним во всем Соединенные Штаты. Мы получаем все больше и больше доказательств и предъявим вам счет за каждую смерть, вызванную американскими снарядами. Если же вы напишете домой и заставите их прекратить продажу снаряжения, то война вскоре закончится.

Мой ответ был вполне банальным: я попытался обратить внимание Вангенхайма на тот факт, что Германия продавала боеприпасы Испании во время испанской войны, но результата мне это не принесло. Все, что волновало Вангенхайма, так это то, что американские боеприпасы поддерживали его врага. Законность его не волновала. Естественно, я отказался писать президенту.

Спустя несколько дней в газете «Икдам» появилась статья, в которой обсуждались турецко-американские отношения. Эта статья по большей части восхваляла Америку. Од-

нако истинной целью написания этой статьи было показать контраст между прошлым и настоящим и указать на то, что наши поставки боеприпасов врагам Турции едва ли согласуются с исторической дружбой между двумя странами. Все это было написано, видимо, с единственной целью — поставить турецкий народ перед фактом, описанным в последнем параграфе: «Согласно докладам наших корреспондентов, в Дарданеллах большинство снарядов, используемых британским и французским флотом во время последнего обстрела, произведено в Америке».

Немецкое посольство полностью контролировало «Икдам» и использовало его в интересах Германии. Подобного рода утверждения, внедренные в умы восприимчивых и фанатичных турок, могли иметь очень плачевные последствия. Поэтому я тут же обсудил этот вопрос с человеком, которого считал ответственным в данной ситуации, — немецким послом.

Вначале Вангенхайм отрицал свою вину и, как ребенок, твердил о своем неведении в отношении этого дела. Я обратил его внимание на тот факт, что статья в «Икдаме» почти полностью повторяла то, что он говорил мне несколько дней назад, и что местами она дословно воспроизводит его собственные выражения.

— Либо вы сами написали эту статью, — сказал я, — либо позвали репортера и передали ему основные идеи.

Вангенхайм сообразил, что дальше отрицать свое авторство нет смысла.

— Да, — сказал он, откинув голову назад, — что вы собираетесь делать по этому поводу?

Такое высокомерие возмутило меня, и я решил не отмалчиваться.

— Я скажу вам, что собираюсь сделать по этому поводу, — ответил я, — и вы знаете, что смогу выполнить свои угрозы. Либо вы прекратите вызывать антиамериканские настроения в Турции, либо я начну кампанию по пробуждению в Турции антигерманских настроений. Вы знаете, барон, — добавил я, — что немцы в этой стране ходят по лезвию ножа.

Вы прекрасно знаете, что турки не очень вас любят. Более того, вы сознаете, что американцы здесь более любимы, чем вы. Давайте предположим, что я выйду и скажу туркам, что вы используете их для собственной выгоды — что вы совершенно не считаете их своими друзьями, что они всего лишь пешки в вашей игре. Теперь же, начав раздувать антиамериканские настроения, вы оказываете давление на самых беззащитных. Вы делаете мишенью для турок наши образовательные и религиозные учреждения. Никто не знает, на что они будут способны, если их убедить, что их родственники гибнут от американских пуль. Либо вы это немедленно прекращаете, либо через три недели благодаря моим усилиям все турки будут пылать ненавистью по отношению к немцам. Это будет настоящая битва между нами, и я готов к этому.

Поведение Вангенхайма мгновенно изменилось. Он обернулся, положил руку мне на плечо и принял самый дружеский, почти нежный вид.

— Послушайте, давайте будем друзьями, — произнес он. — Я вижу, что вы правы. Я понимаю, что подобные атаки могут навредить вашим друзьям и миссионерам. Обещаю, что они прекратятся.

После того дня в турецкой прессе не появилось ни одной строчки враждебной Соединенным Штатам. Внезапность, с которой прекратились атаки, обнаружила то, что немцы использовали в Турции один из самых любимых своих приемов — полный контроль над прессой. Когда же я думаю о позорном плане, осуществлявшемся Вангенхаймом в тот момент, его протесты против использования англичанами американских снарядов — если подобное вообще имело место, в чем я сильно сомневаюсь, — кажутся мне более чем абсурдными. Когда-то Вангенхайм объяснил мне одну из главных целей, которую преследовала Германия, втягивая Турцию в военный конфликт. Он говорил тихо и бесстрастно, как будто бы речь шла о самой обычной, ординарной проблеме. Сидя в офисе и покуривая огромную черную немецкую сигару, он раскрыл мне немецкий план, заключавшийся в

натравливании всего фанатично настроенного исламского мира на христиан. Германия планировала настоящую священную войну в качестве средства по уничтожению влияния англичан и французов в мире.

— Сама Турция является не слишком важным фактором, — сказал Вангенхайм. — Ее армия мала, и, по моему мнению, она не сыграет в этом большой роли. По большей части она будет обороняться. Но мусульманский мир — очень и очень велик. Если нам удастся поднять мусульман против англичан и россиян, то мы сумеем заставить их заключить мир.

Что же Вангенхайм подразумевал под словом «велик», стало ясно 13 ноября, когда султан объявил войну. Это объявление было настоящим призывом к джихаду или священной войне против неверных. Вскоре после этого Шейх уль-Ислам¹ опубликовал свое обращение, в котором призывал весь мусульманский мир подняться и уничтожить своих христианских угнетателей.

«Мусульмане! — говорилось в конце документа. — Вы счастливы, так как готовы пожертвовать своей жизнью и имуществом ради правого дела, храбры перед лицом опасности, соберитесь сейчас вокруг трона, подчинитесь велению Всмогущего, который в Коране обещает нам блаженство в этом и ином мирах. Обнимите подножие трона халифа и знайте, что государство воюет сейчас с Россией, Англией, Францией и их союзниками и что это враги ислама. Глава верующих, халиф, приглашает всех вас, мусульман, присоединиться к священной войне!»

Религиозные лидеры читали это обращение собравшимся в мечети людям; все газеты напечатали его; его распространяли во всех странах, в которых проживало большое число мусульман, — в Индии, Китае, Египте, Алжире, Триполи, Марокко и в других местах. Везде его зачитывали народу и убеждали подчиниться призыву. «Икдам», турецкая газета,

¹ Шейх уль-Ислам — старейшина ислама. С XVI в. глава мусульманского духовенства, назначавшийся султаном в Османской империи.

ставшая собственностью немцев, постоянно провоцировала людей.

«Деяния наших врагов, — писал турко-немецкий редактор, — вызвали гнев Божий. Но сейчас появился проблеск надежды. Все мусульмане, молодые и старые, мужчины, женщины и дети, должны исполнить свой долг, чтобы этот проблеск не угас, а, наоборот, превратился в яркий свет, всегда освещающий наш путь. Сколько всего можно сделать руками сильных мужчин с помощью остальных, женщин, детей!.. Время действовать пришло. Всем нам придется драться, напрягая все наши силы, физические и духовные. Если мы так сделаем, то спасение подневольному мусульманскому миру гарантировано. Потом, если на то будет воля Божья, мы пойдем, не стыдясь, бок о бок с нашими друзьями, которые посылают свой приветствия месяцу. Аллах — наша помощь, а пророк — наша поддержка».

Обращение султана было официальным документом и касалось предлагаемой священной войны только в общих чертах, но примерно в это же время появился тайный памфлет, который давал инструкции верующим в более специфических выражениях. Этот документ не зачитывался в мечетях, однако его распространяли во всех мусульманских странах — Индии, Египте, Марокко, Сирии и других, и, что самое важное, он был напечатан на арабском, языке Корана. Это был очень длинный документ — английский перевод содержит около 10 тысяч слов — полный выдержек из Корана, а постоянно сквозивший в нем призыв к расовой и религиозной ненависти был по-настоящему безумен. Там детально описывался план операций по убийствам и уничтожению всех христиан — за исключением тех, кто был немецкой национальности. Несколько выдержек сполна демонстрируют характер этого обращения: «О, люди веры и возлюбленные мусульмане, представьте, пусть даже на малое время, нынешнее положение мусульман. Ведь если вы подумаете об этом самую малость, то будете долго плакать. Вы заметите ужасное состояние дел, что заставит литься ваши слезы и зажжет пламя горя в ваших сердцах. Вы видите великую

страну Индию, в которой живут сотни миллионов мусульман, павших из-за религиозных распри и слабостей в объятия врагов Бога, неверных англичан. Вы видите сотни миллионов мусульман Явы, закованных в цепи рабства и несчастья под гнетом голландцев, хотя эти неверные намного многочисленнее, чем правверные, и их цивилизация не так уж развита. Вы видите Египет, Марокко, Тунис, Алжир и Судан, которые страдают от боли и стонут под властью врагов Бога и его апостолов. Вы видите огромные просторы Сибири и Туркестана, Хивы и Бухары, Кавказа, Крыма, Казани и Казахстана, чьи исповедующие ислам верующие в единого Бога народы стонут под ногами своих угнетателей, врагов нашей религии. Вы видите Персию, подготовленную к разделу, и вы видите город халифата, который в течение веков непрерывно боролся с врагами нашей религии, теперь же стал мишенью для угнетения и насилия. Таким образом, куда бы вы ни посмотрели, везде вы видите одно и то же, враги истинной религии, в особенности англичане, русские и французы, угнетают ислам и всеми возможными способами посягают на права мусульман. Мы не можем сосчитать число оскорблений, которые мы получили от этих народов, которые хотят полностью уничтожить ислам и стереть всех мусульман с лица земли. Эта тирания превысила все мыслимые пределы, чаша терпения готова переполниться... Если говорить коротко, мусульмане работают, а неверные едят. Мусульмане голодают и страдают, а неверные толстеют и живут в роскоши. Мир ислама опускается вниз и откатывается назад, а христианский — двигается вперед и все более превозносит себя. Мусульмане поработены, а неверные являются великими правителями. Так происходит потому, что мусульмане отказались от сказанного в Коране, отказались от священной войны, которую он предписывает... Но сейчас пришло время для священной войны. С ее помощью земля ислама сможет навсегда освободиться от угнетающих ее язычников. Сейчас эта священная война стала святой обязанностью. Знайте же, что кровь язычников в исламских странах можно проливать по праву — за исключением тех, кому мусуль-

манские власти пообещали защиту и кто является их союзником. (Отсюда мы узнаем, что немцы и австрийцы были исключены из списка врагов.) Убийство неверных, правящих исламом, является священной обязанностью и не зависит от того, делаете ли вы это открыто или тайно, ведь как говорится в Коране: «Схватите их и убейте их, где бы вы их не нашли. Смотрите, мы привели их прямо к вам в руки и дали вам высшую власть над ними». Тот, кто убьет хотя бы одного неверного из тех, кто управляет им, и не важно, сделает ли он это открыто или тайно, будет вознагражден Господом. И пусть каждый мусульманин, вне зависимости от того, где он находится, поклянется убить по крайней мере трех или четырех неверных, которые руководят им, поскольку они — враги Господа и веры. И пусть каждый мусульманин знает, что награда за это деяние будет удвоена Богом, создавшим небо и землю. Выполнивший свой долг мусульманин будет спасен от ужасов Судного дня, от воскрешения из мертвых. Неужели найдется человек, способный отказаться от этой награды за столь незначительный поступок?.. Пришло время восстать всем как одному, с мечом в одной руке и ружьем — в другой, с карманами полными огня и снарядов, несущими смерть, с сердцем полным веры. Мы должны твердо заявить: Индия — для индийских мусульман, Ява — для яванских мусульман, Алжир — для алжирских мусульман, Марокко — для марокканских мусульман, Тунис — для тунисских мусульман, Египет — для египетских мусульман, Иран — для иранских мусульман, Туран — для туранских мусульман, Бухара — для мусульман-бухарцев, Кавказ — для кавказских мусульман, а Оттоманская империя — для оттоманских турок и арабов».

Далее следовали своеобразные инструкции по достижению этой святой цели. Будет «война сердца» — каждый последователь пророка должен постоянно подпитывать в своей душе ненависть к неверным; «война слова» — при помощи языка и чернил каждый мусульманин должен распространять ту же самую ненависть, где бы ни жили мусульмане; «война дела» — нужно драться и убивать неверных, откуда

бы они ни высовывали свою голову. Этот последний конфликт, как говорится в памфлете, является «истинной войной». Будет «маленькая священная война» и «большая священная война». Первая описывается как война, которую каждый мусульманин должен вести в своем окружении против христианских соседей. Вторая же, согласно этому памфлету, — это великая мировая война, которая объединит ислам в Индии, Аравии, Турции, Африке и других странах в борьбе против языческих угнетателей.

«Священная война, — говорится в памфлете, — будет представлена в трех формах. Первая — это личная война, состоящая из поступков каждого. Ее можно вести колющими и режущими предметами, эта война будет подобна той, что вели святые против Питера Гейли, языческого английского правителя, подобна убийству английского начальника полиции в Индии и одного из официальных лиц, прибывшего в Мекку и погибшего от руки Аби Бусира (да пребудет с ним Господь)».

В документе рассказывается еще о нескольких убийствах, которым правоверные должны подражать.

Второй формой войны, согласно этому памфлету, должна стать организация правоверными банд, которые должны были уничтожить христиан на своем пути. Самыми полезными должны были стать те, которые были собраны и действовали тайно.

«Следует думать, что подобные тайные банды принесут огромную пользу».

Третья форма заключалась в том, чтобы тренированные армии «проводили кампании».

Весь этот длинный призыв к убийству во многих своих деталях указывал на то, что немцы приложили руку к его написанию. Убить нужно было только тех неверных, которые «управляли нами» — то есть тех, кому принадлежали земли, на которых проживали мусульмане. Поскольку у Германии подобных земель не было, то этот самый пункт должен был защитить немцев от нападения. Однако немцев всегда интересовало лишь их благополучие и мало заботили их союзники,

поэтому они, очевидно, не обратили внимания на тот факт, что у Австрии было множество земель в Боснии и Герцеговине, на которых был распространен ислам. Мусульманам было приказано создавать армии, «и ничего, если в них будут задействованы некоторые иностранные элементы», как, например, немецкие инструкторы и офицеры.

«Вы должны помнить — это, очевидно, должно было обеспечить немцам полную защиту, — что незаконно уничтожать людей других религий, у которых есть договор с мусульманами, или тех, которые не были враждебны к правительству халифата».

Несмотря на то что Вангенхайм никогда не говорил мне о том, что Германия везде намеревается, где это возможно, настроить мусульман против Англии, Франции и России, эти фрагменты документа достаточно точно демонстрировали истинную цель написания этого удивительного документа. Когда Вангенхайм обсуждал со мной этот вопрос, казалось, что главная идея заключалась в том, что подобного рода священная война должна была быть скорым средством, с помощью которого можно было заставить Англию заключить мир. В то же самое время Вангенхайм высказал мнение, которое тогда преобладало в общественных кругах, согласно которому Германия совершила ошибку, втянув Англию в конфликт, и теперь главная задача заключалась в том, что если удастся поднять Индию, Египет, Судан и другие колонии против Англии, то она не станет участвовать в конфликте. Даже если британские мусульмане откажутся восставать, и в этом Вангенхайм был убежден, просто угроза подобного бунта заставит Англию бросить Бельгию и Францию на произвол судьбы. Вполне очевидна опасность распространения подобного рода литературы среди фанатично настроенных людей. Тогда я был не просто нейтральным дипломатом, опасавшимся самых серьезных последствий. Мистер Тошев, болгарский посол, один из самых компетентных членов дипломатического корпуса, был также очень обеспокоен. Болгария сохраняла нейтралитет, и мистер Тошев часто говорил мне, что в его стране надеялись сохранить нейтралитет и

впредь. Каждая из враждующих стран, повторял он, надеется, что Болгария станет ее союзником, и политика Болгарии заключается в том, чтобы обе стороны продолжали так думать. Если Германия сумеет начать священную войну и начнутся массовые убийства, то Болгария, добавил мистер Тошев, определенно присоединится к Антанте.

Мы договорились, что он обратится к Вангенхайму и повторит свое утверждение и что я при этом окажу точно такое же влияние на Энвера. Однако священная война потерпела фиаско, даже не начавшись. Мусульмане в таких странах, как Индия, Египет, Алжир и Марокко, понимали, что сейчас с ними обращаются гораздо лучше, чем могло быть при любых других обстоятельствах. Более того, «слабоумные мусульмане» не могли понять, почему они должны вести священную войну против христиан и в то же самое время иметь в своих союзниках такие христианские страны, как Германия и Австрия. Этот союз превратил священную войну в нелепость. Да, Коран действительно приказывает убивать христиан, однако в святой книге нет никаких исключений в пользу Германии. По мнению фанатичных мусульман, немецкие подданные не магометане ничем не отличаются от англичан и французов, и убийства их являются точно так же заслуживающими одобрения действиями. Различия, навязанные европейской дипломатией, мусульмане понимали так же хорошо, как закон всемирного тяготения и небулярную космогоническую теорию. То, что немцы не приняли это в расчет, является еще одним доказательством полного незнания немцами иноземной психологии. Единственное, что было абсолютно ясно, так это желание кайзера заставить 300 миллионов мусульман устроить жуткую Варфоломеевскую ночь и убить как можно больше христиан.

Так что священной войны не было совсем? Действительно ли провалилось «много» Вангенхайма? Когда я думаю об этой пародии на джихад, перед моим взором всплывает одна сцена в американском посольстве. С одной стороны стола сидит Энвер, мирно потягивая чай и поедая кексы, с другой стороны восседаю я, занимаясь тем же невоенным заняти-

ем. Дело происходит 14 ноября, на следующий день после того, как султан объявил священную войну. Проходят собрания в мечетях и других местах, зачитываются послания и произносятся горячие речи. Энвер уверяет меня, что американцам не будет причинено никакого вреда, на самом деле даже не будет никаких убийств. Пока он говорит, входит один из моих секретарей и сообщает мне, что небольшая толпа атакует различные иностранные учреждения. Уже пострадал австрийский магазинчик, на котором была вывеска «Английская одежда», что со стороны владельцев было не слишком дальновидным поступком. Я спрашиваю Энвера, что это все означает, и он отвечает, что все это ошибка, что ни у кого нет никаких намерений нападать. Спустя некоторое время после его ухода меня проинформировали о том, что толпа атаковала «Бон Марше», французский галантерейный магазин, и направляется к британскому посольству. Я тут же позвонил Энверу. Он сказал, что все в порядке, что с посольством ничего не случится. Через минуту или две толпа свернула и направилась к «Токатлиану», самому важному ресторану в Константинополе.

То, что руководили толпой армяне, говорит о том, что игра была честной. Шесть мужчин с палками, на одном конце которых были крюки, ломали зеркала и окна, другие брались за мраморные столешницы и не успокаивались, пока не разбивали их вдребезги. Через несколько минут ресторан превратился в руины.

Эта демонстрация и была священной войной, насколько ее понимали в Константинополе. Таков был бесславный конец немецкой попытки натравить 300 миллионов мусульман на христианский мир! Только одного добился кайзер распространением этой провокационной литературы. В душе мусульман вновь вспыхнуло пламя горячей ненависти по отношению к христианам, которая всегда была неотъемлемой частью характера этих людей. И в конце концов это разгоревшееся пламя вылилось в массовые убийства армян и других подчиненных им людей.

Глава 15

ДЖЕМАЛЬ — БЕСПОКОЙНЫЙ МАРК АНТОНИЙ.
ПЕРВАЯ ПОПЫТКА НЕМЦЕВ
ПОЛУЧИТЬ ВЫГОДНЫЙ ИМ МИР

В начале ноября 1914 года железнодорожная станция в Хайдар-Паша являла собой сцену для огромной демонстрации. Джемаль, министр морского флота, один из трех самых могущественных людей в Турецкой империи, уезжал, чтобы взять на себя командование 4-й турецкой армией, штаб которой был расположен в Сирии. Все члены кабинета и другие влиятельные люди в Константинополе полные энтузиазма собрались, чтобы проводить этого тирана. Они звали его «Спасителем Египта». Перед отправлением поезда Джемаль публично заявил:

— Я не вернусь в Константинополь, пока не покорю Египет.

Все это представление показалось мне очень и очень помпезным. При этом сам собой вспоминался третий член другого кровавого триумвирата, который более двух тысяч лет назад покинул свою страну, чтобы стать диктатором Востока. У Джемалю было очень много общего с Марком Антонием. Как и его римский предшественник, Джемаль был очень расточительным человеком; как и Антоний, он был алчным игроком, проводившим большую часть своего свободного времени за карточным столом в Серкль д'Ориент. Еще одной общей чертой с великим римским оратором было огромное тщеславие. Турецкая империя во время правления Джемалю казалась расщепленной на множество кусочков, так же как и Римская республика — при Антонии. Джемаль верил, что может стать наследником одной или нескольких ее областей и по возможности основать династию. Он надеялся, что военная экспедиция, в которую он тогда отправлялся, сделает его не только хозяином Турции, но и одним из самых могущественных людей в мире. Впоследствии в Сирии он правил подобно средневековому барону-вору, на которого в достаточной степени походил. Он стал кем-то вроде султана. Он

держал собственный двор, у него был собственный селамник¹, он издавал собственные приказы, отправлял собственное правосудие и часто пренебрегал властями Константинополя.

Аплодисменты, которыми товарищи Джемаль сопровождали его отъезд, не были безосновательными. Дело было в том, что большинство из них радовалось ему. В течение некоторого времени он был бельмом на глазу у Талаата и Энвера, и поэтому их абсолютно устраивало, что теперь его властный и упрямый характер будет направлен против сирийцев, армян и других немусульман в средиземноморских провинциях. В Константинополе Джемаль был не слишком любим. Другие члены триумvirата, хотя и имели отрицательные черты характера, обладали и привлекательными особенностями. Талаат был мужествен и добродушен, Энвер — благороден и любезен, однако у Джемала было очень мало приятных черт. Американский врач, специализирующийся на физиогномике, считал Джемала очень интересным объектом. Он сказал мне, что никогда раньше не видел лица, в котором жестокость так сочеталась с силой и пронизательностью. Как показала история, Энвер мог быть жестоким и кровожадным, однако его отрицательные качества всегда были спрятаны под маской вежливости, спокойствия и даже нежности. Однако Джемаль не скрывал своих мыслей, по его лицу всегда можно было понять, о чем он думает. Его глаза были черными, взгляд — пронизывающим. Резкость, быстрота и острота, с которыми взгляд скользил с одного предмета на другой, улавливая главное за несколько секунд, говорили о коварстве, беспощадности и эгоизме. Даже его смех, демонстрирующий полный комплект безукоризненно белых зубов, был неприятным и казался действием затаившегося животного. А черные волосы и борода, резко контрастирующие с бледным лицом, лишь усиливали впечатление. Сначала фигура Джемала казалась незначительной. Он был коренастым и низкорослым, слегка сутулился, но когда начинал двигаться, становилось ясно, что его тело полно энергии. Когда же вы обменивались с ним ру-

¹ Селамник — зал аудиенций императорского дворца.

копожатиями, создавалось впечатление, что ваша рука ненамеренно угодила в тиски. Если же при этом он пристально смотрел на вас своими подвижными пронизательными глазами, становилось очевидно, что этот человек обладает впечатляющей внутренней силой и умеет производить впечатление.

Поэтому после короткой встречи я не был удивлен, услышав, что Джемаль был человеком, для которого кровавые убийства были частью повседневной работы. Как и все младотурки, он был незнатного происхождения. Он присоединился к комитету партии «Единение и прогресс» в самом начале, и его личная власть, как и его безжалостность, быстро сделала его одним из лидеров. После убийства Назима Джемаль стал военным губернатором Константинополя и его главной обязанностью было убирать со сцены оппонентов правящих сил. Эту близкую ему по духу деятельность он выполнял мастерски, и последующий террор был по большей части результатом деятельности Джемала. Позже Джемаль стал членом кабинета, но работать в согласии со своими товарищами не мог, будучи более чем беспокойным человеком. В дни, предшествовавшие разрыву, его считали франкофилом. Какие бы чувства Джемаль ни испытывал по отношению к Антанте, но свою неприязнь к немцам он даже не пытался скрыть. Говорят, что он мог проклинать их в их же присутствии — по-турецки, конечно. Он был одним из тех немногих официальных лиц Турции, которые так никогда и не попали под немецкое влияние. Дело было в том, что Джемаль был представителем направления, которое быстро набирало обороты среди турецких политиков — пантюркизма. Он презирал подданных Османской империи — арабов, греков, армян, черкесов, евреев. Он хотел отуречить всю империю. Его личные амбиции были причиной частых конфликтов с Энвером и Талаатом, которые много раз говорили мне, что не могут контролировать его. Именно по этой причине, как я уже говорил, они радовались его отъезду — хотя не думаю, что ожидали от него захвата Суэцкого канала и изгнания англичан из Египта. Кстати, это назначение хорошо иллюстрировало нелепую ситуацию, существовавшую тогда в Египте. Будучи министром морского флота, Дже-

маль должен был работать в морском департаменте, но, вместо того чтобы работать на своем официальном посту, глава морского флота был отправлен командовать армией в жаркие пустыни Сирии и Синай.

Поход Джемаля представлял собой впечатляющую попытку Турции продемонстрировать свою военную мощь, способную противостоять союзникам. Когда поезд Джемаль тронулся, все турецкое население почувствовало, что настал исторический момент. Меньше чем за сто лет Турция лишилась большей части своей территории, и ничто не могло так сильно ранить турецкую гордость, как оккупация Египта Англией. В период оккупации все признавали сюзеренитет Турции. Однако, как только Турция объявила войну Великобритании, англичане тут же прекратили эти фантазии и формально завладели огромной областью. Поход Джемаль был ответом Турции на это действие Англии. Истинной же целью войны, как сообщили турецкому народу, было восстановление исчезающей Османской империи, а возвращение Египта было первым шагом к достижению этой великой цели. Турки также знали, что под английским руководством Египет стал процветать, что, следовательно, сулило большую прибыль захватчикам. В общем, абсолютно неудивительно, что турецкий народ провожал отъезд Джемаль криками «Ура!».

Примерно в то же время, чтобы возглавить другую турецкую военную кампанию — проход через Кавказ и нападение на Россию, — Константинополь покинул и Энвер. Здесь также существовали ранее принадлежащие Турции области, которые следовало «отвоевать». После войны 1878 года Турция была вынуждена уступить России некоторые богатые территории между Каспийским и Черным морями, население там состояло в основном из армян, и именно эти земли Энвер должен был захватить. Но отъезд Энвера не сопровождался аплодисментами. Он уехал тихо и незаметно. С отъездом этих двоих людей война пошла полным ходом.

Несмотря на эти военные кампании, в Константинополе шли и невоенные приготовления. В это время — во второй половине 1914 года — внешнее положение Турции не пред-

полагало ничего, помимо войны, однако внезапно Константинополь стал главным штабом мира. Английский флот постоянно угрожал Дарданеллам, и каждый день по улицам маршем шли турецкие войска. Однако немецкое посольство, казалось, не обращало на это внимания. Вангенхайм думал только об одном: еще недавно «изрыгавший огонь» немец стал удивительно мирным человеком, поскольку понял, что самая большая служба, которую он может сослужить своему императору, заключалась в том, чтобы закончить войну на условиях, которые спасут Германию от истощения и разрухи; как добиться соглашения, которое восстановит положение его отчизны среди других стран.

В ноябре Вангенхайм начал обсуждать этот вопрос. Он сообщил мне, что частью немецкой системы является полная готовность не только к войне, но также и к миру.

— У мудрого генерала, начинающего военную кампанию, всегда есть план для отступления на случай поражения, — говорил немецкий посол. — Этот принцип также относится и к стране в начале войны. В том, что касается войны, можно быть уверенным лишь в одном — она когда-нибудь кончится. Так что, когда мы планируем войну, мы также должны не забывать о кампании в пользу мира.

Но Вангенхайма интересовало нечто более вещественное, чем философские принципы. У Германии были серьезные причины желать завершения военных действий, и Вангенхайм обсуждал их открыто и цинично. Он говорил, что Германия была готова к короткой войне. Немцы полагали, что смогут разбить Францию и Россию за две короткие кампании, которые в общем должны были длиться около шести месяцев. Но этот план провалился, и возможность того, что Германия сможет выиграть войну, вызывала большое сомнение. Германия, добавил он, совершила бы большую ошибку, если бы стала воевать до полного истощения, поскольку такая битва для Германии означала бы потерю колоний, торгового флота и экономического и торгового статуса.

— Если мы не захватим Париж за тридцать дней, мы проиграли, — говорил мне Вангенхайм в августе.

После битвы на Марне его взгляды изменились. Теперь он не делал попыток скрыть тот факт, что великая стремительная кампания провалилась, что немцев теперь ожидала утомительная, изматывающая война и что лучшее, что они могли добиться в сложившейся ситуации, — это ничья.

— В этот раз мы совершили ошибку, — говорил впоследствии Вангенхайм, — не подготовившись к продолжительным сражениям. Однако эту ошибку мы не повторим снова, в следующий раз мы запасемся достаточным количеством меди и хлопка, чтобы продержаться по крайней мере лет пять.

У Вангенхайма была еще одна причина желать немедленного мира. И эта причина проливает гораздо больше света на бесстыдство немецкой дипломатии. Турция готовилась к завоеванию Египта, и эти приготовления здорово раздражали немецкого посла и вызывали у него большую тревогу. Интерес и энергия, с которой турки отнеслись к этой кампании, особенно сильно беспокоили Вангенхайма. Естественно, вначале я подумал, что Вангенхайм волнуется, потому что боится, что турки могут проиграть, однако позже он признался мне, что боится, что Турция может добиться успеха. Победоносная турецкая кампания в Египте, объяснил Вангенхайм, может здорово помешать немецким планам. Если туркам удастся захватить Египет, то за столом переговоров они, естественно, будут настаивать на сохранении этой области у себя и ждать поддержки немцев в этом вопросе. Но в Германии не собирались помогать укреплению Турецкой империи. Как раз в то же время немцы надеялись найти взаимопонимание с англичанами, основой которого было что-то вроде разделения интересов на Востоке. Больше всего Германия хотела получить Месопотамию, которая должна была стать важной частью линии Гамбург—Багдад. В обмен Германия была готова подтвердить обоснованность английской аннексии Египта. Таким образом, Германия планировала разделение Турции на две равные части между собой и Англией. Это было одно из тех предложений, которое немцы собирались вынести на обсуждение во время мирной конференции, которую планировал Вангенхайм. Вполне ес-

тественно, что захват Египта Турцией стал бы серьезной помехой на пути осуществления этого плана. О моральной стороне отношения Германии к ее союзнику, Турции, едва ли нужно говорить. Все это вполне соответствовало немецкой политике «реализма» в отношении с иностранными державами.

Практически все немецкое общество в конце 1914 года и в начале 1915-го с тревогой ожидало мира и смотрело на Константинополь как на возможное место, где легко можно начать переговоры о нем. Немцы считали само собой разумеющимся, что президент Вильсон должен выступить в роли миротворца. И действительно, никого другого в этом амплуа они даже не представляли. Единственной проблемой оставалось найти каналы, посредством которых можно было обратиться к президенту. Подобные переговоры проще всего было провести при помощи одного из американских послов в Европе. Очевидно, немцы не могли добраться до американских послов во враждебных столицах. Это и другие обстоятельства заставили немецких государственных деятелей обратиться к американскому послу в Турции.

В то же самое время в Константинополь приехал немецкий дипломат, частый герой событий тех времен — доктор Рихард фон Кюльман, впоследствии ставший министром иностранных дел. За последние пять лет доктор фон Кюльман, кажется, появлялся везде, где немцы вели важные конфиденциальные дипломатические дела. Князь Лихновски писал о его поведении в Лондоне в 1913 и 1914 годах, где тот принимал активное участие в печально известном Брест-Литовском договоре. Вскоре после начала войны доктор фон Кюльман приехал в Константинополь в качестве советника немецкого посольства, став, таким образом, преемником фон Мутиуса, который был призван на фронт. Его назначение было более чем подходящим по одной причине — он был рожден в Константинополе и провел там свое детство, где отец его был президентом Анатолийской железной дороги. Поэтому он понимал турок, как может понимать человек, проживший в их окружении много лет. И вообще, он был более чем интерес-

ной фигурой в дипломатическом кругу Константинополя и произвел впечатление не слишком агрессивного, но очень забавного человека. Очевидно, он желал сойтись поближе с представителями американского посольства, да и нам он был симпатичен, поскольку только что вернулся из окопов и рисовал нам красочные картины происходящего на фронте. Тогда нас очень интересовали современные методы ведения войны, и в течение многих вечеров мы замороженно слушали рассказы фон Кюльмана. Другой его любимой темой была мировая политика, и в этом вопросе он показался мне очень хорошо информированным. Тогда мы не считали фон Кюльмана важным человеком, однако усердие, с которым он занимался своим делом, уже тогда привлекало всеобщее внимание. Говорил он мало, но, как я понял, внимательно слушал и все запоминал. Очевидно, он был ближайшим наперсником Вангенхайма и человеком, через которого посол контактировал с немецким министерством иностранных дел. Примерно в середине декабря фон Кюльман покинул Берлин, где провел около двух недель. Когда же он в начале января 1915 года вернулся, атмосфера в немецком посольстве заметно изменилась. Если до этого момента Вангенхайм без всяких церемоний обсуждал мирные переговоры, то теперь он серьезно взялся за дело. Я сделал вывод, что Кюльман был вызван в Берлин, чтобы узнать все детали этого дела, и вернулся он оттуда с четкими инструкциями по поводу того, как Вангенхайм должен действовать. Во время всех моих бесед с немецким послом Кюльман находился неподалеку. Он присутствовал на всех важнейших конференциях, однако принимал участие далеко не во всех беседах. Он, как обычно, находился на вторых ролях и внимательно слушал.

Вангенхайм проинформировал меня, что январь 1915 года будет прекрасным временем для завершения войны. Италия еще не вступила в войну, однако были причины полагать, что она сделает это весной. Болгария и Румыния все еще держались в стороне, хотя никто не ждал, что так будет продолжаться вечно. Франция и Англия готовились к первым «весенним наступлениям», и у немцев не было гарантии, что эти

самые наступления не окажутся успешными. И действительно, они гораздо больше опасались того, что немецкие армии могут оказаться в большой беде. Британские и французские военные корабли собирались в Дарданеллах. Немецкий Генеральный штаб и практически все военные и морские эксперты в Константинополе считали, что флоты союзников смогут пробиться и захватить город. Большинство турок к тому времени устали от войны, и немцы всегда держали в уме, что турки могут согласиться на сепаратный мир. Для меня было очевидным, что немцы, выступающие сторонниками мира, в критической для себя ситуации вновь готовы воевать, как только положение их улучшится. Поэтому, как бы сильно Вангенхайм ни желал мира в январе 1915 года, понятно, что он думал не о постоянном мире. Самой большой преградой на пути к миру в то время был тот факт, что не было никаких признаков того, что Германия сожалеет о своих преступлениях. Так же как и в поведении Вангенхайма не было никаких признаков раскаяния. Дело было в том, что Германия выдвинула неверное предположение. Все, что Вангенхайм и другие немцы видели во всей этой ситуации, — это то, что их запасов пшеницы, хлопка и меди не хватает для продолжительной борьбы. В моих записях наших с Вангенхаймом разговоров я часто нахожу фразы вроде «следующая война», «в следующий раз». Он гораздо больше интересовался следующим большим мировым военным катаклизмом, чем мнением господствующих классов прусского юнкерства и офицерства. Очевидно, немцы хотели мира — некоего прекращения боевых действий, — который дал бы их генералам и промышленным лидерам время подготовиться к следующему конфликту. Тогда, почти четыре года назад, немцы, как, впрочем, и много раз до этого, вели переговоры точно таким образом, так что план Вангенхайма заключался в следующем: нужно было собрать представителей всех воюющих держав за столом переговоров и уладить проблемы по принципу «отдать и взять». Он сказал, что нет смысла требовать, чтобы каждая сторона выдвигала требования заблаговременно.

— Заблаговременно выдвинутые требования разрушат все для всех сторон, — сказал он. — Что бы мы могли сделать? Германия, естественно, выдвинет требования, которые другие стороны посчитают экстравагантными и нелепыми. Антанта выдвинет требования, которые приведут в ярость немцев. В результате обе стороны придут в такую ярость, что никаких переговоров не будет и в помине. Нет, если мы действительно хотим закончить войну, то необходимо, чтобы прекратились военные действия. Прекратив сражаться, вновь драться мы не начнем. Истории неизвестны случаи, когда результатом прекращения военных действий не был бы мир. Так же будет и в этом случае.

Беседы с Вангенхаймом дали мне некоторое представление об условиях, которые могла выдвинуть немецкая сторона. Изложенная выше ситуация вокруг Египта и Месопотамии также проясняла картину. Вангенхайм очень настаивал на том, что у Германии должны быть постоянные военно-морские базы в Бельгии, при помощи которых немецкий флот мог постоянно угрожать Англии блокадой и таким образом обеспечить «свободу морей». Германия желала везде иметь право на разработку угля, и это требование выглядело абсурдным ввиду того, что у Германии всегда были подобные права в мирное время. Немцы могли отдать Франции кусок Лотарингии и часть Бельгии, возможно Брюссель, взамен контрибуции.

Вангенхайм предположил, что мне следует рассказать об этом деле в американском правительстве. Мое письмо в Вашингтон датируется 11 января 1915 года. В нем говорилось о внутренней ситуации и излагались причины, почему Германия и Турция хотели мира.

Особенно любопытным было то, что Германия игнорировала Австрию. Паллавичини, австрийский посол, ничего не знал о немецких планах, пока я сам не рассказал ему об этом. Игнорируя таким образом своего союзника, немецкий посол не питал при этом никакой личной неприязни к нему. Он обращался с ним точно так же, как министерство иностранных дел — с Веной, то есть не как с равным,

а практически как со слугой. Мир с попытками немцев по военному и дипломатическому присоединению Австро-Венгрии был уже достаточно хорошо знаком. Однако тот факт, что Вангенхайм делал столь важный шаг, как попытка мирных переговоров, но не информировал о том Паллавичини, а тот узнавал об этом через третье лицо, говорил о том, что Австро-Венгрия перестала быть независимой империей.

Конечно же данное предложение ни к чему не привело. Наше правительство отказалось предпринимать какие-либо действия, по-видимому не считая время подходящим. Но Турция и Германия впоследствии вновь вернулись к этому вопросу. Переговоры завершились во второй половине марта, когда Кюльман уже покинул Константинополь и стал послом в Гааге. Он приехал в американское посольство, чтобы попрощаться, и был столь же очаровательным, веселым и вежливым, как обычно. Перед тем как покинуть здание, он пожал мне руку и сказал следующие слова — последующие события заставили меня вспомнить их: «Через три месяца у нас наступит мир, ваше превосходительство!»

Этот разговор и последующий его отъезд состоялись в марте 1915 года!

Глава 16

ТУРКИ ГОТОВЯТСЯ БЕЖАТЬ ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ И ОСНОВАТЬ НОВУЮ СТОЛИЦУ НА ПОЛУОСТРОВЕ МАЛАЯ АЗИЯ. ФЛОТ АНТАНТЫ АТАКУЕТ ДАРДАНЕЛЛЫ

Вероятно, единственной причиной столь страстного желания Германией мира была ситуация в Дарданеллах. В начале января, когда Вангенхайм убеждал меня написать письмо в Вашингтон, люди в Константинополе были очень встревожены. Прошел слух, что союзники собрали флот из сорока военных кораблей в устье Дарданелл и намеревались попытаться

захватить пролив. Распространенная в Константинополе уверенность, что подобная попытка увенчается успехом, делала ситуацию особенно напряженной. Это мнение разделял Вангенхайм в какой-то своеобразной форме — так же как и фон дер Гольц, знакомый с обороной Дарданелл не понаслышке, а как человек, в течение нескольких лет занимавшийся реорганизацией турецкой армии. В своем дневнике я обнаружил мнение фон дер Гольца, переданное мне Вангенхаймом, по этому вопросу. Здесь я привожу его буквально: «Хотя он и полагает, что невозможно захватить Дарданеллы, но, по его мнению, все равно, если Англия решит, что этот шаг важен в ведении войны, то, пожертвовав десятком кораблей, сможет захватить вход в пролив и делает это очень быстро. Через десять часов после начала штурма пролива англичане будут в Мраморном море».

В тот же самый день, передав мне мнение фон дер Гольца, Вангенхайм попросил меня спрятать несколько чемоданов с ценностями в американском посольстве. Очевидно, он готовился к отъезду.

Читая доклад Кромера об атаке на Дарданеллы, я обнаружил, что адмирал сэра Джон Фишер, глава морского ведомства, назвал цену успеха — двенадцать кораблей. Вполне очевидно, что мнения фон дер Гольца и Фишера различались незначительно.

Когда до Турции дошли сведения об атаках Антанты, ситуация стала почти безнадежной. Повсюду страх и паника охватили не только простой народ, но и официальных лиц. Страна плавно двигалась к катастрофе. До 1 января 1915 года Турция никак не оправдывала свое участие в войне. Наоборот, практически везде ее военные терпели поражение. Джемаль, как уже говорилось, покинул Константинополь как будущий «победитель Египта», но его экспедиция потерпела жестокое и унижительное поражение. Попытка Энвера освободить Кавказ от российского господства имела гораздо более тяжелые военные последствия. Он проигнорировал совет немцев позволить русским дойти до Сиваса и остановиться там. Вместо этого он тупо попытался захватить российскую тер-

риторию на Кавказе. Турецкая армия по всем статьям потерпела поражение, но военная неудача оказалась отнюдь не последней бедой, с которой пришлось здесь столкнуться. Медицинская и санитарная служба Турции была более чем плохой. Во всех лагерях начались эпидемии тифа и дизентерии, во время которых погибло около 100 тысяч человек. В город постоянно приходили жуткие вести о страданиях несчастных солдат. Всем было прекрасно известно, что Англия готовилась к вторжению в Месопотамию, и ни у кого не было никаких причин полагать, что эта кампания потерпит поражение. Каждый день турки проводили в ожидании новостей: вот болгары объявили войну и теперь шли на Константинополь. Все прекрасно понимали, что данный факт означал вступление в войну также Румынии и Греции. Не было дипломатическим секретом, что Италия ждала лишь наступления теплой погоды, чтобы присоединиться к Антанте. Тогда же российские моряки на Черном море атаковали Трапезунд, и каждый день ожидалось, что они вот-вот окажутся в устье Босфора. В то же время внутренняя ситуация была плачевной: по всей Турции ежедневно от голода умирали тысячи человек; практически всех здоровых мужчин призывали в армию; так что лишь те немногие, что остались, должны были возделывать землю; криминальные конфискации практически полностью разрушили торговлю; казна была опустошена гораздо в большей степени, чем это можно было позволить, поскольку закрытие Дарданелл и блокада средиземноморских портов прекратили импорт и не у кого было взимать таможенные пошлины. Все возрастающий гнев населения в любой момент мог обернуться против Талаата и его товарищей. И в тот момент, когда беды окружали страну со всех сторон, турки узнали, что приближается могучая английская армада со своими союзниками, полная решимости разрушить оборону и захватить город. Не было другой силы, которую они бы боялись так, как английский флот. В течение нескольких веков этот самый флот ни разу не терпел поражений, и это вызывало чувство подавленности у турецких граждан. Англичане казались им людьми, обладаю-

щими сверхчеловеческими способностями — непреодолимой силой, которую невозможно победить.

Вангенхайм и практически все представители военных и военно-морских сил считали захват Дарданелл не только возможным, но и неизбежным. Вероятность британского успеха была одной из самых популярных тем для разговора. Профессионалы, как и люди невоенных профессий практически всегда склонялись к успеху Антанты. Истинная причина того, что Турция выступила против Египта, добавил Талаат, заключалась в том, чтобы отвлечь англичан от Галлипольского полуострова. Существовавший тогда образ мышления демонстрирует тот факт, что 1 января турецкое правительство приготовило два поезда, один из которых должен был доставить султана и его свиту на полуостров Малая Азия, а второй был предназначен для Вангенхайма, Паллавичини и других членов дипломатического корпуса. 2 января у меня произошел интересный разговор с Паллавичини. Он показал мне сертификат, выданный ему Бедри, префектом полиции, дающий право ему, его секретарям и слугам пройти на один из скорых поездов. У него также были билеты на сидячие места для него и его людей. Он сообщил мне, что у каждого локомотива должно быть всего три вагона, так что поезд сможет развить большую скорость. Ему было сказано, чтобы все было готово по часам. Вангенхайм практически не пытался скрыть своих опасений. Он сказал мне, что подготовил все для отъезда своей жены в Берлин, и пригласил миссис Моргентау сопровождать ее, чтобы и она покинула опасную зону. Вангенхайм боялся того, чего и большинство жителей этого города Турции, — массовых беспорядков как в Константинополе, так и в остальной Турции. Предчувствуя подобные беспорядки, он сказал характерную фразу. По его мнению, если английский флот пройдет Дарданеллы, жизнь ни одного англичанина в Турции не будет в безопасности — все они будут убиты. Поскольку было очень трудно отличить американца от англичанина, Вангенхайм предложил мне выдать американским гражданам характерные значки, которые защитили бы их от насильственных действий со стороны турок. Будучи абсолютно уверенным, что

истинной целью Вангенхайма было обнаружить англичан и таким образом сделать их объектами жестокого обращения со стороны турецкого народа, я отказался последовать «дружескому» совету.

Сейчас все это кажется абсолютно абсурдным, поскольку тогда английский флот не провел ни одной атаки. В тот самый момент, когда весь Константинополь трясся в страхе в ожидании британских дредноутов, британский кабинет в Лондоне лишь рассматривал целесообразность подобного мероприятия. Записи показывают, что 2 января из Петрограда пришло телеграфное послание британскому правительству с просьбой провести какую-либо демонстрацию против турок, теснивших русских на Кавказе. На эту просьбу тут же был отправлен ободряющий ответ, однако лишь 28 января британское правительство отдало приказ атаковать Дарданеллы. Сейчас уже не секрет, что далеко не все были уверены в успехе этого предприятия. Адмирал Карден выразил уверенность, что пролив «невозможно захватить одним махом, однако путем длительной осады с участием большого количества кораблей успеха добиться можно». Наказанием же Англии за поражение, добавил он, стала бы потеря престижа и влияния на Востоке. Насколько верным было это пророчество, у меня еще будет повод рассказать. До этого времени одной из фундаментальных и всеми признанных аксиом военно-морского дела было то, что военные корабли не должны пытаться атаковать стационарные наземные укрепления. Но немцы продемонстрировали огромную мощь мобильных орудий, разрушая крепости в Льеже и Намюре, из-за чего многие военные в Англии полагали, что эти события меняют данный военно-морской принцип. Мистер Черчилль, в то время глава адмиралтейства, возлагал огромные надежды на разрушительную силу нового супердредноута — «Королева Елизавета», — только что построенного и находящегося сейчас на пути к Средиземноморскому флоту.

Мы в Константинополе ничего не знали об этих размышлениях, однако их результат стал очевиден во второй половине февраля. Вечером 19-го числа австрийский посол Пал-

Паллавичини принес мне важные новости. Маркиз обладал огромным чувством собственного достоинства, однако было видно, что он очень нервничал и даже не пытался скрыть свое волнение. Флот Антанты возобновил свои атаки на Дарданеллы, которые в этот раз были особенно жестокими. В тот самый час дела австрийцев шли из рук вон плохо; российская армия с успехом шла вперед; сербы отбросили австрийцев за линию фронта, а европейская пресса была полна мрачных прогнозов по поводу распада Австрийской империи. Поведение Паллавичини в тот вечер было отражением опасностей, окружавших его страну. Он был несколько сентиментальным и в то же время гордым человеком, он гордился своим императором и тем, что называл великой Австро-Венгерской империей. Теперь же он был объят страхом, предчувствуя разрушение великой габсбургской машины, в течение многих веков противостоявшей вызовам истории. Как и большинство людей, Паллавичини жаждал сочувствия, однако не мог ждать его от Вангенхайма, который редко посвящал его в свои дела и постоянно обращался с ним как с представителем нации, подчиняющейся господствующей Германии. Возможно, именно по этой причине австрийский посол изливал душу мне. Нападение флота Антанты на Дарданеллы стало для него кульминацией. В то время страны оси верили, что смогли сдержать Россию, закрыв Дарданеллы и не дав возможности русским экспортировать пшеницу и импортировать военное снаряжение, необходимое для ведения войны. Таким образом, Германия и Австрия намертво вцепились в своего огромного врага, и, если подобное положение сохранилось бы еще некоторое время, крушение России стало бы неизбежным. Тогда, правда, войска царя победоносно шли вперед, что само по себе очень тревожило австрийцев, но скоро запасы военной амуниции закончатся, после чего подавляющее количественное превосходство русских не поможет и они обязательно потерпят поражение. Однако если русские доберутся до Константинополя и возьмут под контроль Босфор и Дарданеллы, то получат необходимую для ведения войны амуницию в огромном количестве, после

чего поражение держав оси станет лишь вопросом времени. А подобное поражение, и Паллавичини прекрасно понимал это, имело бы для Австрии гораздо более тяжелые последствия, чем для Германии. Вангенхайм сообщил мне, что в планах Германии, в случае распада Австро-Венгрии, включить 12 миллионов австрийских немцев в число подданных Гогенцоллернов, и Паллавичини признавал эту опасность. Нападение Антанты на Дарданеллы для Паллавичини означало исчезновение его страны. Чтобы лучше понять ход его мыслей, нужно помнить, что он, как и большинство значительных людей в Константинополе, верил, что данная операция завершится успехом.

Это навязчивое убеждение сделало положение Вангенхайма чрезвычайно жалким. Как я уже говорил, сдерживание России было практически полностью заслугой немецкого посла. Он доставил «Гебен» и «Бреслау» в Константинополь, после чего Турция вступила в войну. Захват проливов означал бы не только полноценное участие в войне России, его могущественного противника, но и — это было не последней заботой Вангенхайма — бесславный конец его великого личного достижения. И все же Вангенхайм выражал свою тревогу отличным от поведения Паллавичини образом. Он в истинно немецком стиле прибегнул к угрозам и бравате. Он не оплакивал свою судьбу, а искал способ нанести ответный удар. Часто сидя в моем кабинете, он курил и рассказывал мне о всех тех ужасных вещах, которые желал совершить со своими врагами. А особенно терзало Вангенхайма открытое расположение немецкого посольства. Оно находилось на высоком холме и было одним из самых заметных зданий в городе — прекрасная цель для предприимчивого английского адмирала. Когда английские моряки войдут в порт, одним из первых зданий, которое они увидят, будет это желтое здание Гогенцоллернов. И соблазн уничтожить его может оказаться непреодолимым.

— Пусть только попробуют уничтожить мое посольство! — говорил Вангенхайм. — Я с ними расквитаюсь! Если они сделают хотя бы один выстрел в него, мы разнесем посольства

Франции и Англии! Скажите это адмиралу! Также передайте ему, что у нас уже готов для этого динамит!

Также Вангенхайм выражал большое беспокойство в отношении предложенного переезда правительства в Эскишер. В начале января, когда все ожидали прорыва флота союзников, все было готово для переезда правительства на полуостров Малая Азия. И сейчас при первых выстрелах британских и французских орудий вновь были поданы специальные поезда. Оба, и Вангенхайм, и Паллавичини, сообщили мне о своем нежелании сопровождать султана и правительство во время переезда на полуостров. Если союзники захватят Константинополь, послы стран оси окажутся отрезанными от своих стран и будут полностью в руках турок.

— Тогда турки смогут держать нас в качестве заложников, — сказал Вангенхайм.

Они уговаривали Талаата перевести правительство в Адрианополь, из которого могли легко попасть в Константинополь и выйти из него. В случае же, если город будет захвачен, они смогут спастись и попасть на родину. С другой стороны, турки не приняли это предложение, поскольку боялись нападения со стороны Болгарии. Таким образом, Вангенхайм и Паллавичини оказались меж двух огней. Если они останутся в Константинополе, то велика вероятность стать заложниками англичан и французозов. С другой стороны, если же они отправятся в Эскишер, то могут стать пленниками турок. Свидетельства непрочности основы, на которой покоился союз между Турцией и Германией, уже попадали в поле моего внимания, но это было самое очевидное. Вангенхайм, как и все остальные, знал, что в случае, если французы и англичане захватят Константинополь, турки дадут выход своей ярости, направленной, главным образом, не против Антанты, а против немцев, которые вовлекли их в войну.

Сейчас кажется более чем странной та уверенность в неизбежности прорыва Дарданелл, успехе флота союзников и последующем захвате Константинополя в несколько дней. Я вспоминаю оживленный разговор, состоявшийся в американском посольстве вечером 24 февраля. Произошел он на

еженедельном вечере миссис Моргентау — эти встречи в те дни были чуть ли не единственной возможностью для дипломатов собраться вместе. Присутствовали практически все. Первый штурм на Дарданеллы, во время которого были уничтожены укрепления в устье пролива, состоялся за пять дней до этого. Что случится, если прорыв осуществится? Каждый из присутствующих — Вангенхайм, Паллавичини, итальянский посол Гаррони, шведский посол Анкарсвард, болгарский посол Колушев, Кюльман и Шарфенберг, первые секретари немецкого посольства — высказывал свое мнение, и эти мнения сходились: атака союзного флота будет успешной. В особенности мне запомнилось отношение к происходящему Кюльмана: он обсуждал захват Константинополя как нечто уже произошедшее. Иранский посол высказал большую озабоченность тем, что здание его посольства находилось недалеко от Османской Порты. Он сообщил мне, что опасается, что его посольство может подвергнуться атаке и что несколько случайных выстрелов могут уничтожить его собственную резиденцию. Он поинтересовался, нельзя ли ему перевезти архивы в американское посольство. Ходили самые дикие слухи. Нам сообщили, что представитель компании «Стандард ойл» насчитал 17 транспортных средств с кавалеристами, что моряки с военных кораблей выпустили около 800 снарядов, сровняв с землей холмы у входа в Дарданеллы, что был застрелен один из телохранителей Талаата — было выдвинуто предположение, что пуля не достигла своей цели. Говорили, что все турецкое население было охвачено страхом, боялись, что англичане и французы, попав в город, станут насиловать турецких женщин. Последнее конечно же было полным абсурдом, эти слухи распространялись немцами и их турецкими коллегами, скорее всего, большинство жителей Константинополя молились о том, чтобы флоту союзников сопутствовал успех и он бы освободил их от политической шайки, правившей страной.

Среди всего этого хаоса был один опечаленный и одинокий человек — Талаат. Когда бы я ни встречал его в те дни, он всегда являл собой картину полного опустошения и отчаяния.

Как и большинство людей с общинной психологией, турки не умели скрывать свои эмоции, и поэтому переход от радости к отчаянию произошел очень быстро. Очевидно, грохот британских орудий в устье пролива Талаат понимал как собственный рок. Казалось, его карьере в Адрианопле пришел конец. И вновь он поделился со мной своими опасениями относительно того, что англичане захватят турецкую столицу, и вновь выразил сожаление в том, что Турция вообще вступила в войну. Талаат прекрасно понимал, что произойдет, когда флот союзников войдет в Мраморное море. Согласно докладу комиссии Кромера, лорд Китченер, давая свое согласие на чисто военно-морскую экспедицию, надеялся, что благодаря революции в Турции данная кампания пройдет успешно. Лорда Китченера часто критиковали за его участие в штурме Дарданелл. Однако, отдавая долг его памяти, нужно признать, что в этом отношении он был абсолютно прав. Если бы флот союзников вошел в пролив, правлению младотурок пришел бы конец. Как только раздались первые выстрелы, на улицах появились плакаты, на которых Талаата и его товарищей называли виновниками бедствий, обрушившихся на Турцию. Бедри, префект полиции, был занят тем, что собирал безработных молодых людей и высылал из города. Цель этих действий заключалась в том, чтобы освободить Константинополь от тех, кто мог поднять революцию против младотурок. Часто говорили, что Бедри боялся революции гораздо больше, чем британского флота. И это была та же самая Немезида, которая постоянно держала свой меч над головой Турции и в любой момент могла опустить его.

Один-единственный эпизод демонстрирует напряженность, господствующую тогда в Турции. Доктор Ледерер, корреспондент «Берлинер тагеблатт», побывал в районе Дарданелл, а по возвращении передал нескольким дамам в дипломатическом кругу то, что сообщили ему немецкие офицеры. Они сказали ему, что постоянно ждут своей смерти. Этот рассказ, как огонь, моментально распространился по всему городу, а доктору Ледереру грозил арест. Он обратился ко мне за помощью. Я отвел его к Вангенхайму, который отказался

иметь с ним дело. Ледерер, по его словам, был австрийским подданным, несмотря на то что представлял немецкую газету. Он был очень зол на Ледерера за этот опрометчивый поступок. Но в конце концов мне удалось провести столь непопулярного журналиста в австрийское посольство, где он и провел ночь. Через несколько дней Ледерер должен был покинуть город.

Среди всего этого кошмара был один человек, которого все это, по-видимому, не коснулось. Хотя послы, генералы и политики ждали самых страшных бедствий, голос Энвера оставался все таким же обнадеживающим и тихим. Спокойствие и мужественность человеческого духа никогда не были столь полезны, как тогда. В конце декабря — начале января, когда город накрыла первая война страха, Энвер сражался с русскими на Кавказе. Однако эта кампания, как я уже говорил, была не слишком успешной. Энвер покинул Константинополь, чтобы стать завоевателем, однако в конце января вернулся, командуя побитой и деморализованной армией. Такой кошмарный опыт сломал бы любого другого, и то, что Энвер остро чувствовал неудачу, было видно исходя из того способа, который он выбрал, чтобы спрятаться от общественности. В первый раз после его возвращения я увидел его на благотворительном концерте в пользу Красного Креста. Энвер сидел в глубине ложи, стараясь не попадать в поле зрения присутствующих. Было вполне очевидно, что он был не уверен, что публика радушно его примет. Все важные люди в Константинополе — наследник, члены кабинета и послы — посетили это мероприятие. И согласно традиции наследник приглашал к себе высокопоставленных лиц, чтобы сказать им несколько приветственных слов. Среди прочих был приглашен и Энвер. По-видимому, это прибавило ему мужества, и он появился в обществе дипломатов, которые восприняли это как знак того, что его положение в обществе восстановлено. Спустя несколько дней после этого он обсудил сложившуюся ситуацию со мной. По его словам, он был изумлен распространением страха и отчаяния в городе, а приготовления к переезду султана и правительства, что практически

оставляло город на милость англичан, вызывали у него отвращение. Он не верил, что флот союзников мог войти в Дарданеллы, он совсем недавно проинспектировал все фортификационные сооружения и был уверен в их способности дать успешный отпор. И хотя корабли союзников все же уже находились в Дарданеллах, он заверял всех, что Константинополь будет защищаться до последнего человека.

Однако заверения Энвера не удовлетворили его коллег. Они готовились к приходу англичан. Если, несмотря на самое героическое сопротивление, которое смогут оказать турецкие армии, союзники все-таки захватят город, правящие классы были к этому готовы. Они намеревались сделать со своей столицей то же самое, что русские сделали с Москвой, когда к ней подошел Наполеон.

— Они никогда не получат этот город, — говорили мне, — а только кучу пепла.

Кстати, эти слова были вовсе не пустой угрозой. Мне сообщили, что во все полицейские участки и ряд других мест завезены канистры с бензином, которые можно было очень быстро поджечь. Так как большая часть домов в Константинополе была построена из дерева, то все это представлялось не слишком сложной задачей. Но турки были решительно настроены уничтожить не только эти временные здания; их планы распространялись также на прекрасные архитектурные творения, созданные христианами задолго до турецкой оккупации. В частности, они хотели взорвать мечеть Святой Софии. Это здание, которое было христианской церковью в течение многих веков до того момента, когда стало мусульманской мечетью, представляло собой величественное строение времен исчезнувшей Византийской империи. Естественно, предложение совершить подобный акт вандализма вызвало у всех нас возмущение, и я обратился к Талаату с просьбой пощадить храм Святой Софии. Он легко отнесся к предполагаемому разрушению.

— В комитете партии «Единение и прогресс» не найдется и шести человек, — сказал он мне, — которые любили бы старое. Нам всем нравится все новое!

Это все, чего я смог добиться тогда относительно этого вопроса.

Настойчивость Энвера в отношении того, что Дарданеллы смогут выстоять, привела к тому, что его товарищи потеряли всякое доверие к его мнению. Спустя примерно год Бедри-бей, префект полиции, рассказал мне все в деталях. Пока Энвер был на Кавказе, говорил Бедри, Талаат созвал совещание, что-то вроде военного совета по Дарданеллам. Присутствовали Лиман фон Зандерс, немецкий генерал, реформировавший турецкую армию; Узедом, немецкий адмирал, бывший генеральным инспектором турецких береговых укреплений; Бронссарт, немецкий начальник штаба турецкой армии, и еще несколько человек. Все присутствующие высказывали как свое личное мнение, что британский и французский флот сможет захватить пролив. Единственным поводом для дискуссии, по словам Бедри, было то, сколько времени — восемь или двадцать часов — потребуются кораблям, чтобы добраться до Константинополя после того, как они разрушат укрепления. Мнение Энвера было всем хорошо известно, однако совет решил игнорировать его и провести подготовку без его ведома — исключить военного министра, по крайней мере временно, из принятия решений.

В начале марта Бедри и Джамболат, ответственный за национальную безопасность, пришли ко мне. Тогда уже началось массовое бегство из столицы. Турецких женщин и детей отправили в глубь страны; банки заставили отправить свое золото в Малую Азию; архивы Османской Порты уже были перевезены в Эскишер, и практически все послы и их сопровождающие, как и большинство чиновников правительства, были готовы к отъезду. Директор музея, который был одним из тех шести турок, и, по словам Талаата, «любил старое», спрятал произведения искусства, находящиеся в Константинополе, в подвалы или укрыл их в защищенных местах. Бедри пришел, чтобы согласовать детали моего отъезда. Будучи послом, я был аккредитован при султани, и моим долгом было, по словам Бедри, следовать туда, куда решил следовать султан.

Поезд уже готов, добавил он. И ему хотелось бы узнать, сколько человек я собирался взять с собой. На его предложение я ответил отказом. Я проинформировал Бедри, что, по моему мнению, мой долг заключался в том, чтобы остаться в Константинополе. Только посол, сохраняющий нейтралитет, сказал я, сможет помешать убийствам и разрушению в городе, и я обязан цивилизованному миру, если смогу, предотвратить подобные бедствия. Если моя должность посла обяжет меня следовать за султаном, то я уйду в отставку и стану генеральным консулом.

И Бедри, и Джамболат были гораздо моложе и гораздо менее опытными, чем я. Таким образом, я намекнул им, что в подобной ситуации в качестве советчика им потребуются человек с многолетним опытом. Я был заинтересован не только в защите иностранцев и американских учреждений, но и, по чисто гуманным соображениям, в том, чтобы сохранить турецкое население от перегибов, которых следовало ожидать. Представители некоторых национальностей, склонные к грабежу и убийствам, вызывали особое беспокойство. Поэтому я предложил Бедри и Джамболату сформировать что-то вроде комитета, состоящего из нас троих, который попытается взять под контроль близящуюся катастрофу. Они согласились. Мы втроем собрались и разработали план действий. Мы взяли карту Константинополя и отметили на ней районы, которые, согласно существовавшим правилам ведения войны, по нашему мнению, союзный флот имел право атаковать. Таким образом, мы решили, что военное министерство, военно-морское министерство, офисы телеграфа, железнодорожные станции и все общественные здания вполне могут стать целями их орудий. Затем мы отметили зоны, которые должны обладать иммунитетом, на чем мы должны настаивать. К ним были отнесены основная часть города, состоящая из жилых домов, а также часть города, где находились все посольства, Пера, район на северном берегу бухты Золотой Рог. Их мы отметили как места, которые нельзя атаковать. Мы также разграничили определенные жилые районы Стамбула и Галаты, турецкие облас-

ти. Я телеграфировал в Вашингтон, запрашивая у Государственного департамента ратификацию этих планов и согласие уважать эти зоны безопасности со стороны британского и французского правительства, и получил подтверждающий ответ.

Таким образом, все приготовления были проведены. На станции стояли поезда, готовые увезти султана, правительство и послов в Малую Азию. Они стояли под парами, готовые в любой момент тронуться в путь. Все мы ждали триумфального прибытия флота союзников.

Глава 17

ЭНВЕР ДЕМОНСТРИРУЕТ «УЯЗВИМОСТЬ» БРИТАНСКОГО ФЛОТА. СТАРОМОДНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ В УСТЬЕ ДАРДАНЕЛЛА

Когда напряжение достигло своего пика, Энвер попросил меня съездить в Дарданеллы. Он все еще настаивал на том, что укрепления неприступны, и не мог понять, по его словам, причину паники в Константинополе. Он лично посетил Дарданеллы, осмотрел каждое орудие, каждую огневую позицию и пребывал в абсолютной уверенности, что его солдаты смогут сдержать флот союзников. Он убедил в этом Талаата, тем самым значительно успокоив страхи государственного деятеля. Энвер был абсолютно убежден, что если я побываю на укреплениях, то смогу лично убедиться в том, что флот не сможет пробиться, после чего смогу успокоить людей, так что паника немного утихнет. Я отбросил некоторые сомнения по поводу того, должен ли посол подвергать себя подобной опасности — корабли вели огонь каждый день, — и принял приглашение Энвера.

Утром 15-го мы покинули Константинополь на судне «Юрук». Сам Энвер сопровождал нас до Пандермы, азиатского города на Мраморном море. Группа состояла из нескольких выдающихся человек: Ибрагим-бей, министра юстиций,

Хусни-паши, генерала, командовавшего армией, свергнувшей Абдул-Хамида во время революции, устроенной младотурками, и сенатора шерифа Джафер-паши, араба и прямого потомка пророка. Особенно выдающейся личностью был Фуад-паша, старый фельдмаршал, который, несмотря на свой возраст, обожал развлечения, был любителем поесть и выпить. У него всегда было множество историй о ссылах, битвах и спасениях в последний момент, как у Отелло. Все эти люди были гораздо старше Энвера, и их предки были гораздо более значительными людьми, однако они обращались с этим выскочкой с большим уважением.

Энвер был рад этой возможности обсудить ситуацию. Сразу после завтрака он отвел меня в сторону. Мы вышли на палубу. Стоял прекрасный солнечный день, а небо над Мраморным морем было того голубого цвета, который можно встретить только в этой части света. Больше всего меня поразила тишина и полная неподвижность этих вод. Наш корабль был фактически один в этих водах, и это расположенное внутри страны море, по которому в обычные времена проходил один из самых значительных торговых путей мира, сейчас было пустынным. Все вокруг было всего лишь отражением триумфа немецкой дипломатии на Ближнем Востоке. В течение шести месяцев ни одно русское торговое судно не прошло через этот залив. Торговля Румынии и Болгарии с Европой, которая обычно шла через это внутреннее море, уже давно прекратилась. Единственным плюсом этого опустошения явилось то, что Россия была заблокирована и полностью изолирована от своих союзников. Каким же важным оказался этот факт для мировой истории последующих трех лет! И теперь англичане и французы искали способ преодолеть это неудобство; они пытались соединить свои собственные военные силы с военными ресурсами их большого восточного союзника и вернуть на Дарданеллы и Мраморное море тысячи кораблей, что означало, что Россия вернет себе военную, экономическую и, как показали дальнейшие события, политическую мощь. Один из самых значительных моментов в войне приближался.

Удастся ли Англии и ее союзникам это предприятие? Разрушат ли их корабли укрепления Дарданелл, прорвутся ли они и, соответственно, станет ли Россия вновь непосредственной участницей войны? Эти вопросы были главными темами нашего с Энвером разговора, когда в течение практически трех часов мы прогуливались по палубе. Энвер вновь упомянул «глупую панику», которая охватила практически все слои общества.

— Даже несмотря на то, что Болгария и Греция также выступили против нас, — сказал он, — мы будем защищать Константинополь до конца. У нас достаточно орудий и боеприпасов, расположенных на суше, в то время как британские и французские дивизии прибывают на кораблях. И естественные преимущества проливов столь велики, что военные корабли ничего не смогут сделать. Мне абсолютно все равно, что думают остальные люди. Я изучил проблему гораздо более тщательно и чувствую, что прав. Пока я являюсь главой военного департамента, мы не сдадимся. Я не представляю, что собираются делать эти английские и французские моряки. Предположим, что они пройдут Дарданеллы, войдут в Мраморное море и доберутся до Константинополя, но что это им даст? Признаю, они могут открыть огонь и уничтожить город, однако они не смогут захватить его ввиду того, что в их распоряжении всего лишь незначительное число сухопутных войск. Если они не возьмут с собой огромную армию, то попадут в ловушку. Вероятно, они смогут оставаться там в течение двух-трех недель, пока у них не кончатся запасы продовольствия, тогда они вынуждены будут повернуть назад и снова рисковать своей жизнью. За время их пребывания у Константинополя мы починим форты, соберем войска и будем полностью готовы к встрече с ними. Мне их кампания кажется очень глупым предприятием.

Я уже говорил, что в качестве примера Энвер брал Наполеона, и в этой экспедиции в Дарданеллы он видел наполеоновские возможности. Когда мы в очередной раз проходили по палубе, он остановился, серьезно взглянул на меня и сказал:

— Я войду в историю как человек, который обнаружил уязвимость Англии и ее флота. Я докажу, что ее армию можно победить. Я был в Англии за несколько лет до начала войны и там обсуждал ее положение со многими известными деятелями, такими как Асквит, Черчилль и Холдейн. Я сообщил им, что их образ действия неверен. Уинстон Черчилль утверждал, что Англия может защитить себя при помощи только военно-морского флота и что ей не нужна большая сухопутная армия. Я ответил Черчиллю, что ни одна империя не может существовать, не имея и того и другого. Вскоре я понял, что мнение Черчилля было самым распространенным в Англии. Я встретил только одного человека, который разделял мое мнение, — лорда Робертса. Черчилль отправил свой флот сюда, возможно, чтобы показать, что его флот может совершить все то, о чем он говорил тогда. Что ж, посмотрим.

Казалось, что Энвер рассматривал эту военно-морскую экспедицию как личный вызов себе со стороны Черчилля — что-то вроде продолжения их спора, начавшегося в Лондоне.

— У вас тоже должна быть большая армия, — сказал Энвер, имея в виду Соединенные Штаты. — Я не верю, — продолжил он, — что Англия пытается захватить Дарданеллы по просьбе российской стороны. Будучи в Англии, я обсудил с Черчиллем возможность войны. Он спросил меня, как поступит Турция в таком случае, и сам же ответил, что если Турция будет на стороне Германии, то британский флот пройдет Дарданеллы и захватит Константинополь. Черчилль не пытается помочь России, нет, он пытается выполнить свою угрозу.

Энвер говорил решительно и уверенно. По его словам, практически все повреждения, нанесенные внешним фортам, были устранены, и у турок были методы защиты, о существовании которых враг не подозревал. Он выразил сожаление, обвинив англичан в попытках подкупить турецких чиновников, и даже заявил, что они пытались совершить покушение на его жизнь. С другой стороны, он не выразил осо-

бого дружелюбия и по отношению к немцам. Властные манеры Вангенхайма раздражали его, а турки, по его словам, не ладили с немецкими офицерами.

— Туркам и немцам, — добавил он, — глубоко наплевать друг на друга. Мы с ними, потому что это в наших интересах; они с нами, потому что это выгодно им. Германия будет поддерживать Турцию, пока это помогает Германии; Турция станет помогать Германии, пока это выгодно для нас.

К концу нашей весьма доверительной беседы Энвер находился в большом воодушевлении. Очевидно, он представлял себя «великим Энвером», Наполеоном турецкой революции, снизошедшим до обычного посла в обсуждении государственных дел.

— Знаете, — сказал он, — в Германии нет ни одного человека, с которым я говорил бы так же откровенно, как сегодня с вами.

Мы достигли Пандермы примерно в два часа. Здесь Энвер сошел на берег, был также спущен его автомобиль, а наша команда продолжила свой путь. В Галлиполи мы прибыли поздним вечером. В порту мы бросили якорь и переночевали на борту. Весь вечер мы слушали грохот орудий, обстреливавших укрепления, но эти напоминания о войне и смерти не смутили моих турецких хозяев. Происходящее казалось им большой забавой, в течение нескольких месяцев у них была тяжелая и изнуряющая работа, теперь же они вели себя как мальчишки на каникулах. Они шутили, рассказывали истории, распевали пошлые песенки и подшучивали друг над другом. Почтенный Фуад, несмотря на свой почти 90-летний возраст, оказался настоящим шутником. А тот факт, что его товарищи сделали его мишенью для своих шуток, еще больше веселил его. Веселье достигло своего пика, когда один из участников нашей экспедиции налил ему полный стакан одеколона. Старый вельможа в течение некоторого времени изучал свой новый напиток, а затем разбавил его водой. Мне сказали, что самый лучший способ пробовать *раки*, популярный турецкий напиток, — это смешивать его с водой. Это стоящая вещь, и ее можно

пить не страпась за свое здоровье. Очевидно, вода оказывает тот же эффект и на одеколон, поскольку после смешения этих двух компонентов содержимое стакана стало белым. Старый вельможа залпом выпил этот коктейль, даже не поморщившись, что вызвало большое оживление у его мучителей.

Утром мы вновь отправились в путь. Мы уже подошли к Дарданеллам. От Галлиполи нам пришлось пройти практически сорок километров до Чанак-Кале. Большая часть этого пролива ничем не примечательна, а с военной точки зрения абсолютно не важна. Ширина пролива примерно три километра, побережье — низкое и болотистое, и лишь наличие нескольких деревенок указывало, что там еще есть жизнь. Мне рассказали, что там находилось несколько старых укреплений, ржавые орудия которых были направлены на Мраморное море. Орудийные позиции были сооружены там в начале XIX века, чтобы не пустить вражеские корабли с севера. Однако эти укрепления были столь незаметны, что я даже не обратил на них внимания. Хозяева проинформировали меня, что боевого значения они не имеют и что ничто на северной части пролива от мыса Нагара до Мраморного моря не могло оказать реального сопротивления современному флоту. Эта часть пролива, по моему мнению, могла быть интересна лишь с исторической точки зрения. Древний город Лампсак, современное название — Лапсеки, находился по ту сторону Галлиполи. А на мысе Нагара в древности находился город Абидос, из которого каждую ночь Леандр отправлялся через Геллеспонт на свидание со своей возлюбленной Геро — подвиг, повторенный спустя примерно сто лет лордом Байроном. Здесь же Ксеркс I отправился в путь из Азии в Грецию по понтонному мосту, начинал свою великую экспедицию, которая должна была сделать его властелином всего человечества. Проплывая место свершения его подвига, я подумал, что дух Ксеркса I еще жив! Турки и немцы нашли гораздо менее романтичное применение этой самой узкой части Дарданелл: они натянули там кабели и установили противолодочные минные за-

граждения и сети — средства, которые не смогли воспрепятствовать английским и французским подводным лодкам войти в Мраморное море и Босфор. Лишь когда мы обогнули знаменитый мыс Нагара, скучная монотонность пустых берегов сменилась некоторым разнообразием. На европейской стороне появились утесы, нависающие прямо над водой, они напомнили мне Пэлисейдс-парк на реке Гудзон. Я продолжал рассматривать холмы и горные гребни, которые впоследствии сыграли трагическую роль в судьбе доблестных армий союзников. Глядя на ландшафт к югу от Нагары со всеми его холмами и гребнями, становилось понятно, почему военные инженеры посчитали его лучшим для устройства оборонительных сооружений. Теперь наш корабль подходил, возможно, к самой важной точке во всем проливе — городу Чанак, или, если назвать его современным европейским именем, Дарданеллам. В обычные времена это был процветающий порт с 16-тысячным населением, с домами из дерева, торговавший шерстью и другими продуктами. В течение многих веков это был важный военный пункт. Теперь же, за исключением солдат, здесь никого не было, большая часть гражданского населения была переселена в Анатолию. Как нам сказали, британский флот обстрелял город, однако это утверждение представлялось сомнительным ввиду того, что я видел лишь один дом, поврежденный, по-видимому, случайным снарядом, направленным на рядом расположенные укрепления.

Джевад-паша, турецкий главнокомандующий в Дарданеллах, встретил нас и проводил в Главный штаб. Джевад был человеком высокой культуры, приятным и радушным, с прекрасными манерами. Он прекрасно говорил по-немецки, поэтому переводчик мне не потребовался. Меня поразило уважение, с которым немецкие офицеры обращались с ним. То, что он был их главнокомандующим этим театром военных действий и что генералы кайзера были его подчиненными, было вполне очевидным. Когда мы вошли в его офис, Джевад остановился напротив куска торпеды, поставленного в центре коридора, очевидно в качестве сувенира.

— Это великий преступник! — сказал он, привлекая мое внимание.

Примерно в то же время в газетах воспевали подвиг английской субмарины, которая прошла в Дарданеллы, преодолев минное поле, и торпедировала турецкий военный корабль «Месудие».

— Это та самая торпеда! — сказал Джевад. — Вы увидите остатки корабля, когда спуститесь вниз.

Первым укреплением, которое я осмотрел, было укрепление Анадолу-Хамидие (Азиатское Хамидие), расположенное на урзе воды за Чанаком. Было такое впечатление, что я в Германии. Офицеры были практически все немцы. Повсюду сооружались огневые позиции, укреплялись посредством мешков с песком, а также другими способами. Повсюду здесь можно было слышать немецкий, а не турецкий язык. Мой гид полковник Верле получал огромное удовольствие, демонстрируя мне огневые позиции. Он был похож на актера, который гордится своей работой. Он сообщил мне, что безумно счастлив оказаться здесь в тот самый миг, когда Германия наконец нашла себя в войне. Он сказал мне, что всю свою жизнь он провел на военных учениях и, как и большинство немцев, устал от маневров, ненастоящих сражений и прочей бутафории. Уже приближаясь к 50-летнему рубежу, он стал полковником и очень боялся, что его карьера так и закончится без настоящего военного опыта, — и вдруг произошло великолепное событие, вот он сражается с настоящей английской армией, стреляет из настоящих орудий настоящими снарядами! Манеры Верле никак нельзя было назвать грубыми, он был «gemütlich» джентльменом из Бадена, достаточно приятным. И все же он был полностью подвластен духу «der Tag». Его отношение к происходящему было понятно, он вел себя как человек, который всю свою жизнь провел изучая теорию, а теперь получил возможность применить свои знания на практике.

Ощущение, что я в Германии, было столь сильным, что я не удержался и спросил полковника Верле, почему на этой стороне пролива так мало турок.

— Вы не станете задавать мне этот вопрос, — с улыбкой ответил он, — после того, как побываете на другой стороне пролива!

Местоположение Анадолу-Хамидие кажется идеальным. Он находится прямо у кромки воды, и в его распоряжении десять орудий, способных обстрелять любое судно, появившееся в Дарданеллах. Стоя около бруствера, я прекрасно видел весь пролив и форт Кум-Кале, находившийся примерно в восьмидесяти километрах. Ни один корабль не смог бы зайти в пролив незамеченным. И все же на непрофессионала вроде меня укрепления не произвели особого впечатления. Бруствер и траверс были всего лишь насыпями, которые, вероятно, не изменились со времен строивших их в 1837 году французов. Существовало распространенное мнение, что немцы полностью модернизировали укрепления на Дарданеллах, но в то время этого еще не произошло. Орудиям, используемым в Анадолу-Хамидие, было более тридцати лет, все они были сделаны на заводе Круппа в 1885 году. А ржавчина на некоторых из них была явным свидетельством их возраста. Их дальность была около четырнадцати километров, в то время как дальность орудий на военных кораблях, противостоящих им, была шестнадцать километров, дальность же орудий на «Королеве Елизавете» была близка к восемнадцати километрам. Цифры, которые я привел в отношении к Анадолу-Хамидие, применимы практически ко всем орудиям на других фортификационных сооружениях. Что же касается преимуществ дальности, то флот союзников имел решающее превосходство. Один только корабль «Королева Елизавета» мог справиться со всеми. Не было в фортификационных сооружениях и достаточного количества боеприпасов. И это при том, что европейские и американские газеты писали о том, что поезда со снарядами и оружием в Дарданеллы идут из Германии через Румынию. Из фактов, которые мне стали известны во время этого путешествия, а также впоследствии, я сделал вывод, что все эти рассказы — чистой воды вымысел. Небольшое количество «красных головок» — не броне-

бойных снарядов, используемых только против десантных партий, — было доставлено из Адрианополя и находилось в Хамидие во время моего визита, но их было немного, да и против кораблей они были бесполезны. Я уделяю много внимания Хамидие, потому что это было самое важное фортификационное сооружение в Дарданеллах. Во время обстрела оно принимало на себя больше огня союзников, чем любые другие позиции, и на его долю приходится по меньшей мере 60 процентов ущерба, нанесенного флоту союзников. Именно в Анадолу-Хамидие во время обстрела 18 марта был потоплен французский корабль «Буве» и нанесены повреждения ряду других кораблей. Все его офицеры были немцами, и ответственные посты занимали члены команд «Гибена» и «Бреслау».

Мы сели в автомобиль и отправились в Дарданос, проехав мимо остатков «Месудие». Батарея Дарданоса была настолько же турецкой, насколько Хамидие — немецкой. Орудия Дарданоса были несколько современнее, чем в Хамидие, — это были модели Круппа 1905 года. Здесь также располагалась единственная новая батарея, которую немцы установили к моменту моего визита: она состояла из нескольких орудий, снятых с немецких и турецких кораблей, стоявших в Босфоре. За несколько дней до нашей инспекционной поездки флот союзников вошел в бухту Эренкей и подверг ужасному обстрелу Дарданос — его последствия я видел буквально на каждом шагу. Земля почти на километр вокруг была вздыблена, пейзаж напоминал фотографии полей сражений во Франции, которые я недавно видел. Станным представлялось то, что, несмотря на руины вокруг, сами батареи были нетронуты, — сопровождавшие меня турки сообщили, что не было уничтожено ни одно орудие.

— Когда закончится война, — сказал генерал Мертенс, — мы создадим здесь курорт для туристов, построим гостиницы и станем продавать вам, американцам, в качестве сувениров артефакты. Чтобы их найти, нам не придется даже производить раскопки. Британский флот все сделал за нас.

Это звучало как шутка, хотя по сути было чистой правдой. Дарданос, в котором мы находились, был одним из самых известных городов Древнего мира; во времена Гомера он был частью владений Приама. Фрагменты капителей и колонн видны здесь до сих пор. А снаряды флота союзников, глубоко взрыхляя пласты земли, извлекали на поверхность артефакты, находившиеся в земле на протяжении тысячелетий. Один из моих спутников нашел кувшин для воды, который использовался, скорее всего, во времена Трои. Эффективность современного орудийного огня в «раскапывании» реликвий давно исчезнувших цивилизаций была воистину удивительной, правда, к сожалению, экспонаты извлекались на поверхность не всегда в целостности.

Турецкие генералы очень гордились отпором, данным батареей Дарданоса флоту союзников. Они подводили меня к орудиям, хорошо послужившим их делу, и любовно похлопывали их по дулам. Специально для меня Джевад вызвал лейтенанта Гассана, турецкого офицера, оборонявшего позиции. Это был маленький человечек с иссиня-черными волосами и черными глазами, очень застенчивый — мне показалось, что в присутствии генералов он сжался, так что казался еще меньше. Джевад похлопал Гассана по обеим щекам, а другой высокопоставленный офицер потрепал его волосы — создавалось впечатление, что они хвалят за хорошую службу преданную собаку.

— Из таких людей, как ты, получаются великие герои, — сказал генерал Джевад.

Он попросил Гассана рассказать об атаке англичан и о том, как она была отражена. Смущенный лейтенант рассказал свою историю, при этом было видно, что он тронут почти до слез высокой оценкой своих командиров.

— В армии тебя ждет великое будущее, — сказал генерал Джевад, прежде чем мы распрощались со скромным героем.

Будущее бедного Гассана наступило спустя два дня, когда флот союзников начал очередное наступление. Один из снарядов ударил в крышу его землянки, которая, обрушившись, похоронила под собой молодого человека. Правда,

судя по его поведению в день, когда я посетил батарею, он рассматривал похвалу генерала как достойную компенсацию за все, что он уже выстрадал, и за то, что ему еще предстоит вынести.

Я был весьма озадачен тем фактом, что флот союзников, несмотря на огромный расход боеприпасов, так и не сумел разрушить укрепления Дарданоса. Вначале я думал, что виной всему плохая подготовка артиллеристов, но сопровождавшие меня немцы объяснили, что это не так. Неточный огонь является еще одним доказательством того, что быстро маневрирующий корабль находится в невыгодной позиции, ведя огонь по неподвижному фортификационному сооружению. Однако в случае с батареей Дарданоса был еще один момент. Хозяева обратили мое внимание на ее расположение. Она стояла на вершине холма, на виду у кораблей, сливаясь с линией горизонта. Дарданос представлял собой только пять стальных башен, каждая с орудием, к которым вел извилистый окоп.

— Труднее всего, — сказали мне, — попасть именно в такую цель. Она настолько отчетливо видна, что представляется легкой мишенью, что на самом деле совсем не так.

Я отнюдь не специалист в области оптики, но, как мне представляется, линия горизонта создает нечто вроде миража, и попасть в цель в таком случае можно лишь случайно. Артиллерист тщательно прицеливается, а снаряд пролетает мимо. Рекорд Дарданоса можно посчитать чудом. До 18 марта корабли выпустили по нему около 4 тысяч снарядов. Одна башня оказалась повреждена осколком, который содрал с нее краску, в другую тоже было отмечено попадание, в результате которого она получила небольшую вмятину. Третье попадание в районе основания башни выбило из нее фрагмент размером с ладонь. Но ни одно орудие не получило ни малейших повреждений. Восемь человек было убито, в их числе лейтенант Гассан, и около сорока получили ранения. Такова была степень ущерба.

— Дарданеллы спасла оптическая иллюзия, — сказал один из немцев.

Глава 18

АРМАДА СОЮЗНИКОВ УХОДИТ,
ХОТЯ БЫЛА БЛИЗКА К ПОБЕДЕ

Мы снова сели в автомобиль и поехали вдоль берега. Мое внимание было привлечено к минным полям, протянувшимся от Чанака к югу примерно на одиннадцать километров. В этом районе немцы и турки установили около 400 мин. Они с немалым удовольствием рассказали, что большинство этих разрушительных механизмов русские. День за днем русские эсминцы устанавливали мины на входе в Босфор в надежде, что они будут снесены течением и выполнят свою функцию. Каждое утро турецкие и немецкие минные тральщики выходили в море, вылавливали русские мины и устанавливали их в Дарданеллах.

Батарея в Эренкее также подверглась жестокому обстрелу, но почти не пострадала. В отличие от Дарданоса она была расположена с тыльной стороны холма и была скрыта от глаз. Как мне сказали, чтобы укрепить этот участок, туркам пришлось почти полностью демонтировать фортификационные сооружения внутреннего пролива — части водного пространства от Чанака до мыса Нагара. По этой причине этот последний участок Дарданелл был практически не укреплен. Орудия, которые были перемещены для этой цели, оказались устаревшими моделями Крупна образца 1885 года.

К югу от Эренкея, на холмах, граничащих с дорогой, немцы ввели новшество. Они нашли несколько гаубиц Крупна, оставшихся после болгарской войны, и установили их на бетонный фундамент. Каждая батарея имела четыре или пять таких огневых точек, а приблизившись, я заметил несколько прочных фундаментов, на которых не было орудий. Еще больше меня заинтриговало увиденное мной стадо буйволов — я насчитал шестнадцать животных, занятых в операции перетаскивания гаубицы с места на место. Это, судя по всему, было частью плана по организации обороны. Как только падающие снаряды показывали, что корабли союзников начинают при-

стреливаться, гаубицу с помощью буйволов перетаскивали на другое бетонное основание.

— У нас есть в запасе кое-что и получше этого, — сказал один из офицеров.

Он позвал сержанта и рассказал о его задумке. Этот солдат был «хозяином» некоего хитроумного приспособления, которое издаലെка выглядело как настоящее орудие, но, когда я осмотрел его вблизи, оказалось частью трубы канализационного коллектора. С тыльной стороны холма, в месте, не видимом с кораблей, было установлено орудие, с которым сержант «сотрудничал». Между ними была протянута телефонная линия. Когда поступала команда открыть огонь, артиллерист, ответственный за гаубицу, выпускал снаряд, а сержант, отвечавший за канализационную трубу, сжигал несколько километров черного пороха, обеспечивая появление заметного облака темного дыма. Понятно, что англичане и французы на кораблях предполагали, что летящие в них снаряды и облако дыма имеют общий источник, и концентрировали на нем огонь. Пространство вокруг фальшивого орудия было все изрыто воронками от снарядов. Сержант, ответственный за трубу, вызвал на себя более 500 снарядов, а настоящая пушка осталась невредимой.

Из Эренкея мы снова вернулись в штаб генерала Джевада, где нас накормили. Джевад отвел меня на наблюдательный пункт, откуда можно было любоваться голубой гладью Эгейского моря. Я видел вход в Дарданеллы, Седа-уль-Бахр и Кум-Кале, стоявших как стражи ворот, а между ними сверкала и переливалась под лучами солнца поверхность моря. Вдалеке я видел английские и французские корабли, а еще дальше можно было различить очертания острова Тенедос, за которым, мы это знали, стоял флот союзников. Этот прекрасный вид вызывал тысячи ассоциаций, связанных как с реальными историческими событиями, так и с мифами, ведь вероятно, во всем мире нет другого места, столь же овеянного романтикой и поэзией. Очевидно, сопровождающий меня генерал Джевад тоже почувствовал нечто возвышенное, потому что он взял подзорную трубу и направил ее на от-

крытое пространство, расположенное примерно в десяти километрах от нас.

— Взгляните туда, — сказал он и дал бинокль, — знаете, что это?

Я внимательно всмотрелся в даль, но не узнал пустынный песчаный берег.

— Это равнины Трои, — сказал он, — а река, которую вы видите, — добавил он, — мы, турки, зовем ее Мендерессу, но Гомер знал ее как *Скамандр*. Позади нас находится гора Ида.

Затем он повернул подзорную трубу в сторону моря, обвел взглядом пространство, где стояли английские корабли, и снова предложил мне взглянуть куда-то. Я немедленно направил бинокль на указанное место и увидел великолепный английский военный корабль, полностью готовый к бою, спокойно плывущий вдаль, как человек, вышедший в дозор.

— Это «Агамемнон», — пояснил он, — сейчас я сделаю выстрел по нему.

— Хорошо, — согласился я, — только если вы обещаете не попасть.

В штабе нас накормили обедом. С нами были адмирал Узедом, генерал Мертенс и генерал Помианковски — австрийский военный атташе в Константинополе. Все находившиеся за столом были совершенно уверены в будущем. Что бы ни думали дипломаты и политики в Константинополе, эти люди, турки и немцы, и мысли не допускали, во всяком случае вслух, что флот союзников пройдет их оборону. Они даже надеялись, что противник совершит еще одну попытку.

— Если бы только мы получили возможность сразиться с «Королевой Елизаветой», — сказал один ретивый немец, имея в виду крупнейший английский корабль, стоявший на входе в пролив.

По мере опустошения емкостей с рейнвейном боевой дух возрастал сверх всякой меры.

— Пусть только эти чертовы глупцы высадутся на берег! — воскликнул один из присутствующих.

Мне показалось, что турецкие и немецкие офицеры соперничают друг с другом в выражении готовности к бою. Ве-